

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

УДК 821.161.1"18-21"

Красноярова Анна Александровна

«КИТАЙСКИЙ ТЕКСТ» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук**

Специальность 10.01.01. – Русская литература

Научный руководитель –
доктор филологических наук
профессор Б. В. Кондаков

Пермь — 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

1.	ВВЕДЕНИЕ	3
2.	ФОРМИРОВАНИЕ «КИТАЙСКОГО ТЕКСТА» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	14
2.1.	«Китайский текст» и «китайский контекст» русской литературы XIX в.	16
2.2.	«Китайский текст» в русской литературе 1880–1910-х гг.	34
2.3.	Выводы	62
3.	«КИТАЙСКИЙ ТЕКСТ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920–1930-х гг.	67
3.1.	«Китайский текст» в советской литературе 1920–1930-х гг.	67
3.2.	«Китайский текст» в творчестве русской эмиграции	94
3.2.1.	<i>Китай в эмигрантской поэзии 1920–1930-х гг.</i>	106
3.2.2.	<i>Китай в эмигрантской прозе 1920–1930-х гг.</i>	135
3.2.3.	<i>Особенности «китайского текста» эмигрантской литературы</i>	149
3.3.	Выводы	152
4.	«КИТАЙСКИЙ ТЕКСТ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1940–2010-х гг.	155
4.1.	«Китайский текст» мемуарной литературы 1950–2010-х гг.	167
4.2.	Харбин и Шанхай в русской литературе 2000–2010-х гг.	179
4.3.	«Китайский текст» российских синологов	210
4.4.	Выводы	228
5.	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	231
	Список использованной литературы	235

1. ВВЕДЕНИЕ

В литературоведении 1990–2010-х годов стало популярным исследование различных вариантов «тематических» текстов.

Тематические тексты могут быть объединены *пространственным локусом* («художественным пространством» городов), – например, Петербургский текст [Топоров 1995], Московский текст, Венецианский текст [Меднис 1999], Пермский текст [Абашев 2000] (их можно условно называть «городскими» текстами).

Среди «тематических» текстов могут быть выделены тексты, объединённые личностью выдающегося (и при этом мифологизированного) представителя культуры: «пушкинский текст» [Гаспаров 1996], «дягилевский текст» [Деменева 2010], «чеховский текст», «бунинский текст» и т. п. (их можно условно называть «именными» или «персональными» текстами).

Важным фактором, позволяющим выделять тот или иной «пространственный» или «именной» текст культуры, является его представленность в различных письменных (литературных) источниках, цельность этого представления, а также его связь с тем или иным культурным контекстом.

Понятие «текст» в диссертации используется в значении, которое ввёл Ю.М. Лотман [Лотман 2016] и постструктуралисты [Барт 1989]: как сложное структурированное целое, «текст культуры», связанный с множеством текстов и контекстов, многообразно пересекающихся друг с другом [Ильин 1999]. В филологии такие тексты нередко называют *сверхтекстами*, выражающими «совокупность высказываний», ограниченных «темпорально и локально», объединённых «содержательно и ситуативно», характеризующихся «цельной модальной установкой» и «достаточно определёнными позициями адресанта и адресата» [Купина, Битенская 2004].

«Сверхтекст» является системой, объединённой определённой ценностно-смысловой позицией, наличием соотнесённых с ним «образов культуры» и внетекстовых реалий (в том числе деталей предметной выразительности). Эти особенности сверхтекста В.Н. Топоров охарактеризовал так: «...Все “множественно-различное”, “пёстрое” индивидуально-оценочное вовлекается в это поле, захватывается им и как бы пресуществляется в нем в плоть и дух единого текста. <...> Именно в силу этого “субъективность” целого поразительным образом обеспечивает <...> “объективность” частного» [Топоров 1995: 261]. На другие качества «сверхтекста» указал В.В. Абашев: «В стихийном и непрерывном процессе символической репрезентации места формируется <...> стабильная сетка семантических констант. Они становятся доминирующими категориями <...> и начинают <...> программировать этот процесс в качестве <...> матрицы новых репрезентаций...» [Абашев 2000: 11–12].

«Пространственные» тексты культуры на протяжении 1990–2000-х гг. неоднократно оказывались объектом литературоведческих исследований [Меднис 1999; Абашев 2000; Соболева 2010; Деменева 2010]. Однако процесс исследования данного литературного феномена не может считаться завершённым.

Среди многочисленных «сверхтекстов», существующих в рамках русской культуры, особое место занимают произведения, в которых Китай описывается как особое *художественное пространство* («художественный мир»), *собирательный образ*, связанный с судьбами персонажей и обуславливающий развитие сюжета. «Сверхтекст», созданный такими произведениями, в дальнейшем будет называться «китайским текстом». Возникновение в русской литературе особого «китайского текста» вполне закономерно, поскольку русских людей всегда интересовала соседняя страна, создавшая древнюю богатую культуру.

Китайский текст объединяется не только изображением Китая, его истории и природы, но и воспроизведением культурных реалий, обращением к многочисленным текстам культуры, национальным религиозно-философским идеям, мифологемам, образам и сюжетам, отдельным стилевым и сюжетно-композиционным приёмам, используемым китайской словесностью. Китайский текст включает многочисленные описания Китая, образы китайцев в художественной литературе и публицистике, мемуарные произведения («литературу путешествий», воспоминания русских эмигрантов), а также произведения, в которых использованы отдельные сюжеты и мотивы, связанные с китайской культурой.

Изучение китайского текста российским литературоведением практически не проводилось. Немногочисленные работы на эту тему посвящены либо отдельным аспектам изучения Китая (например, политологическому [Лукин 2007]), либо творчеству известных писателей, в произведениях которых упоминался Китай.

«Китайский» текст русской литературы был организован иначе, чем, например, развитый в русской литературе «итальянский» текст. Италия была страной, которую хорошо знали и часто посещали не только российские писатели, художники, музыканты, но и представители дворянства, а также определённая часть разночинной интеллигенции. Итальянское искусство, жизнь итальянского народа были достаточно хорошо известны и близки российскому читателю, а итальянская культура, сохраняя, естественно, статус «чужой», в итоге оказывалась все-таки «своей-чужой» культурой.

Китай, который – в отличие от Италии – был «не освоенным» в культурном плане государством и поэтому долгое время оставался для российского читателя страной экзотической, «загадочной», в связи с чем для «китайского текста» русской литературы особенно важными оказывались проблемы *восприятия* и *интерпретации*. Значительную часть

информации о стране российские читатели получали из переводов произведений китайской словесности.

«Китайский текст» русской литературы начал формироваться в XVIII в. и активно развивался на протяжении XIX–XXI вв. Сегодня мы можем отметить, что в результате более чем двухвекового развития он стал сложным и многообразным.

В «китайский текст» могут быть включены:

– произведения русской классической литературы XIX в., в которых описывается Китай или воспроизводятся образы и сюжеты, связанные с китайской культурой;

– литература русского «восточного» зарубежья, созданная соотечественниками, проживавшими в Харбине, Шанхае, Ханькоу и Тяньзине (мемуары, повести, стихотворения, очерки, рассказы и романы, в которых раскрывалась жизнь русских людей, оказавшихся в Китае, а также восприятие ими и китайской культуры и обычаев местного населения);

– произведения русских писателей, в том числе современных, проживающих в России или других странах, в которых описывается Китай;

– произведения, которые могут быть отнесены к «восточной фантазии», – тексты, создающие «альтернативную» («потенциальную») историю, приключенческая и детективная литература, в которых имеются образы и сюжетные линии, связанные с Китаем.

Этот краткий перечень может быть дополнен многими другими произведениями.

Актуальность темы диссертации обусловлена тем, что взаимоотношения с Китаем сегодня являются важнейшим фактором международного положения. Изучение эстетического восприятия Китая разными поколениями представителей русской культуры даёт уникальную возможность для осмысления механизмов межкультурной коммуникации

(особенно на примере столь разных по своей природе культур, как русская и китайская), а также историко-культурного процесса, который становящегося *контекстом*, в котором функционирует данный текст.

В периоды цивилизационных сдвигов актуальным становится вопрос о способах накопления опыта взаимного понимания, опыта диалога между разными странами, продолжавшегося на протяжении почти трёх веков. Знакомство с уникальной китайской цивилизацией, непрерывно существовавшей и развивавшейся на протяжении пяти тысячелетий, позволяет представить закономерности исторического развития и понять эффективные механизмы выживания нации в сложнейших условиях.

Мысль об исторической и духовной близости России и Китая, а также о сходстве проблем, стоящих перед обеими странами, впервые сформулированная в русской литературе XIX в., стала одной из основополагающих для «китайского текста» русской литературы XX в., когда, с одной стороны, Россия и Китай действительно оказались в сходных политических ситуациях, а, с другой, – множество российских людей оказалось на территории Китая. Это привело к росту количества произведений, в которых изображался Китай, и к структурному усложнению «китайского текста».

На протяжении XIX в. «китайский текст» стал играть в русской культуре большую роль (и в этом плане он оказался вполне сопоставимым с «итальянским», «московским», «петербургским» или «пушкинским» текстами), что может быть объяснено огромной значимостью жизни страны – близкого соседа России – для понимания *собственной* истории и культуры. Россия и Китай – два государства, исторический путь и культурные парадигмы которых, с одной стороны, принципиально различались, а, с другой стороны, – при всём своеобразии – имели черты, сопоставление которых помогало понять существенные особенности исторического пути России и национальный характер. «Китайский текст» помогал российским

писателям и читателям лучше представить перспективы России и закономерности её развития.

Изучение «китайского текста» предоставляет уникальную возможность осмысления как национальной специфики русской культуры, так и особенностей традиционной культуры Китая, своеобразно интерпретированных русской литературой XIX–XXI вв.

Объект диссертации – «китайский текст» русской литературы и созданный в нём образ Поднебесной.

Предметом исследования являются художественные представления русских писателей XIX–XXI вв., в произведениях которых (художественных и художественно-публицистических текстах, травелогах, мемуарной литературе, эпистолярных, литературно-критических и биографических материалах) упоминается или описывается Китай.

Целью работы является определение художественных особенностей «китайского текста» русской литературы, а также контекстов, в которых он функционировал.

Для реализации предложенной цели были поставлены следующие **задачи**:

- определение состава и структуры «китайского текста» русской литературы;
- описание этапов становления и развития «китайского текста»;
- исследование художественных функций образа Китая в русской литературе;
- выявление в «китайском тексте» способов выражения национальной специфики (китайской и русской);
- определение места «китайского текста» в культурном контексте эпохи;
- анализ художественных контекстов русской литературы XIX–XXI вв., соотнесённых с «китайским текстом»;
- уточнение методологических подходов к анализу текстов культуры.

Материалом диссертационного исследования являются художественные произведения русской литературы XIX–XXI вв., в которых представлено описание Китая (романы, повести, рассказы, драматургические произведения, стихотворения, философские эссе и другие произведения). В числе исследуемых писателей можно назвать И. Гончарова, Л. Толстого, Л. Гумилёва, В. Дорошевича, С. Третьякова, Б. Пильняка, Н. Байкова, А. Хейдока, Л. Барякину, Е. Анташкевича, И. Алимова, В. Рыбакова и других.

Дополнительным материалом послужили литературно-критические статьи, написанные в XX–XXI вв., в которых литературоведы и культурологи формулировали собственные интерпретации художественных произведений, описывающих Китай.

В работе использовался **метод культурно-контекстуального анализа** с элементами *историко-типологического* и *сравнительно-исторического* исследования. В основу методики описания образа Китая в русской литературе были положены идеи Ю. Лотмана о принципах выражения культуры в тексте [Лотман 2016]. Для характеристики «китайского текста» использовались методики анализа пространственных и именных текстов, которые были использованы В. Топоровым [Топоров 1995], Б. Гаспаровым [Гаспаров 1996], В. Абашевым [Абашев: 2000], Н. Меднис [Меднис 1999]. Для того, чтобы раскрыть принципы функционирования «китайского текста» в русской культуре XIX–XX вв. и принципы его интерпретации в культуре применялись методы, разработанные советскими и российскими синологами, – Н. Конрадом [Конрад 1965], Б. Рифтиным [Рифтин 1961; Рифтин 1970; Рифтин 1979; 2004], И. Алимовым [Алимов 2002] и некоторыми другими известными китаеоведами.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- введено понятие «китайский текст» русской литературы и выявлены основные его художественные особенности;

- определены этапы формирования «китайского текста», принципы его развития и его место в творчестве русских писателей;
- исследованы механизмы функционирования китайского текста в русской культуре;
- выявлена связь «китайского текста» с ценностями русской и китайской культуры;
- проанализированы историко-культурные контексты, связанные с «китайским текстом» русской литературы.

Показателем *новизны* поставленной в диссертации проблемы является тот факт, что научных исследований, написанных на поставленную нами тему, было относительно немного. Достаточно хорошо были исследованы только два аспекта: взаимоотношения русских писателей-классиков (А. Пушкина, И. Гончарова, Л. Толстого и некоторых других) с Китаем (такого рода исследования часто публиковались в 1970–1980-е гг.) и творчество писателей русского «восточного» зарубежья (эти исследования активно осуществлялись в 1990-е, 2000-е и 2010-е гг.).

Теоретическая значимость исследования связана с введением понятия «китайский текст» русской литературы, а также с разработкой и уточнением понятия «текст культуры».

Практическая значимость исследования заключается в том, что материалы диссертации могут быть использованы в университетских курсах по истории русской литературы и культуры XIX–XXI вв. (как в России, так и в Китае), и истории литературы русского зарубежья, а также в специальных курсах по проблемам межкультурного взаимодействия и литературной компаративистики. Результаты проделанного исследования будут способствовать взаимодействию двух культур, формируя соответствующее представление у читателей обеих держав о традициях и жизни как русского, так и китайского народа.

Гипотеза исследования заключается в том, что «китайский текст», с одной стороны, определял формирование образа Китая, существовавшего в сознании русских людей, а с другой – выразил многие существенные тенденции развития русской литературы и культуры в XIX–XXI вв. и воздействовал на современный историко-литературный процесс.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. На протяжении XIX–XXI вв. в русской литературе формировался особый «китайский текст», в котором воспроизводился многообразный мир Китая. «Китайский текст» был соотнесён с определённым культурно-историческим контекстом («китайским контекстом»), обусловленным политическими целями и художественными задачами.

2. «Китайский текст» русской литературы отражал актуальные политические и социальные проблемы, способствовал национальной самоидентификации русской культуры и разрушению «европоцентристских» представлений.

3. Основным содержательным компонентом представлений о Китае, выраженным в «китайском тексте», являлась система социокультурных ценностей, связанных с китайской культурой, – конфуцианскими, даосскими и буддийскими идеями.

4. «Китайский текст» создавался творческими усилиями русских писателей при существенном участии российских востоковедов-синологов.

5. «Китайский текст» существовал в нескольких жанрово-стилевых разновидностях, среди которых можно отметить травелоги, литературные сказки, циклы очерков, мемуары, историко-приключенческие повести и романы, нравственно-философские трактаты и этюды.

6. В истории формирования «китайского текста» могут быть выделены три основных периода: 1880–1910-е гг.; 1920–1930-е гг.; 1940–2010-е гг. На каждом из этапов «китайский текст» был тесно связан с эволюцией русской литературы и выражал её основные тенденции. На первом этапе «китайский текст» развивался в форме травелогов и

аллегорических сказок; на втором этапе доминировали очерки, рассказы и повести, а также лирические стихотворения; на третьем этапе – мемуарные тексты, авантюрно-приключенческие повести и романы (в том числе в форме «альтернативной истории»). В 1990-е и 2000-е гг. активно воздействовали принципы постмодернизма.

7. «Китайский текст» существовал в двух «потоках»: «советском» и «эмигрантском». В «советской» разновидности текста ставились преимущественно идеологические задачи (изображение классовой борьбы и бедствий народа); в «эмигрантской» – нравственно-философские и эстетические проблемы. Для литературы русской эмиграции освоение китайской культуры стало важным способом её существования и формой развития.

8. «Китайский текст» сформировал особый художественный язык, который включал систему символов, литературные аллюзии и реминисценции, «знаковые» детали, русифицированные китайские слова и выражения.

9. В «китайском тексте» русской литературы воплотились представления современников о гипотетическом «альтернативном» пути развития России.

Апробация результатов исследования осуществлялась в процессе обсуждения диссертации на заседании кафедры русской литературы Пермского государственного национального исследовательского университета, на международных конференциях, проводившихся в России («Россия и Китай на новом Шёлковом пути» – Пермь, 2018 и «Филология в XXI веке» – Пермь, 2017), в Казахстане («Global science and innovations 2019: Central Asia», 2019) и в Китае («Scientific research of the SCO countries: synergy and integration» – Beijing, 2018; «Россиеведение как новое направление междисциплинарных исследований» – Nanjing, 2017; «Волга и Янцзы» – Chendu, 2017). Апробация материалов работы осуществлялась также в процессе преподавательской деятельности автора в Пермском

университете и в Наньчанском университете (в курсах, читавшихся для китайских студентов).

По теме диссертации опубликовано 15 работ, в том числе 5 – в изданиях, рекомендованных ВАК для публикации материалов диссертационных исследований, 2 работы – в изданиях, входящих в международную наукометрическую базу SCOPUS. Общее количество публикаций автора диссертации по проблемам русского и китайского языка и литературы и методике их преподавания – 25 статей (в том числе 3 работы – в изданиях, входящих в базы Web of Scienes и SCOPUS) и раздел в коллективной монографии.

Структура работы определяется поставленными целью и задачами. Диссертация состоит из Введения, трёх основных разделов (один из которых посвящён теоретическим проблемам функционирования «китайского текста» и «китайского контекста», а также истории их формирования) и двух разделов, связанных с отдельными этапами формирования «китайского текста» русской литературы XX–XXI вв. (1920–1930-е и 1940–2010-е гг.), Заключения и Списка использованной литературы, который включает 477 наименований (в том числе 10 работ – на китайском языке). Диссертация имеет библиографическое приложение, в которое включены произведения русской литературы, отнесённые нами к «китайскому тексту». Объем работы составляет 234 страницы (без Списка литературы) и 296 страниц (включая Список литературы).

2. ФОРМИРОВАНИЕ «КИТАЙСКОГО ТЕКСТА» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Существование и функционирование в рамках той или иной культуры любого «сверхтекста» возможно в том случае, когда в ней присутствует соответствующий этому «тексту» многообразный культурно-исторический *контекст*.

Слово «контекст» используется нами в широком значении – как соотнесённая с текстом *среда*, культурно-историческая обстановка, в которой существует и функционирует данный текст. Любому *тематическому тексту* (каковым является «китайский текст» литературы) соответствует определённый тематический *контекст* (в данном случае – «китайский контекст»), связанный с общей культурной ситуацией эпохи.

Текст и контекст находятся в состоянии постоянного взаимодействия. Контекст способствует дальнейшему развитию тематического текста, а текст, в свою очередь, определяет функции и структуру контекста.

В «контекст» включается не только историческая и культурная *среда*, в которой функционируют персонажи *сверхтекста*, но и отражённые / преломлённые в культурной памяти *субъектов* текста – *читателей* – существующие в обществе на данном конкретном этапе *представления о Китае* (нередко весьма далёкие от реальности и даже фантастические), его языке, истории, природе и культуре, в том числе выраженные через другие созданные ранее *тексты*, посвящённые этой стране (в частности, исследования российских синологов). Совокупность культурных представлений о Китае в диссертации предлагается называть «*китайским контекстом*».

Роль историко-культурного *контекста* в организации *текста* можно пояснить на следующем примере.

В XIX в. в русской литературе существовал хорошо развитый «итальянский текст», который существенно отличался от современного ему «китайского текста». Отличия эти выражались, в частности, в способах

организации *контекста*. Италия была страной, которую хорошо знали и часто посещали не только российские писатели, художники, музыканты, но и значительная часть дворянства, чиновничества, священнослужителей. Итальянское искусство, жизнь итальянского народа были достаточно хорошо известны и близки российскому читателю, а итальянская культура, сохраняя, естественно, статус «чужой», в конечном итоге оказывалась все-таки «своей-чужой» культурой.

Китай, который – в отличие от Италии – долгое время оставался для русских людей «не освоенной» в культурном плане страной (с «своей-чужой» культурой), и поэтому интерпретировался как экзотичная, «загадочная» для читателя страна, в связи с чем для китайского текста русской литературы особенно важными становились проблемы *восприятия* и *интерпретации*. Исторические события, происходившие в Китае на протяжении XIX и XX века, а также сложная эволюция отношений между Китаем и Россией в рассматриваемый период способствовали расширению интереса российских (или «советских») читателей к культуре этой страны.

«Итальянский контекст» русской литературы в значительной мере был выражен в *личном опыте* российских читателей и писателей; *китайский* контекст в XIX в. был представлен преимущественно через другие *тексты* культуры. Важнейшей частью *китайского контекста* русской культуры становились размышления о закономерностях и парадоксах развития России (в период с конца XIX в. и вплоть до начала XXI в.), особенно – в сопоставлении с историей и парадоксами развития Китая.

В соответствии с этими наблюдениями в истории *формирования* «китайского текста» русской литературы мы выделяем *два периода*.

Первый период, начавшийся в XVIII в. и завершившийся в середине XIX в., можно называть «предварительным». В это время в России происходило формирование общих представлений о Китае, и собственно

«китайский текст» русской литературы практически ещё не отделился от «китайского контекста» русской и европейской культуры.

Второй период, начавшийся во второй половине XIX в. и завершившийся в период Гражданской войны, был связан с появлением ряда публицистических и художественных произведений, в которых либо описывался Китай, либо использовались сюжеты и образы китайской литературы, либо содержались размышления о Китае и китайской культуре (обычно в сопоставлении с русской культурой).

В соответствии с предложенной периодизацией мы выделяем *два подраздела*, в которых рассматриваются выделенные периоды.

2.1. «Китайский текст» и «китайский контекст» русской литературы XIX века

Формирование китайского контекста предваряло процесс становления китайского текста. Возникновение китайского контекста в русской литературе имело продолжительную историю.

В течение *древнерусского периода* истории (до конца XVII в.) представления российского населения о Китае были весьма приблизительными [Лукин, 2007].

Первая российская дипломатическая миссия в Китай, возглавляемая И.Ф. Петлиным, состоялась в 1618 г.; при этом руководитель миссии оставил описание своей поездки («Роспись Китайскому государнству...»). Хорошо известен исторический факт, свидетельствующий о существенных трудностях, возникавших во взаимоотношениях России и Китая. Император Минской династии Чжу Ицзюнь, правивший под девизом «Ваньли» (1563–1620), направил с И. Петлиным послание русскому царю Василию Шуйскому (1552–1612), однако, поскольку в России на тот момент не имелось ни одного переводчика с китайского языка, содержание письма на протяжении более 60 лет оставалось не понятым. Послание было привезено в Томск и оставлено там на «хранение»; только в 1675 г. известный русский

дипломат Н.Г. Спафарий, отправленный в Пекин в качестве посла, нашёл в Тобольске человека, который сумел понять общий смысл послания: император предлагал царю Василию Шуйскому развивать между Россией и Китаем двустороннюю торговлю¹.

Целенаправленный интерес к Китаю и китайской культуре (то есть формирование *китайского контекста*, ставшего основой для дальнейшего формирования *китайского текста*) в России стал возникать в XVIII в. В 1700 г., император Пётр I издал специальный указ об изучении восточных языков, в котором была отмечена стратегическая важность для России *китайского языка* [История отечественного востоковедения 1990: 40]. В этом аспекте Российская империя включалась в общеевропейскую тенденцию, связанную с ростом интереса к великому восточному государству.

В России стала развиваться европейская «придворная» традиция обращения к «китайскому стилю» *chinoiserie* («шинуазри») ², который повлиял на архитектуру, живопись, оформление интерьеров и женскую моду. Стиль *chinoiserie* предполагал использование при отделке интерьеров отдельных предметов, привезённых из Китая, – изделий (настоящих или поддельных) из нефрита и слоновой кости, китайского лака и фарфора, картин на сюжеты китайской жизни, декорирование стен помещений шёлком и т. п., а также применение особых художественных приёмов и специфической китайской символики (изображений драконов и птицы феникс, элементов китайского орнамента, обозначающих молнии, благодатный дождь, облака, волны и т. п.).

Стиль *chinoiserie* быстро входил в придворный быт, особенно в период правления императрицы Екатерины II (1762–1796 гг.), когда в обиход вошла китайская «чайная церемония», считавшаяся признаком

¹ См.: Информационный портал фонда «Русский мир». – Режим доступа: <http://www.russkiymir.ru/media/magazines/article/141681> (дата обращения 27.10.2017).

² Французское слово *chinoiserie* («шинуазри», «шианузери») на русский язык может быть переведено как «китайщина».

хорошего тона, предметы одежды, изготовленные из шёлка, зонтики от солнца, ширмы, веера и другие предметы, соотносившиеся в сознании людей того времени с Китаем³.

Использование стиля *chinoiserie* оказалось не просто очередной модой – он стал «знаковым» для культуры XVIII – начала XIX вв., поскольку свидетельствовал о материальном достатке хозяев помещений и утонченности их эстетических представлений. Появление этого стиля в рамках русской культуры стало первым этапом функционирования *китайского контекста*. При этом – в большинстве случаев – обращение к китайской культуре оставалось поверхностным, касающимся только отдельных внешних деталей и стилистических приёмов; сущность китайских традиций и стоящая за ними философско-этическая система, жизнь китайского народа долгое время оставались вне сферы внимания российского общества и не сопровождались углублённой «просветительской» и «интеллектуальной» любовью к Китаю.

Значительную часть информации о Китае российские образованные люди стали получать из переводов произведений китайской словесности. В XVIII в. российский читатель получил возможность читать китайские тексты через переводы с языков-посредников (французского, английского, маньчжурского). Так, например, именно с французского языка известный российский писатель и дипломат Д.И. Фонвизин в 1779 г. выполнил перевод важнейшего для китайской культуры трактата «Да сюэ» («Великое учение») [Та-гио, или Великая наука 1779: 59–101]. Китай стал упоминаться в

³ Известный архитектор А. Ринальди в 1762–1768 гг. построил для императрицы Екатерины II выполненные в стиле *chinoiserie* «китайский дворец» (г. Ораниенбаум) и «китайскую деревню» (Царское Село). В «китайской деревне», например, находились входные ворота типа «Пайлу», несколько домиков в китайском стиле, восьмиступенчатая пагода, а также несколько небольших садов. В «китайском стиле» были выполнены некоторые помещения Екатерининского дворца и Большого дворца в Петергофе, дворца Меншикова на Васильевском острове в С.-Петербурге. См.: Путешествия с Марией Анашиной. Режим доступа: <https://anashina.com/postrojki-v-kitajskom-stile-v-carskom-sele> (дата обращения: 13.11.2017).

отдельных произведениях русских писателей («Письмо о пользе стекла» М.В. Ломоносова, сатира «Об истинном блаженстве» А.Д. Кантемира, «Песнь историческая» А.Н.Радищева, «Памятник герою» и «Фелица» Г.Р.Державина, «Бабушкина азбука» царицы Екатерины II, «Письмо Китайца к Татарскому Мурзе, живущему по делам своим в Петербурге» М.В. Сушковой). В этих произведениях упоминались китайские мыслители (в частности, Конфуций), а Китай и китайцы, как правило, интерпретировались как выразители высших достижений мировой культуры. Так, например, А.Д.Кантемир в упомянутой выше сатире «О истинном блаженстве» (1738) особо указывал на «китайск ум», который «зрящих удивляет».

В последнюю треть XVIII в. в Россию стали проникать из Европы псевдокитайские повести, авторами которых на самом деле были европейцы, однако русскими читателями они воспринимались как оригинальные китайские произведения [Восток в русской литературе ... 2004].

В дальнейшем появились переложения подлинных китайских текстов – как исторических сочинений, так и художественных. В конце XVIII в. один из первых российских востоковедов А.Г. Владыкин, хорошо знавший маньчжурский и китайский языки, перевёл на русский язык китайский роман «Повествование о Цзине, Юнь и Цяо» («Цзинь, Юнь, Цяо Чжуань»)⁴, созданный в первой половине XVII в.⁵, сохранившийся в рукописном варианте [Рифтин 2004: 17].

На протяжении первой трети XIX в. издатели русских журналов внимательно следили за тем, какие китайские тексты публикуются на

⁴ См.: *Никулин Н.И., Семанов В.И.* Введение: [Литературы Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии: История всемирной литературы. Т. 5. Раздел 10] // История всемирной литературы: в 8 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1983–1994. Т. 5. 1988. С. 561–566.

⁵ Перевод сохранился в рукописном виде и находится в Рукописном отделе Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения РАН. Там же хранится рукопись перевода романа на маньчжурский язык, которой, возможно, пользовался А. Владыкин.

Западе, и старались не отставать от своих зарубежных коллег. Всё чаще в российских журналах стали появляться короткие рассказы на «китайскую тему», выполненные анонимными переводчиками, обычно – через языки-посредники (включая маньчжурский язык). Как правило, эти переводы представляли краткие вольные пересказы китайских текстов (авторы которых часто не указывались) и имели отступления от сюжетной линии оригинальных произведений; существенно изменялись имена персонажей, время и место действия.

Например, в XVI–XVII вв. в Китае был издан сборник остросюжетных повестей «Цзинь гу цигуань» – «Удивительные истории нашего времени и древности»⁶ [Удивительные истории... 1962: 137–167], – а в 1810 г. в журнале «Друг юношества» под рубрикой «Китайские анекдоты» было помещено несколько историй (слово «анекдот» использовалось в данном случае в значении, принятом в начале XIX в. – как обозначение забавной истории)⁷. Вероятно, это можно объяснить тем, что в XIX в. традиция переводов ещё не была в должной мере сформирована, а переводчики излагали только общий смысл текста оригинала.

В процессе переводческой деятельности российские синологи постоянно сталкивались с проблемами, обусловленными сложностью интерпретации культуры традиционного Китая, с отсутствием словарей и терминологического аппарата. Поэтому первоначально в России особую роль играли переводы китайских текстов, выполненные с маньчжурского

⁶ «Сборник “Удивительные истории нашего времени и древности” – «Цзинь гу цигуань», появившийся в Китае в конце первой половины XVII в., представлял литературный памятник, источником которого было устное народное творчество X–XII вв. Период создания рассказов, вошедших в сборник, – конец XVI – начало XVII в. – ознаменован в истории китайской литературы возрождением жанра *хуабэнь* – кратких записей главной сюжетной линии устного рассказа – и появлением на его основе *хуабэнь*-повестей, написанных на разговорном языке. Этот жанр сыграл большую роль в развитии исторического, бытового и фантастического романов.

Информация взята с сайта:

http://rulibs.com/ru_zar/antique_east/drevnevostochneyaliteratura/0/j21.html.

⁷ См.: Восток в русской литературе XVIII – начала XX века. Знакомство. Переводы. Восприятие.

языка. Отмечая этот факт, академик В.М. Алексеев писал: «Русские китаисты XVIII и XIX вв. смотрели на маньчжурскую версию едва ли не как на основную, ибо, боясь сложной китайской конструкции, понимание текста основывали на простой и ясной конструкции однообразно-агглютинативного языка с алфавитной письменностью» [Алексеев, 1920].

В XVIII – первой половине XIX вв. Китай оказался практически полностью закрыт для иностранцев и не поддерживал каких-либо дипломатических отношений как с европейскими странами, так и с Россией, однако не препятствовал пребыванию на своей территории представителей православного духовенства. В 1715 г. в Пекин была направлена Российская Духовная миссия, целью которой было, с одной стороны, «духовное окормление» потомков дальневосточных албазинских казаков, проживавших в Пекине и служивших китайскому императору, а с другой – выполнение неофициальных дипломатических поручений и некоторых исследовательских задач (изучение китайского языка и национальной специфики, налаживание неофициальных дипломатических контактов с правительством). Деятельность представителей Российской Духовной миссии в Пекине заложила основы отечественной синологии и способствовала быстрому развитию школы перевода [Головин 2013: 4]. В Российской духовной миссии в Пекине трудились многие известные исследователи Китая – И.К. Рассохин⁸, А.Г. Владыкин⁹, П.И. Каменский¹⁰, С.В. Липовцев¹¹ и другие.

⁸ И.К. Рассохин (1717 [или 1707] – 1761) – русский китаевед, один из первых переводчиков с китайского на русский язык, участник Второй духовной миссии в Пекине (1729–1735).

⁹ А.Г. Владыкин (1757–1812) – российский учёный-востоковед, ориенталист, синолог, переводчик, участник Седьмой духовной миссии в Пекине (1781–1794).

¹⁰ П.И. Каменский (1765–1845) – архимандрит, русский востоковед, переводчик, член-корреспондент Императорской Академии наук; участник Восьмой и начальник Десятой русских духовных миссий в Пекине. Работал в Китае около четверти века.

¹¹ С.В. Липовцев (1770–1841) — востоковед, переводчик, участник Восьмой и начальник Десятой русских духовных миссий в Пекине, член-корреспондент Императорской Академии наук, составитель «Каталога китайским и японским книгам, в библиотеке Императорской Академии наук хранящимся» (1818) и «Маньчжурского словаря».

Работы этих учёных заложили основы российской классической синологии и способствовали формированию в сознании российских читателей XIX в. развёрнутых представлений о Китае – «китайского контекста». Если первоначально (во многом под влиянием популярной в России французской культуры) образ Китая в России был в значительной мере идеализированным и одновременно экзотическим, то, благодаря деятельности Российской духовной Миссии в Пекине, он постепенно стал изменяться, став частью более или менее развёрнутой, конкретной и исторически правдивой системы – «китайского контекста».

В конце XVIII в. в некоторых учебных заведениях России стал преподаваться китайский язык, появились первые переводы, выполненные непосредственно с китайского языка. Огромную роль в формировании «китайского контекста» сыграл один из первых русских китаистов – А.Л. Леонтьев¹², который дважды (в 1771 и 1773 гг.) публиковал книгу «Депей-китаец» (1771), представляющую перевод философских толкований Мен-цзы (Мэнкэ). В 1780 г. им были переведены некоторые важнейшие тексты китайской культуры («Да сюэ» [«Да хио»] и «Чжун юн»), собранные в книгу под названием «Сы Шу Гей» (1780)¹³ [Леонтьев 1771; Леонтьев 1780]. «А.Л. Леонтьев много работал над переводами маньчжурских и китайских текстов. В течение 15 лет (1771–1886 гг.) он издал более 16 книг,

¹² А.Л. Леонтьев (1716–1786) – русский синолог, переводчик, один из основателей российского китаеведения, сотрудник Азиатского департамента Коллегии иностранных дел. Основные его исследования: «Китайские мысли» (СПб., 1772–1775); «Кратчайшее описание городам, доходам и пр. Китайского государства» (1778); (1778–1779) и др. Автор переводов китайских и маньчжурских сочинений, среди которых «Китайское уложение» (1778–1779. Ч. 1–2); книги «Депей-китаец» (1771 и 1772), произведений конфуцианской литературы «Сы Шу Гей» (1780–1784. Кн. 1–2). По личному распоряжению Екатерины II А.Л. Леонтьев перевёл на русский язык «Тай-Цин гурунь и Ухери коли, то есть все законы и установления китайского (а ныне маньчжурского) правительства» (1781–1783. Т. 1–3) и «Букварь китайский» (1779).

¹³ «Сы шу» («Четверокнижие» [四书]) – собрание четырёх основополагающих конфуцианских книг («канонов»), созданное в XII в. мыслителем Чжу Си. А.Л. Леонтьевым было переведено две книги: «Да хио, то есть Учение великое» (современное написание: «Да сюэ» – «Великое учение») и «Джун юн, то есть Закон непреложный» (современное написание: «Чжун Юн» – «Учение о Середине»).

некоторые из них выдержали два и три издания. Им переведено в общей сложности свыше 5 тыс. страниц различных китайских и маньчжурских текстов», – отмечал исследователь Б.А. Кирмасов [Кирмасов 2015: 237].

Публикации о Китае и переводы китайских классических текстов, следовавшие на протяжении XVIII в., сформировали в сознании русской публики интерес к стране и способствовали возникновению определённого первичного «фона», культурного контекста. Существенное продвижение в этом направлении произошло в XIX в.

Особое место в процессе формирования представлений о Китае в первой половине XIX в. принадлежало о. Иакинфу [Н.Я. Бичурину]¹⁴, являвшемуся главой миссии с 1807 по 1821 г. Его труды [Бичурин 1950; 2002; 2016; 2017] стали главным источником для изучения Китая российским обществом и способствовали формированию в сознании читателей «китайского контекста»: «...О. Иакинф <...> переводил с китайского языка, дополнял свой словарь, заканчивал работы, начатые в Пекине. Первоначально по возвращении в Россию он намеревался опубликовать прежде всего выдержки из своих переводов, сопровождаемые комментариями, и работы по китайской грамматике» [Мясников, Попова 2002: 1100].

В процессе своей научной и просветительской деятельности о. Иакинф обращался непосредственно к китайским источникам. Он выполнил переводы на русский язык многочисленных китайских текстов (в том числе свыше десяти исторических трудов) и канонических книг [Бичурин 1828; 1829], писал публицистические статьи для популярных журналов [Бичурин 1838], научные и учебные работы [Бичурин 1828; 1838]. О. Иакинф составил первый китайско-русский словарь, являвшийся одновременно «энциклопедией жизни китайского народа» [Бичурин 1828;

¹⁴ Н.Я. Бичурин (1777–1853 гг.) – монах, архимандрит, один из основателей отечественного китаеведения как комплексной научной дисциплины. В российской синологии его научная деятельность квалифицируется как «бичуринский период».

1840], опубликовал первую в Европе карту Пекина с подробным описанием города, а также собрал огромное количество материалов об экономической и военной ситуации в стране, о китайском законодательстве, системе образования, религии и других сферах китайской культуры [Бичурин 1950; 1950; 1953]. Труды Н.Я. Бичурина были хорошо известны в российской (и европейской) культурной среде первой половины XIX в., чему в немалой степени способствовало его общение с А.С. Пушкиным, В.Ф. Одоевским, Н.В. Гоголем, И.А. Крыловым, Н.А. Бестужевым и другими писателями, а также с зарубежными дипломатами.

Н.Я. Бичурин серьезно относился к своей переводческой деятельности: 25 августа 1822 г. в «Записке Егору Федоровичу Тимковскому» он написал: «До времени я не решался издавать в свет мои переводы. Сочинение или перевод, предположенные к изданию, должны быть совершенны или, по крайней мере, должны быть доведены до возможного совершенства. В китайской словесности не столько язык их труден, сколько образ понятий, и посему точный перевод будет невразумителен, а приноровленный к нашим понятиям, несправедлив. Чтоб избежать сих препятствий, за необходимое почитаю сделать предварительные приготовления ко вступлению в стили китайской словесности. Для сего потребно: первое – определить и утвердить значение многих слов и выражений; второе – предварительно издать некоторые небольшие переводы, которые могли подать нам краткое понятие о китайской философии и учёности, о их религии и правлении» [Архив востоковедов].

Основным объектом переводов на протяжении первой половины XIX в. для российских синологов были *исторические* сочинения, которые, с одной стороны, давали русским читателям представление об истории соседней страны, а с другой, – вызывали в их сознании параллели с отечественным прошлым (интерес к которому на протяжении XVIII–XIX вв. постоянно возрастал).

Реже появлялись тексты, в которых описывались повседневные обычаи и нравы китайцев. В 1832 г. в альманахе «Северные цветы», издававшемся А.С. Пушкиным, был опубликован анонимный перевод (автором которого, как полагают синологи, скорее всего, являлся Н.Я. Бичурин) фрагмента из китайского романа XVII в. «Хао Цю Чжуань» («Счастливый брак»), в котором повествовалось о судьбе двух молодых людей: учёного юноши Те Чжунюе и дочери сановника Шуй Бинсинь¹⁵.

В 1835 г. З.Ф. Леонтьевским был осуществлён художественный перевод с китайского языка повести «Путешественник», созданной на основе сюжета классической китайской драмы «Си Сян Цзи» («Западный флигель») писателя Ван Шифу. Отрывок из перевода этой повести был опубликован в 1936 г. в популярнейшем журнале «Библиотека для чтения», выходившем под редакцией О.И. Сенковского¹⁶.

Все эти издания формировали в сознании российских читателей систему представлений о стране. В этом контексте Китай предстал как страна, следующая своим оригинальным историческим путём; испытываемые китайскими людьми проблемы, их переживания, чувства представляли в глазах читателей похожими на аналогичные переживания и чувства русских людей.

Интерес русской литературы к Китаю был частью общеевропейского интереса к странам Востока и их культуре. Российские периодические журналы (например, «Вестник Европы») систематически размещали на своих страницах описания путешествий по странам Востока, переводы восточной поэзии и прозы. Особое внимание русских читателей вызывали путевые заметки, в частности, о странах Востока, изобилующие экзотикой

¹⁵ Бичурин Н.Я. Байкал (Письмо к О. М. С. ...); Отрывок из китайского романа «Хау-Цю-Джуань, т. е. Беспремерный брак» // Северные цветы на 1832 год / изд. подгот. Л.Г. Фризман. М.: Наука, 1980. С. 34–52.

¹⁶ См.: Коптилова В.В. Издание китайских произведений представителями российской общественности (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // Вестник Омского университета. 1998. Вып. 2. С. 60–64. Омск, 1998. – Режим доступа: <http://www.imit.omsu.ru/vestnik/articles/y1998-i2/a060/article.html>. (Дата обращения: 13.11.2017).

и романтикой, яркими и оригинальными образами, сказочными сюжетами [Айзикова 1987: 25–26]. В качестве примера назовём наиболее известные книги путешествий, в которых появлялись описания Китая – «Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 1803, 4, 5, 1806 годах» И.Ф. Крузенштерна (1806). [Крузенштерн, 1806], «Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах на корабле “Неве”» Ю.Ф. Лисянского (1812) [Лисянский 1812], «Путешествие в Китай через Монголию в 1820–1821 годах» Е.Ф. Тимковского (1824) [Тимковский 1824], «Путешествия и новейшие наблюдения в Китае, Манилле и Индо-Китайском архипелаге» П.В. Добеля (1833) [Добель 1833].

В первую очередь русская литература обращалась к изображению «арабского» (мусульманского) Востока. В творчестве А.С. Пушкина интерес к духовному богатству и внутреннему миру «восточного» человека выразился в лирических стихотворениях, поэмах и сказках («Подражание Корану», «Руслан и Людмила», «Бахчисарайский фонтан» и др. произведения). «Пушкина заинтересовало “человеческое” в его национальных чертах, человеческий быт <...> и поэт блестяще выполнил эту задачу» [Кашталева 1930: 244].

В то же время А.С. Пушкина привлекала и собственно *китайская* культура, что было вызвано общением с такими людьми, как о. Иакинф, А. Бестужев, В. Кюхельбекер, барон П. Шиллинг. В стихотворении «Поедем, я готов; куда бы вы друзья» (30 декабря 1829 г.) поэт писал:

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая...

[Пушкин 1959: 263].

В этом стихотворении под именем «друзей» имелись в виду о. Иакинф и барон П.Л. Шиллинг фон Канштадт, которым была поручена организация торговли между Россией и приграничными районами Китая. Однако это

стихотворение можно рассматривать не только как изложение конкретных фактов из жизни поэта, но и как указание на символическую «готовность» к восприятию русской культурой контекста «далёкой» («чужой») культуры.

А.С. Пушкину так и не удалось осуществить свою мечту и побывать в Китае, однако это не уменьшило его интерес к стране. В личной библиотеке поэта, по информации В. Куликова¹⁷, имелись 82 книги о Китае. Писатель И.Л. Леонтьев [псевдоним Иван Щеглов], исследовавший в начале XX в. архивы Полотняного завода, принадлежащего семье Гончаровых, обнаружил, что в 1834 г. поэт брал из этой библиотеки преимущественно книги о Китае.

В связи с этим И.Л. Леонтьев писал: «...Очевидно Пушкин, семьдесят лет назад проникновенно интересовался и волновался теми вопросами, которыми интересуемся и волнуемся мы, грешные, только теперь. <...> Почти одновременно с мечтой о женитьбе, Пушкин лелеял мечту о путешествии в Китай. И события, увы, показали, что осуществление второго мечтания на счёт первого послужило бы к вящей славе нашего любезного отечества. Впрочем, Грибоедов недаром сказал: “Ах, если любит кто кого, зачем ума искать и ездить так далеко?” И вместо вещей книги о Китае, которая, почём знать, изменила бы ход современных событий, мы имеем гениальные сцены “Каменного гостя”, напророчившие смерть их автору»¹⁸.

Выделение в русской литературе из общей «темы Востока» особой «китайской темы» произошло в 1830-е годы (причиной этого в немалой степени стало формирование и развитие в сознании общества «китайского контекста»). Среди первых произведений, которые можно включить в состав «китайского текста» русской литературы, можно, например, назвать роман-утопию В.Ф. Одоевского «4338-й год: Петербургские письма»

¹⁷ См.: Неизвестный Китай // Библиотека Гумер. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/kulik/04.php (дата обращения 13.11.2017).

¹⁸ См.: Алексеев М.П. Пушкин и Китай. С. 137. Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=64oyn6D22YQ%3D&tabid=10396> (Дата обращения: 13.11.2017).

(1835 г.). Роман написан в форме писем китайского студента Главной Пекинской школы Ипполита Цунгиева (живущего в XXIV в.), адресованных сокурсникам, обучающимся в Главной школе Санкт-Петербурга, в которых Россия и Китай представлены как два основных центра будущего мира [Одоевский 1926].

Особо следует отметить цикл ироничных «китайских» произведений О.И. Сенковского – повесть «Чин Чун, или Авторская слава» (1834), комедию «Фаньсу, или Плутовка горничная: Китайская комедия знаменитого Джин-Дыхуэя» (1839), повесть «Китаец, утвердившийся на середине» (1843), заметку «Несколько подробностей о семействе нынешнего китайского императора» (1843), повесть «Совершеннейшая из всех женщин» (1843) [Сенковский 1839].

В 1840-е гг. появилась пьеса известного писателя, критика и журналиста Н.А. Полевого «Комедии о войне Федосьи Сидоровны с китайцами», в которой Китай и его жители изображались комически. Это произведение обозначило дискуссию о значении опыта Китая для мировой истории и культуры, – в частности, для осмысления своеобразия исторического пути России.

Интерес к Китаю в русской культуре стимулировал внимание к нему со стороны критики и зарождающейся в России философии. Особенно важны эти размышления оказались в контексте определения специфики России относительно культуры Запада и Востока.

В начале XIX в. в европейском сообществе сформировалось мнение об Азии (и о Китае в частности) как о безнадежно отставшей «застойной» цивилизации, которая давно прекратила своё «прогрессивное» развитие, и о том, что миссией европейской цивилизации является её «окультуривание». Такое мнение высказал, например, и В.Г. Белинский в рецензии на книгу Н.Я. Бичурина «Китай в гражданском и нравственном отношении. Сочинение монаха Иакинфа» (1848). Русский критик отмечал: «Лицемерие,

лукавство, ложь, притворство, унижение – натура китайцев. И как быть иначе там, где церемония поглощает всю духовную жизнь народа <...> [Белинский 1982: 598].

Русские мыслители 1830–1840-х гг., – в отличие от мыслителей XVIII – начала XIX вв., – уже не были «однонаправленными» европоцентристами и рассматривали свою страну как государство, находящееся между Западом и Востоком и соединяющее в себе черты обеих цивилизаций.

Так, например, П.Я. Чаадаев в знаменитом первом «Философическом письме» (1829–1830) сформулировал проблему следующим образом: «...Раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию, мы должны были бы сочетать в себе два великих начала духовной природы – воображение и разум, и объединить в нашей цивилизации историю всего земного шара» [Чаадаев 1991: 329]. П.Я. Чаадаев использовал особый способ формулировки мыслей, который в дальнейшем часто применялся в аналогичном контексте: говоря о Китае, подразумевать Россию.

Так, например, в заметках, сделанных к статье Киреевского в «Московском сборнике» (1852) [Чаадаев 1991: 559–560], говоря о «новом небесном государстве», а также о «Китае» и «китайцах», Чаадаев подразумевал Россию (тогда как Китай, в таком случае, назывался им «старым небесным государством»). Характеризуя культуру Востока (на примере Китая) и противопоставляя её культуре Запада, Чаадаев, основываясь на немногочисленных известных ему фактах истории китайской цивилизации, в качестве основного её признака называл «неподвижность» (в отличие от западной «динамичности») [Чаадаев 1991: 404, 409].

В таком же ракурсе в дальнейшем эта проблема рассматривалась другими русскими мыслителями. Славянофилы исходили из представлений о том, что российская культура существенно отличается от европейской и ценна сама по себе. Основоположник славянофильства А.С. Хомяков в

фундаментальном труде по вопросам всеобщей истории, получившем название «Семирамида», который создавался в 1838–1850-е гг. (в полном виде эта книга была опубликована только после смерти А.С. Хомякова – в 1871 г.), переосмыслил роль Китая в мировой культуре.

Указывая на ошибочность европоцентристских взглядов, А.С. Хомяков отмечал: «Самые высокие и живописные горы всего мира, это огромная твердыня снежного Гиммалая, течение рек, перед которыми мала наша Волга, роскошь природы, соединяющая в себе произведения всех климатов, каналы больше наших рек, города больше Лондона, население далеко превышающее всю нашу Европу, древность, перед которою все державы – выскочки вчерашнего дня: есть чем гордиться китайцу, есть над чем задуматься европейцу. ...Мы должны признаться, что логическая стройность и строгая последовательность отличает их политическую организацию пред всеми другими и что уважение к уму человеческому и к просвещению не доходило нигде до той степени, до которой оно доведено в Китае [Хомяков 1994: 32]. Китай, по его мнению, решает «высокую задачу» построения «государства нравственного, развитого разумно» [Хомяков 1994: 77]. А.С. Хомяков определил особенности, сближающие русскую и китайскую цивилизации: оба народа обладают стремлением к миру и устойчивым типом культурного развития, в результате которого они «...мирною сохою победили мечи соседних племён» [Хомяков 1994: 89], а Китай в результате своего развития (как и Россия) «пересоздал завоевателей» [Хомяков 1994: 108].

Особый интерес представляет отношение к Китаю Н.Я. Данилевского, разработавшего в книге «Россия и Европа» концепцию «многолинейного» исторического развития «культурно-исторических типов». Китай и «российско-славянскую цивилизацию» Н.Я. Данилевский рассматривал в качестве особых «культурно-исторических типов», которые сыграли в истории культуры не меньшую роль, чем «романо-германский» («европейский») тип [Данилевский 2008: 88–91].

Полемизируя с традиционным «европоцентристским» подходом, согласно которому китайская цивилизация характеризуется «застоем» и «коснением» – в противовес «прогрессивной Европе», – Н.Я. Данилевский отмечал: «В этой стране живёт около 400 миллионов народа в гражданском благоустройстве. Если бы имелись точные цифры о количестве производительности китайского труда, то перед ними, может быть, побледнели бы цифры американской и английской промышленности и торговли <...>. Многие отрасли китайской промышленности находятся до сих пор на недостижимой для европейских мануфактур степени совершенства <...>. Китайское земледелие занимает, бесспорно, первое место на земном шаре. Китайское садоводство также едва ли не первое в свете. <...> Во многих отношениях китайская жизнь удобствами не уступает европейской, особенно если сравнить её не с настоящим временем, а хоть с первой четвертью нынешнего столетия. Порох, книгопечатание, компас, писчая бумага давно уже известны китайцам и, вероятно, даже от них занесены в Европу. Китайцы имеют громадную литературу, своеобразную философию <...> [Данилевский 2008: 90–91].

Объяснение этой особенности китайской цивилизации, позволявшей противостоять агрессивному натиску других культур, автор видел в «однородности» и «плотности» её «тела», в «огромной силе противодействия», «скопленной» «в тиши и уединении» [Данилевский 2008: 93].

Китайская цивилизация интересовала и Ф.М. Достоевского – в контексте размышлений о судьбе России. Во введении к «Ряду статей о русской литературе» (1861) писатель отмечал: «Если есть на свете страна, которая была бы для других, отдалённых или сопредельных с нею стран более неизвестною, неисследованною, более всех других стран непонятою и непонятною, то эта страна есть, бесспорно, Россия для западных соседей своих. Никакой Китай, никакая Япония не могут быть покрыты такой тайной для европейской пытливости, как Россия, прежде, в настоящую

минуту и даже, может быть, ещё очень долго в будущем» [Достоевский 1993, 11: 12].

Китай интерпретировался им в качестве загадочной – как для европейцев, так и для русских – страны, жизнь в которой максимально далека от всего привычного, окружающего русского и европейского человека. В повести «Белые ночи» Настенька рассказывает Мечтателю о своих тайных желаниях: «Я сама мечтатель! <...> Ну, вот и начнёшь мечтать, да так раздумаешься – ну, просто за китайского принца выхожу...». Иллюзорная мечта о «китайском принце» исчезает после того, как Настенька начинает читать книги «европейских» писателей («Вальтер-Скотта», Пушкина), и когда её мечты стали более реальными, она «перестала думать, как бы выйти за китайского принца» [Достоевский 1972, 2: 111].

Размышляя о судьбе России, Ф. Достоевский неоднократно сравнивал свою страну с Китаем, главным в цивилизации которого оказывалась идея глобального «порядка», под которым подразумевалось следование традициям. В «Дневнике писателя» за 1873 г. он отмечал: «Пожалуй, мы тот же Китай, но только без его порядка. Мы едва лишь начинаем то, что в Китае уже оканчивается. Несомненно придём к тому же концу, но когда? Чтобы принять тысячу томов церемоний, с тем чтобы уже окончательно выиграть право ни о чем не задумываться, – нам надо прожить по крайней мере ещё тысячелетие задумчивости. И что же – никто не хочет ускорить срок, потому что никто не хочет задумываться» [Достоевский 1873]. Далее писатель отмечал: «В Китае я бы отлично писал; здесь это гораздо труднее. Там все предусмотрено и все рассчитано на тысячу лет; здесь же все вверх дном на тысячу лет» [Достоевский 1873].

Сопоставление европейской (в том числе и русской) культуры с китайской (именно в аспекте связи последней с «порядком») традиционностью, интересовало В.С. Соловьёва. В статье «Китай и Европа» (1890) он писал: «Противоположность двух культур – китайской и

европейской – сводится, в сущности, к противоположению двух общих идей: *порядка*, с одной стороны, и *прогресса*, с другой. С точки зрения порядка важнее всего *прочность* социальных отношений, идея прогресса требует их идеального *совершенства*. Прочный порядок есть состояние, которое держится силой прошедшего, прогрессивное совершенствование есть деятельность, определяемая идеалом будущего. Что Китай достиг прочного порядка – это несомненно; насколько европейский прогресс ведёт к социальному совершенству – вот вопрос» [Соловьёв 1914: 147].

Все эти высказывания русских мыслителей являются яркой иллюстрацией содержания дискуссий, которые велись в российском обществе на протяжении второй трети XIX в. Такие размышления стали своеобразным «фундаментом», «контекстом», который лёг в основу «китайского текста».

Итоговым произведением русской литературы первой половины XIX в., в котором появился развёрнутый образ Китая, стал «географический роман» И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”», написанный в 1852–1855 гг. и опубликованный отдельным изданием в 1858 г. Писатель с большой симпатией описал китайский национальный характер, указав на трудолюбие, смиренность, доброжелательность, усердие китайских людей, отсутствие у них фанатизма, учтивость и честность, переплетённую с сыновней почтительностью и долгом. Сравнивая китайцев и англичан (не в пользу последних), автор отметил следующее: «Не знаю, кто из них кого мог бы цивилизовать – не китайцы ли англичан?» [Гончаров 1986: 236].

В романе «Фрегат “Паллада”» в полной мере выявилась важнейшая особенность «китайского текста» русской литературы, которая способствовала его быстрому превращению в «контекст»: для отечественных писателей и читателей «Китай» оказывался интересен не сам по себе, не как экзотическое (не знакомое русскому читателю) *место действия*, а как особый мир, который, с одной стороны, постоянно

противопоставляется России, а с другой – во многом похож на неё. Это *иной*, не реализованный Россией путь развития страны (цивилизации, культуры), исследование которого могло многому научить Россию и русских людей, предостеречь её от каких-либо потенциальных (возможных в ближайшем или отдалённом будущем) опасностей.

Ю.М. Лотман отмечал: «Фрегат “Паллада”» Гончарова, по сути дела, концентрирует внимание не на том культурном пространстве, которое пересекает путешественник, а на восприятии путешественником этого пространства (в данном случае на подчёркнутом объективизме этого восприятия). Гончаров не просто объективно изображает пространство, пересекаемое фрегатом, совершающим кругосветное путешествие <...> – он декларирует, что интерес к разнообразию культур, открытость “чужому” есть реальная специфика русского сознания. При этом впечатление повествователя, наблюдающего чужой для него мир, пересекается с впечатлениями других людей <...>» [Лотман 2002: 747]. Китайская культура интерпретирована в данном случае как пример «чужого», которое необходимо для понимания «своего», то есть как часть *контекста* русской культуры.

2.2. «Китайский текст» в русской литературе 1880–1910-х гг.

Возникновение в русской культуре XVIII–XIX вв. «китайского контекста» и связанного с ним «китайского текста» способствовало росту интереса к Китаю и китайской культуре, развитию у российских читателей представления об истории, природе, быте, традициях, религии и философии Китая. Всё это, в свою очередь, создало основу для формирования в русской литературе последней трети XIX в. сложного и многозначного «китайского текста», который активно развивался на протяжении всего XX в.

Информация о Китае и китайской культуре входила в сознание российских читателей и создавала «китайский контекст» (процесс возникновения которого рассматривался в предыдущем разделе), который,

в свою очередь, широко использовался российскими писателями и критиками, – например, Л.Н. Толстым, Ф.М. Достоевским, А.П. Чеховым, В.М. Дорошевичем, Вас.И. Немировичем-Данченко, Н.Г. Гариным-Михайловским.

«Мода на китайское» повлияла на творчество многих писателей, в произведениях которых возникали различные предметные реалии, соотнесённые с Китаем. Так, например, в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», упоминалась лестница, обставленная «редкими цветами в китайских банках»; в «Братьях Карамазовых» – лестница, которая освещена «китайским фонарём»; в романах «Идиот» и «Бесы» – китайские вазы; в романе «Униженные и оскорблённые» – китайские туфли; в повести «Село Степанчиково и его обитатели» – китайские кошки.

В дальнейшем принцип использования «китайских деталей» в качестве характеристик русской жизни применялся другими русскими писателями. Например, в романе А.Белого «Петербург» (1913–1914) при создании образа города упоминаются различные «китайские» предметы. Китай, например, упоминается в рассказе А.П.Чехова «Грач» (1886) и в рассказе И.А. Бунина «Сны Чанга» (1916).

Однако Китай был источником не только отдельных исторических параллелей или «экзотических» ситуаций и предметов, упоминаемых в текстах художественных произведений, но и идей, сюжетов и образов произведений русской литературы.

Качественно новый этап формирования «китайского текста» связан с русской литературой последней трети половины XIX в. В этот период огромную роль в его развитии стали играть работы русских китаеведов –

о. Палладия [Кафарова]¹⁹, академика В.П. Васильева, И.А. Гашкевича²⁰, А.А. Татаринова²¹, М.Д. Храповицкого²², которые в 1850–1880-е гг. публиковали научные труды об истории и культуре Китая, Манчжурии, Тибета, Монголии, а также переводы китайских классических философских текстов (в том числе книг Лаоцзы, Конфуция, Мэнцзы), произведений китайской литературы и фольклора [Труды членов Российской духовной миссии в Пекине 1852: 361–382; Храповицкий 1857: 1–102].

Во второй половине XIX в. особую роль в развитии «китайского контекста» русской литературы сыграла деятельность выдающегося российского синоведа академика В.П. Васильева, труды которого в 1880-е гг. стали широко известны в среде русской интеллигенции [Васильев 1880; Васильев 1883; Васильев 1900]. В них впервые в систематизированном виде была изложена истории китайской словесности [Васильев 2013], представлена информация о классических памятниках китайской культуры («Ши Цзин», «Дао Дэ Цзин», «Лунь Юй») и о традиционных китайских религиозных представлениях [Васильев 2012].

В трудах В.П. Васильева раскрывался сложный духовный мир представителей китайской цивилизации, анализировалась история и религиозная система Китая, взаимосвязи китайской империи с соседними государствами. Именно он предпринял первые попытки трансляции буддийского духовного опыта в систему христианских представлений, предложив использовать для этой цели понятия «спасение», «грех», «святость», «плотское», «духовное», «подвижничество» и др. В дальнейшем

¹⁹ Архимандрит Палладий [Кафаров] (1817–1878) – священнослужитель Православной Российской церкви. Участник Двенадцатой, начальник Тринадцатой и Пятнадцатой православных миссий. Один из основоположников российской академической синологии.

²⁰ И.А. Гашкевич (1814–1875) – востоковед, лингвист, естествоиспытатель; первый дипломатический представитель России в Японии.

²¹ А.А. Татаринов (1817–1886) – китаевед, дипломат, ботаник, врач, писатель.

²² М.Д. Храповицкий (1823–1860) – переводчик (с английского и маньчжурского языков), китаевед; участник Тринадцатой Российской православной миссии. Специалист по истории Цинской династии.

принцип переосмысления положений буддизма в категориях христианской культуры был развит в публицистических работах Л. Толстого.

Обобщая результаты исследования синологов своего времени, В.П. Васильев, в частности, отмечал: «Китай имеет все данные, чтобы достигнуть самой высшей точки умственного, промышленного и вместе политического прогресса. Его принцип глубокого уважения к науке, стремление всего народа учиться с необыкновенным напряжением, не стесняясь количеством лет, показывает, что там может вырасти нация самая образованная в свете, что она может создать учёных, которые могут не только разрабатывать науку сообща с остальным миром, но даже не остановятся на общем уровне» [Васильев 1883: 22].

Большое впечатление и множество откликов [Соловьёв 1914] вызвала публикация в 1888 г. книги выдающегося российского сиолога С.М. Георгиевского «Принципы жизни Китая. Культ предков, многобожие и философия» (1888), в которой были проанализированы истоки древней китайской культуры, показана жизнь китайцев, традиционная система морально-этических принципов, выраженных в конфуцианстве [Георгиевский 2011].

Исследования русских синологов создавались не только для специалистов-востоковедов, но и для широкого круга российских интеллигентов. Статьи российских востоковедов, в которых описывались история и современное состояние Китая, его религиозно-философская система, природа и культура, быт и обычаи китайцев, а также проживавших рядом с ними народов, часто обладали яркой художественно-публицистической формой и печатались в изданиях, имевших большое количество читателей, – таких, как журналы «Современник» и «Издание Русского Географического Общества», газеты «Северная пчела», «Новое время», «Биржевые ведомости», «Голос» и др.

Огромное значение для формирования «китайского текста» русской литературы сыграла деятельность Л.Н. Толстого. Китай привлекал его духовными ценностями, высокими нравственными принципами, глубинной философской мысли и обращением к исследованию сущности человека. Добро, справедливость, мудрость, имевшие многовековую историю интерпретации культурой Китая, стали важнейшей частью «китайского текста» русской литературы, по мнению писателя, они должны были помочь решению сложнейших проблем современной цивилизации, которые предвидел Л. Толстой.

Воздействие на творчество Л. Толстого философии, литературы и фольклора Востока изучали такие исследователи, как В.Ф. Асмус [Асмус 1961: 35–102], Д.Ю. Квитко [Квитко 1930], Э.Е. Зайденшнур [Зайденшнур 1994]. Информация о переводах и изданиях произведений Л. Толстого в странах Востока была собрана в публикациях В.А. Гордлевского [Гордлевский 1961], Н.Н. Арденса [Арденс 1962], Кима Рехо [Ким Рехо 36], Л.Р. Ланского [Ланский 1965].

Однако, не смотря на имеющиеся научные работы, в которых рассматривалось взаимодействие творчества Л. Толстого с Востоком, взаимопроникновение художественного опыта писателя с гуманистическими концепциями народов Востока раскрыто далеко не полностью, и эта тема остаётся актуальной в настоящее время.

Понять значение культуры Востока для творчества Л. Толстого невозможно без осмысления «диалога культур» – влияния Востока на творчество русского классика и обратного воздействия его произведений на литературу и культуру восточных стран в контексте взаимоотношений между Россией, Европой и Азией (и в первую очередь – с Китаем).

В 1847 г. Л. Толстой, находясь в Казанском госпитале, познакомился с буддийским монахом, что побудило писателя погрузиться в постижение мудрости Будды. Первое упоминание о влиянии буддизма на Россию встречается в статье «Так что же нам делать?». Развивая некоторые идеи

буддизма и анализируя современную науку, писатель пришёл к выводу, что она целиком основана на «метафизике лицемерия» [Толстой 1955, 28: 266] и используется для покорения господствующим классом русского крестьянства, поскольку оправдывает несправедливый общественный порядок, когда одни люди вынуждены работать за других. «Рядом с признанием равенства, братства, свободы», – отмечал Л. Толстой, – наука провозглашает «необходимость <...> в травлении, ограблении и уничтожении целых пород людей, называемых дикими, и т. п.» [Толстой 1955, 28: 279].

В 1880-е гг. – период сложнейших духовных исканий – Л. Толстой изучал труды древних китайских мыслителей, – прежде всего, Лаоцзы, Конфуция и Мэнцзы. В 1884 г. писатель, используя европейские переводы, создал работу «Изложение китайского учения», в которой кратко описал суть трактата «Да Сюэ» («大学» – «Великое учение»); в том же году он начал работу над трактатом «Китайская мудрость. Книги Конфуцы».

Наиболее важными для русского писателя стали принципы «всеобщей любви», «человеколюбия» или «гуманности», «сочувствие народу», выделение стремления человека жертвовать собой ради других, а также требование образования для всех слоёв населения. В том же году писатель начал работу над трактатом «Китайская мудрость. Книги Конфуцы», в основу которого легла работа «Изложение китайского учения».

Изучение писателем работ Конфуция стало источником, из которого писатель черпал «духовную силу». Например, 15 марта 1884 г. Л. Толстой сделал в дневнике запись: «Я сижу дома <...> и читаю Конфуция второй день. Трудно представить себе, что это за необычайная нравственная высота. Вы получите чувство морального удовлетворения, заметив, что это учение иногда достигает высот христианства <...>. Моё хорошее моральное

состояние я приписываю чтению Конфуция и, главное, Лао-цзы»²³ [Толстой 25: 884].

Свидетельством того, насколько глубоко великий российский писатель интересовался древними китайскими мыслителями, может служить тот факт, что Л. Толстым был составлен список из одиннадцати книг, которые произвели на него наибольшее впечатление. В этот перечень были включены сочинения Мэнцзы, Конфуция и Лаоцзы.

В списке Л. Толстого книги были распределены по степени полученного писателем от их чтения впечатления («большое», «очень большое» и «огромное»); при этом наивысшей степенью («огромное») был отмечен Лаоцзы. «Толстой познакомился с “Лао-цзы” в период мучительных исканий смысла жизни, когда начался перелом в его мировоззрении. Дао был близок его умонастроению. Ему нравился и стиль мышления китайского философа, его объёмный лаконизм, отрывочность и кажущееся внешнее противоречие его суждений, – суждений, которые стимулируют мыслительную работу читателя, «направляя его ум, – как говорил Толстой, – в сторону дальнейших выводов и неожиданных заключений» [Ким Рехо 1998: 88].

Писателю нравился стиль мышления китайского философа, его лаконизм и кажущаяся внешняя противоречивость суждений, которая максимально стимулирует мысль читателя, «направляя его ум в сторону дальнейших выводов и неожиданных заключений”» [Восток в русской литературе... 2004: 88]. «Это удивительная книга, – указывал Л. Толстой, имея в виду «Даодэцзин». – Я просто буду её переводить (с английского, французского, немецкого), хотя это будет далеко от (подлинного) текста. Я было хотел начинать учиться по-китайски...» [Маковицкий 1979: 480]. В дневниковой записи от 5 мая 1905 г. писатель отметил: «Тоскливое

²³ История формирования этих идей раскрыта в статье: *Шохор-Троцкий К.С.* «Круг чтения» Л.Н. Толстого и его краткая история // Толстой. Памятники творчества и жизни. М.: Задруга, 1920. С.187–201.

состояние – недовольство – очевидно, внутреннее <...>. Очень значительно было для меня чтение Лаотце [принятые в настоящее время варианты написания – Лао-цзы или Лаоцзы. – А.К.]. Даже как раз гадкое чувство, прямо противоположное Лаотце: гордость, желание быть Лаотце» [Толстой 1952, 57: 58].

Л. Толстой уделял внимание и ещё одному выдающемуся мыслителю древнего Китая – Моцзы, – в сочинениях которого развивались принципы конфуцианской этики. В этом учении писателя больше всего интересовала идея нравственного самосовершенствования и размышления об «основе» природы человека, которая выражена в четырёх «началах»: «мудрости» (尚贤 – «шан сянь»), «гуманности» (兼爱 – «цзянь ай»), «экономности» (节用 – «цэй юн») и «покорности» (非攻 – «фэй гун»).

Л. Толстого интересовала и другая религия Китая – буддизм, проблемы которой многократно затрагивались в дневниках писателя. В 1905 г. им был опубликован очерк «Будда», а вслед за этим появилось жизнеописание Будды и серия переводов буддийских сказаний (статья «Так что же нам делать?», очерк «Сиддарта, прозванный Буддой», дневники 1881–1887 гг., книга «Путь жизни»).

Л. Толстой стал первым русским писателем, который лично общался и вёл активную переписку с философами, писателями, публицистами и общественными деятелями стран Азии и Африки. Некоторые из них приезжали в Ясную Поляну, что способствовало популяризации русской литературы на Востоке. Среди посетителей были индусы (Махатма Ганди, Баба Бхарати, Гопал Четти, Таракнатх Дас), японцы (Масутаро Кониси, Какутаро Сэнума, Токутоми Рока, Абэ Исоо), а также китайцы (Ку Хунмин и Чжан Цинтун²⁴) [Токутоми Рока 1978].

Л. Толстой выступил против агрессивной политики европейских государств, направленной против Китая: «Нам известен Китай, имеющий

²⁴ Современное написание их фамилий и имён – Чжан Цинтун и Гу Хунмин.

200 миллионов жителей, опровергающий всю нашу теорию прогресса, и мы ни на минуту не сомневаемся, что прогресс есть общий закон всего человечества, и что мы, верующие в прогресс, правы, а не верующие в него виноваты, и с пушками и ружьями идём внушать китайцам идею прогресса. <...> В древней Греции и Риме было более свободы и равенства, чем в новой Англии с китайской и индийской войнами, в новой Франции с двумя бонапартами и в самой новой Америке с ожесточённой войной за право рабства» [Толстой 1936, 36: 335].

В знаменитом «Письме к китайцу»²⁵ (1906) писатель сформулировал миссию России и восточных народов (в первую очередь – Китая), которую они должны нести окружающему миру, – совместное обретение истинного пути посредством «деятельности, сообразной с вечным основным законом жизни человеческой» [Толстой 1936, 5: 295], потерянного западными народами из-за цивилизации, которая достигается при помощи машин. Л. Толстой был убеждён в том, что историческое развитие России и Китая близко в духовном плане, что явствует из его ответа на письмо другого китайского публициста – Чжан Цинтуна²⁶ (1905): «Вполне согласен с вами <...>, что есть внутренняя, духовная связь между двумя великими народами, русским и китайским, и им надо идти рука об руку» [Шифман 1971: 185].

Всю жизнь Л. Толстой активно изучал мудрость народов Востока, позволявшую совершенствоваться и развиваться духовно. В упомянутом выше «Письме к китайцу» Л. Толстой отмечал: «Жизнь китайского народа всегда в высшей степени интересовала меня, и я старался знакомиться с тем, что из китайской жизни было доступно мне, преимущественно с китайской религиозной мудростью – книгами Конфуция, Мо-цзы и комментариями к

²⁵ «Письмо к китайцу» (1906) было ответом Л. Толстого на послание китайского публициста Гу Хунмина. Письмо хранится в Национальном музее КНР.

²⁶ В соответствии с правилами, принятыми в начале XX в., Л. Толстой именовал его Чжан Чин-туном.

ним. Читал тоже и о китайском буддизме, и книги европейцев о Китае...» [Толстой 1936, 36: 291].

По мнению Л. Толстого труды китайских мыслителей представляют для русского человека «путеводитель», в котором гармонично сочетается понимание ценности и «своего», и «чужого», а в процессе его чтения рождаются важнейшие духовные ценности, влияющие на ход исторического развития и показывающие людям истинный путь.

В свою очередь, жизненная философия российского писателя оказалась близка по духу народу Китая и представлениям китайской интеллигенции, что может объяснить влияние его идей на общественную мысль и художественную культуру Востока: «...Воздействие Толстого на Азию окажется, быть может, более значительным для её истории, чем воздействие его на Европу. Он был первой стезёй духа, которая связала всех членов старого материка от Запада до Востока», – отмечал французский писатель Р. Роллан [Роллан 1958, 14: 328].

Обращение к китайской культуре и её классическим текстам для Л. Толстого оказалось своеобразным способом проверки важных для русского писателя гуманистических ценностей. Обращаясь к китайским текстам, великий писатель осуществлял своеобразный перевод традиционных китайских представлений (буддийских, конфуцианских, даосских) в утверждаемую им систему «общехристианских» ценностей и соответствующих категорий.

Большую роль в формировании «китайского текста» русской литературы во второй половине XIX – начале XX в. сыграли описания путешествий (травелоги).

Среди наиболее известных художественно-публицистических описаний путешествий, в которых был представлен яркий образ Китая, можно назвать «Поездку из Забайкалья на Амур через Маньчжурию» П.А. Кропоткина (1865) [Кропоткин 1865], «Путевые очерки Джунгарии»

М.В. Певцова (1878) [Певцов 1878], «Описание путешествия в Западный Китай» Г.Е. Грумм-Гржимайло (1889) [Грумм-Гржимайло 1889], «Новый год в Китае. Очерки дальнего плавания» В.И. Семенова (1893) [Семенов 1893], «Хунхузы в Южно-Уссурийском крае» И.П. Надарова (1896) [Надаров 1896], «Китайцы и их цивилизация» И.Я. Коростовца (1898) [Коростовец 1898], «К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку» Э.Э. Ухтомского (1900) [Ухтомский 1900], «Верования и суеверия у китайцев. По личным наблюдениям» (1902) и «В старом Пекине. Очерки из жизни в Китае» (1904) В.В. Корсакова [Корсаков 1902; Корсаков 1904], «У стен недвижимого Китая» Д. Янчевецкого (1903) [Янчевецкий 1903], «В Китай! Путевые наброски художника» Н.И. Кравченко (1904) [Кравченко 1904], «В старом Китае. Дневники путешествия 1907 года» В.М. Алексеева (1907) [Алексеев 1907], «Китайцы на карийских промыслах» Н.П. Матвеева (1911) [Матвеев 1911] и некоторые другие сочинения.

Интерес современников к Дальнему Востоку (в том числе к Китаю) усилился после публикации описания путешествия наследника российского престола – будущего Царя Николая II «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Царевича» Э.Э. Ухтомского (1893) [Ухтомский 1893]. Появлялись в печати и публикации военных корреспондентов, – например, «В действующей армии. Письма военного корреспондента» Н.Э. Гейнце (1904) [Гейнце 1904] или «1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска. 1898–1906 гг. Исторический очерк» А.Е. Маковкина (1907) [Маковкин 1907].

Произведения русских путешественников формировали у многочисленных российских читателей конкретные представления о соседней стране и заставляли их размышлять о своём государстве – тем более, что многочисленные авторские отступления и сопоставления на эту тему содержались в текстах травелогов. В качестве примера приведём высказывание о специфике китайской культуры В.В. Корсакова (известного врача, дипломата и исследователя, га рубеже XIX–XX вв. неоднократно

посещавшего Китай). В. Корсаков в статье «Детский мир в Китае» (1901) отмечал: «Одной мерой мерить духовную природу китайца и европейца – нельзя. Жизнь китайца тысячелетиями шла и идёт до сего дня по своему пути, совершенно не схожему с жизнью европейца. У китайца все своё: и детство, и отрочество, и старчество. У китайца – своё мышление и своё чувство, совершенно самобытное. Чтобы понять дух китайского народа, уяснить его мышление, проникнуть в его душу, – нужно много лет прожить с ним и изучить весь его быт, долго наблюдать его жизнь» [Корсаков 1901: 217–218].

Большую роль в формировании у русских читателей представлений о Китае сыграли публикации женщины-путешественницы А.В. Потаниной [Лаврской], совершившей во второй половине 1870 – начале 1890-х гг. вместе с мужем четыре путешествия в Китай (включая Монголию и Тибет).

А.В. Потанина оставила яркие описания своих путешествий. В отличие от путешественников-мужчин она могла получить доступ в семьи местных правителей и чиновников, где знакомилась с их жёнами и видела быт китайских семей. В своих очерках она, например, детально описывала предметы декоративно-прикладного искусства, использовавшиеся китайцами, а также женский труд (например, ткачество и вышивание).

Свои литературные работы (созданные преимущественно в популярном в то время жанре этнографического очерка), содержащие описания увиденного, она публиковала в сибирских и центральных изданиях (в общественно-политическом журнале «Русское богатство», в популярном петербургском журнале для детей «Родник», в газетах «Русские ведомости», «Восточное обозрение» и в некоторых иных изданиях). Среди лучших её произведений можно назвать очерки «Театральные и религиозные представления в Китае» (1885), «О китайской женщине» (1887), «Китайский зверёк» (1889), «Из странствия по Урянхайской земле» (1891), «Тысяча сто вёрст в носилках» (1893).

В очерке «О китайской женщине» подробно описывалось посещение богатой китайской семьи: «В дверях приёмной встретила меня тай-тай; это – титул, с которым обращаются в Китае к барыням. Мы прошли с ней в комнату направо. Тай-тай была женщина лет 30, не особенно красивая, но довольно приятной наружности; конечно, белила и кармин на губах делали её несколько похожею на рисунок: в обращении барыни было много приветливости и даже радушия. Мы сели у стола в креслах, и сюда нам подали чай и к нему пирожное и фрукты; пирожное очень напомнило мне европейские печенья. Фрукты в Китае подают обыкновенно очищенные от кожи и нарезанные ломтиками. Барыня брала эти лакомства палочками, которые заменяют в Китае наши вилки, и накладывала миге на отдельное блюдо. Прислуживала нам няня и ещё другая женщина» [Потанина 1887]. В этом описании, помимо тщательно отобранных бытовых наблюдений, давалась характеристика людей, – например, отмечалась «необыкновенная живость хозяйки», заинтересованность китайцев в овладении гостями их языком («присутствовавшие наперерыв сообщали нам китайские названия предметов, находившихся под руками, и весело смеялись нашим ошибкам в произношении» [Потанина 1887]).

В очерке «Театральные и религиозные представления в Китае» описывался спектакль народного театра, в котором показывалась драма «Сан-чан-салу» («Убийца Сан-чана»). Автор излагал (несколько иронически) сюжет незнакомого российскому читателю произведения: («Главные действующие лица – муж и его модная капризная жена, выданная за него по неволе и любящая другого. На сцене любезности мужа отвергались с очевидным презрением; наступившая ночь прошла в том, что жена пела жалобную арию, в то время как муж спал и с громкими зевками просыпался только при звуках...» [Потанина 1885]), воспроизводилась внешность персонажей («Лицо <...> было вымазано белым, кажется, с

целью указать на её хозяйственные занятия по кухне и на возню с мукой» [Потанина 1885]) и игра актёров.

В другом произведении («Тысяча сто вёрст в носилках») А. Потанина изображала празднование Нового года по китайскому лунному календарю («С вечера вся деревенька расцветилась фонарями и почти неумолкаемо оглашалась взрывами ракет; это не была детская забава: отцы семей жгли ракетки в честь богов. Всю ночь народ не спал; ночью стряпали и устраивали ужин, утром опять жгли ракетки и стреляли» [Потанина 1893]); при этом ею особо отмечались доброта и гостеприимство местного населения («Хозяева дяна и наши носильщики приходили и к нам с поздравлением, причём приносили нам праздничный подарок в виде сдобного печенья, и во время своего обеда принесли и нам своих блюд, приготовленных на этот раз из мяса и очень вкусно» [Потанина 1893]).

Такого рода произведения, созданные в жанре *травелога*, приближали российского читателя к далёкой стране, делали её для них близкой и понятной.

Аналогичные принципы развивались в других произведениях этого жанра, созданных в это время, – например, в очерках «По Корею, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову» Н.Г. Гарина-Михайловского (1898) [Гарин-Михайловский 1958] или «В Манчжурии: картинки и сценки из войны с Японией» (1907) Вас.И. Немировича-Данченко [Немирович-Данченко 1907]²⁷.

Цикл очерков «В Маньчжурии» создавался в период русско-японской войны, поэтому главным для Вас. Немировича-Данченко было не изображение одного из регионов Китая, а создание картин жизни русской армии. Однако его внимание привлёк гуманизм местного населения.

²⁷ Отметим попутно, что регион Манчжурии, в 1890–1900-е гг. считавшийся стратегически важным для Российской империи, всегда вызывал особый интерес у российских писателей-путешественников.

Приведём фрагмент из очерка «Кумирня», помещённого в самом начале цикла и являющегося своеобразным «камертоном» последующего повествования:

«Эта кумирня хранит трогательные воспоминания. Её ламы подобрали русских раненых, сами перенесли их сюда и тщательно ухаживали за ними. Двое умерло, – их могила в углу. Один выжил, и теперь мне рассказал эту трогательную быль.

– Мать так не может заботиться! Умирать буду, – не забыть мне этих монахов. Выходили; лошадь дали, чтобы я к своим мог добраться. Тихие люди, Бога знают и любят Его... По заповедям живут. Я в их кумирне как-то молюсь, а потом и спрашиваю: не обидно ли им, потому что я чужой веры. Ну, они мне на это: веры разные, а Господин неба один. Всё равно, что языки, – одно и то же они называют разно, каждый по-своему, а роза всё-таки остаётся розой.

После этого рассказа громадный дракон и адские собаки показались мне вовсе не такими страшными. И внутренней стеной огородившись от чудовища, монахи не загородили сердце от людской беды и чужого горя» [Немирович-Данченко 1907].

Н.Г. Гарин-Михайловский в очерках «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову», написанных в довоенное время, исходил из иной установки. Он стремился раскрыть обычаи и культуру народов, населявших регион (как корейцев, так и китайцев), поэтому нередко цитировал записанные им фольклорные тексты (сказки и легенды обоих народов), сопоставлял их и приводил собственные размышления об особенностях национального искусства.

Например, читателям очерков предлагалось умозаключение, приписанное персонажу – «милому корейцу», «бессильный шёпот» которого автор «слышал» в своих мыслях: «...Китайцам досталось наше счастье. В своих сказках кореец облагодетельствовал и Китай, и

Маньчжурию, и Японию – все богаты и счастливы за его счёт, только он беден и ничего не имеет. Но он честен, добр, трудолюбив и жизнерадостен среди своих святых гор, своих предков, могил, среди скудных нив, среди невозможных политических условий своего существования: хунхуз, китаец, его собственное правительство – гнетущее, с проклятой думой только о себе» [Гарин-Михайловский 1958: 320].

А вот, например, начало легенды, в которой описывается Конфуций: «Однажды Конфуций, с тремя тысячами учеников своих, проходил по одной долине, посреди которой росло фруктовое, всё в фруктах, дерево, а по обеим сторонам дерева сидело по женщине и ели фрукты с дерева. Сидевшая на западной стороне была красива, белая с лица и стройная, сидевшая с восточной стороны была желта и не так красива...» [Гарин-Михайловский 1958: 476–477].

Завершение легенды было весьма характерным: «...И, сказав, женщина [Востока. – А.К.] на глазах Конфуций поднялась в небо. А Конфуций упал на землю, и так пролежал всю ночь. И он думал. И то, что он передумал в эту ночь, на то обыкновенный смертный должен употребить тысячу жизней» [Гарин-Михайловский 1958: 478].

«Так великий Конфуций ковал свой народ, пока не заковал его всего в заколдованном круге, где нет дороги вперёд, нет дороги назад, где всё стоит на месте и только в каких-то бесплодных завертушках мысли псевдоклассическая интеллигенция может выкруживаться над неподвижным» [Гарин-Михайловский 1958: 325].

Автор стремился показать специфику китайской музыки и понять её перспективы для будущей культуры человечества: «...Присев на корточки, <...> капитан <...> напевает какую-то китайскую песенку. Ухо моё уже привыкло к этим песням. Много носовых и металлических звуков, как будто подражание удару медных тарелок. Много диссонансов, а заключительные аккорды все не в тон и не в такт. <...> Местами улавливается и речитативная мелодия, наподобие <...> французских шансонеток. Иногда это похоже и на

вагнеровскую музыку, и уже думаешь, а вдруг слух наш будет прогрессировать именно в этом направлении и будущие поколения в этих диссонансах и нестройных воплях будут находить и мелодию и прелесть, как это находят, очевидно, китайцы» [Гарин-Михайловский 1958: 315].

Большое значение для писателя имело сопоставление китайского народа с русским. Для него важно продемонстрировать, что китайцы не какие-то «экзотические» люди, а такие же, как и русские: «...Массу китайцев одеть в русский костюм, остричь косу, оставить расти бороду и усы, и, держу какое угодно пари, по наружному виду его не отличишь от любого русского брюнета. <...> Окончательно и бесповоротно надо отказаться от какого бы то ни было обобщённого представления типа китайца, а тем более того карикатурного, которых считают долгом изображать на своих этикетках торговцы чайных и других китайских товаров» [Гарин-Михайловский 1958: 319].

Особенное значение для писателя имел экономический аспект взаимоотношения народов: «Может быть, через десять лет китаец будет так же необходим на Волге, как необходим он здесь, в Восточной Сибири. Это дешёвый рабочий, честный, дешёвый и толковый приказчик, прекрасный хозяин и приказчик торгового магазина... <...> Нет экономической почвы, на которой можно бороться с китаецем. <...> [Гарин-Михайловский 1958: 35]. ...Хозяином стал китаец. Откажись он сегодня от работ, уйди из города, – и мы погибли. <...> Вот вам и китаец. <...> Маньчжуры их били, били, а теперь от маньчжур только и осталось, что династия да несколько городовых... <...> Мы вот гордимся нашей бескровной победой – взятием Порт-Артура, а не пройдёт и полувека, как с такой же бескровной победой поздравит китаец всю Сибирь и дальше...» [Гарин-Михайловский 1958: 92–93].

Теперь, спустя более чем сто лет после того, как были написаны эти фразы, мы можем убедиться, насколько точны были наблюдения и

размышления русского писателя о перспективах развития Китая и изображённых в его произведениях регионов.

В русской литературе 1870–1890-х гг. особо популярным стал жанр *литературной сказки*, к которому обращались М.Е. Салтыков-Щедрин, Д.Н. Мамин-Сибиряк, В.М. Гаршин и другие писатели. Этот жанр оказался близок многим российским литераторам конца XIX в., поскольку применение условных (в том числе «экзотических») образов и сюжетов (заимствованных из фольклора или зарубежной литературы) позволяло аллегорически выражать актуальные для российского общества идеи. В начале XX в. в качестве материала для аллегорической образности литературных произведений писатели стали использовать образы, соотнесённые в сознании читателей с Китаем²⁸.

Жанр литературной сказки был выбран известным журналистом и писателем В.М. Дорошевичем. В своих сказках он обратился к «восточным» образам и сюжетам, связанным прежде всего с Китаем (писатель назвал этот цикл «Сто золотых китайских сказок»). В. Дорошевич посещал города Китая в 1897 г. во время путешествия на корабле к острову Сахалин. Писатель испытывал большой интерес к культуре Китая и впечатления, полученные во время поездки, были использованы в его произведениях (например, описания процесса чаепития, китайского театра теней, опиумные курильни, «миленьких китаянок», похожих на «фарфоровые статуэтки» и т. п.). Сюжет путешествия положен в основу некоторых из его «китайских» сказок.

На формирование в творчестве В. Дорошевича «китайской темы» повлияли политические события, – прежде всего, восстание ихэтуаней

²⁸ В эту традицию полностью укладываются и стихотворения А.К. Толстого «Сидит под балдахином...» («Сидит под балдахином / Китаец Цу-Кин-Цын / И молвит мандаринам: / “Я главный мандарин! // Велел владыко края / Мне ваш спросить совет: / Зачем у нас в Китае / Досель порядка нет?”»), в котором имеется в виду не Китай, а Россия того времени.

1899–1901 гг., повлекшие вмешательство в дела Китая ряда европейских государств (в том числе и России), против которого активно выступал российский журналист. В одном из своих фельетонов, опубликованных в книге «Китайский вопрос» (1901), соавтором которой был писатель и журналист А.В. Амфитеатров, В. Дорошевич назвал это восстание «криком страшной, невыносимой боли, которую причиняет Европа, вонзаясь в Китай грязными когтями эксплуатации», поскольку «иностранцы пользуются <...> нищетой <...> невежеством, пороками» китайского населения, в результате чего «китайские патриоты возмутились иностранцами и, не видя защиты со стороны властей <...>, восстали против мандаринов» [Амфитеатров, Дорошевич 1901: 14–19].

Близкую мысль, характеризуя отношения России и Китая, высказал А. Амфитеатров в очерке «Китайская гроза: после боя при Дагу», опубликованном в той же книге: «Китай нас не ненавидит. Мы не ненавидим Китая. Он для нас может и должен стать источником бесконечных выгод. Ради них Россия совершила ряд великих культурных подвигов, начиная с сооружения Сибирской железной дороги. Ничего решительно против выгод этих Китай не имеет, ибо они взаимны. Мы для Китая – огромный орган, чрез который его могучая древняя цивилизация вступает в мирные компромиссы с новой европейскою цивилизациою и понемногу приобщается к ней. Всякое европейское вмешательство, приходящее в Китай с моря, Небесной империи ненавистно. Она не хочет знать соседей через солёную воду, ни прав их на общение с нею» [Амфитеатров, Дорошевич 1901: 24].

Трагические эпизоды жизни китайского народа отразились в небольшом «китайском романе» (на самом деле это был не роман, а маленькая повесть или даже новелла – стоящее в подзаголовке слово «роман» употреблялось в значении «любовь») «Му-Сян», в котором описывалась трагическая история любви китайских Ромео и Джульетты, ставших жертвами древних обычаев.

Одна из важнейших проблем, поставленных В. Дорошевичем в «китайских сказках», – противоречие между народом и властью. В сказке «Первая прогулка богдыхана» правитель страны (в XIX в. в России китайских императоров именовали «богдыханами») Сан-Ян-Ки (имена китайским персонажам давались условные, не похожие на реальные китайские фамилии и имена), притворившись умершим, первый раз в жизни отправляется на прогулку по улицам Пекина, чтобы узнать правду о жизни в стране, которую тщательно скрывает его окружение. Другой персонаж сказки – «богдыхан» Юн-Хо-Зан («Приключения Юн-Хо-Зана»), – отправившийся странствовать по своей стране, приходит к выводу, что его власть держится только на насилии, страхе и несправедливости, которые местная власть использует от его имени, чтобы подчинить себе людей. Близкие идеи разрабатывались писателем и в других сказках на «китайские» темы («Звездочёт», «О пользе наук», «Награды», «Дождь» и т. п.).

В первые десятилетия XX в. в русской классической литературе происходили изменения – в соответствии с тем, как возрастал интерес конкретно к Китаю и к восточной традиции в целом, которые привели к процессу формирования развёрнутого «китайского текста».

К переводам произведений китайской словесности обратился, например, поэт К.Д. Бальмонт [Бальмонт 1908]. В числе привлёкших его внимание текстов была книга Лаоцзы, переведённая в форме поэмы под названием «Книга пути и благого чарования», стихотворение «У врат закатных» из книги «Ши Цзин», входящей в классическое китайское «Пятикнижие» (для её обозначения Бальмонт использовал названия «Чи-Кинг», «Книга Стихов», «Собрание Китайских Народных Песен» или «Песнехранилище»), стихотворения «Пред сумраком ночи (крик воронов)» Ли-тай-пе (Ли Бо) и «В уровень с водой» Тху-фу (Ду Фу). Китайские мотивы появлялись в стихотворениях К. Бальмонта «Занавес», «Китайское небо», «Ткань».

В своих «Изъяснительных замечаниях» к переводам китайских стихотворений К. Бальмонт высказал характерную для его времени мысль об особой связи китайского искусства с сущностными качествами духовной культуры и о том, что прошлое цивилизации указывает на цель, к которой должны стремиться современные страны: «Китай <...> тысячи лет тому назад пережил то, к чему мы ещё приближаемся, или только приблизимся, в нашем историческом Завтра. Китайская живопись, Китайская поэзия и Китайская Мудрость известны нам, сколько-нибудь, лишь по своему отображению в Японской призме. Мы еле-еле знаем, что та воздушность, утончённость и одухотворённость чувства, та красочная деликатность и изысканность, которыми мы, например, восхищаемся в Японской живописи, в гораздо большей степени, и как в первоисточнике, существуют в том Солнечном царстве, чьё имя Китай» [Бальмонт 1908: 144]. Бальмонт особо отметил важнейшую в его концепции характеристику «Царя Китайских поэтов» Ли-Тай-Пе (в современной российской традиции этого поэта называют Ли Бо): «поэт-бродяга, предпочитавший вольность полей и дорог царскому дворцу» [Бальмонт 1908: 144], которая оказалась близка и Н. Гумилёву.

Следует отметить, что К. Бальмонт заложил традицию перевода произведений китайской поэзии, используя для этой цели «длинную» стихотворную строку – 7-стопный дактиль (19-слогов, последняя стопа усечённая): «В облаке пыли Татарские лошади с ржаньем промчались прочь. / В пыльной той дымности носятся вороны, – где б скоротать эту ночь» [Бальмонт 1908: 143].

В рассматриваемый период к китайской теме обращались и другие российские поэты – В.Я. Брюсов (цикл «Китайские стихи», состоящий из пяти небольших произведений), А.А. Ахматова (переводившая китайскую классическую поэму «Ли Сао»), Н.С. Гумилёв.

В творчестве Н.С. Гумилёва, которого культура Востока интересовала на протяжении всей жизни, тема Китая занимала особое место. Сам поэт

никогда не бывал в Китае, не знал он и китайского языка. Его интерес к Китаю был частью общего увлечения «другими», малоисследованными культурами (например, культурами народов Африки или Америки), привлекавшими его в качестве альтернативы «старой европейской» культуры. Литературовед Т.О. Сотова в связи с этим отмечала: «Гумилёв – поэт-исследователь, цель которого – выявить и постичь движущие процессы истории человечества. Даже обращаясь к экзотическим, с точки зрения русского человека, культурам Африки, Индии или Китая, поэт стремился найти и восстановить по крупицам некое великое истинное знание о предназначении человека» [Сотова 2014: 130].

К «китайскому тексту» Н. Гумилёва могут быть отнесены стихотворения «Царице» (1908), «Путешествие в Китай» (1909), «Я верил, я думал» [Сергею Маковскому] (1911)²⁹, «Возвращение» (1912), «Китайская девушка» (1914), «Змей» (1916), а также сборник «Фарфоровый павильон» (1917), основу которого составил цикл из 11 «китайских стихов», и незавершённую «детскую» поэму «Два сна» (1918).

Интерес к Китаю возник у поэта не случайно. В юности он вместе с родителями жил в Царском селе и обучался в Царскосельской гимназии. Как утверждает Е.Ю. Раскина, «...знакомство Гумилёва с китайской культурой началось в ранний царскосельский период, поскольку в Екатерининском дворце, Китайской деревне и Китайском театре было сосредоточено немало “китайских диковин”» [Раскина 2008: 95].

В дальнейшем источниками его сведений о Китае могли быть описания путешествий по этой стране, переводы произведений китайских писателей и мыслителей на русском или французском языке, публичные лекции учёного-синолога В.М. Алексеева (будущего академика); поэт имел возможность изучать материалы «китайских» коллекций в музеях и частных коллекциях Санкт-Петербурга и Парижа.

²⁹ В дальнейшем текст этого стихотворения был использован А. Вертинским в песне «Китайская акварель».

Информацию о Китае Н. Гумилёв мог получить из бесед с художником и мыслителем Н. Рерихом и специалистами-востоковедами, прежде всего, Ю. Готье – известной французской писательницей и переводчицей, литературный салон которой (под характерным названием «Отель Синего Дракона») он посещал во время поездки в Париж в 1906–1907 гг.

Мысль о том, что выраженная в классической китайской поэзии духовность важна для будущего европейской (в том числе русской) цивилизации, была близка и Н. Гумилёву. Не случайно его – так же, как и К. Бальмонта – интересовала классическая китайская поэзия, о художественных особенностях которой он мог узнать из общения с синологами – учёными и переводчиками – как российскими, так и французскими. В интервью, данном в 1917 г., он высказал интересную мысль: «Новая поэзия ищет простоты, ясности и достоверности. Забавным образом все эти тенденции невольно напоминают нам о лучших произведениях китайских поэтов, и интерес к последним явственно увеличивается в Англии, Франции и России»³⁰. Эту «простоту», «ясность» и «достоверность» поэт стремился выразить в своих произведениях.

Анализ произведений Н. Гумилёва, которые – в том или ином виде – в тематическом и образном плане были связаны с Китаем, показывает, что его представления о китайской культуре были достаточно глубокими.

В основу «китайского цикла» стихотворений, опубликованного в сборнике «Фарфоровый павильон», были положены свободные переложения текстов китайских поэтов, живших в эпоху Тан, – Ли Бо («Фарфоровый павильон» и «Счастье»), Ли Оэй Вэя («Луна на море»), Чан Чжан Цзи («Отражение гор»), Ван Цзы («Природа»), Чан Жосу («Соединение»), Ду Фу («Странник» и «Дом»), Чан Жо («Поэт»), Соа Нан,

³⁰ Интервью Карла Бехгофера с Гумилевым опубликовано в еженедельнике «The New Age» («Новый век») 28.06.1917. См.: Неизвестные письма Н.С. Гумилева / Публ. Р.Д. Тименчика / Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1987. – Т. 46. – № 1. – С. 50–78.

Цзяо Жаня³¹ и др. Работая над сборником, Н. Гумилев, использовал «Яшмовую книгу» Ю. Готье (1867), в которой содержались вольные переводы китайской поэзии на французский язык [Раскина 2008].

В стихотворениях на «китайскую» тему Н. Гумилёв сумел передать важное для китайской культуры представление о двойственности бытия (земное / небесное, инь / ян, вода / гора, вечное / сиюминутное), сочетающееся с ощущением духовной гармонии, соединении человека с миром природы.

Использованный в сборнике собирательный образ поэтов, собравшихся в павильоне, расположенном на острове в парке, чтобы, любуясь природой, обрести за чашей вина внутреннюю гармонию, часто встречается в традиционной китайской лирике. Такая картина вполне могла быть изображена на какой-нибудь китайской вазе и ином предмете из фарфора, которые встречались в европейских коллекциях китайских древностей. Можно предположить, что собирательный образ китайских поэтов (как, например, Ли Бо или Ду Фу), которые были скитальцами, отвергнувшими мирские блага и служение императору ради идеи духовного совершенствования на лоне природы, был лично близок Н. Гумилёву.

Принципы организации цикла «китайских стихов» Н. Гумилёва соотносились с композиционными приёмами традиционной китайской лирики, в которой изображение пейзажа было тесно переплетено с раскрытием внутреннего мира лирического героя (в частности, в поэзии эпохи Тан). Изображение далёких планов чередовалось с близкими планами, а размышления о личной судьбе переплетались с мотивами любви и дружбы, которые композиционно организовывались по принципу «от близкого к далёкому».

³¹ Современные исследователи имеют разные точки зрения по поводу того, какие стихотворения и каких поэтов эпохи Тан использовались Н. Гумилёвым. См.: [Концова 2003; Раскина 2008; Солнцева 2013; Сотова 2014; Трегубова 2013; Федотов 2003]. Данный вопрос нуждается в дополнительных исследованиях.

В цикле использовались характерные для китайской поэзии художественные приёмы: противопоставления (гора, скала, камень – вода, озеро), ситуации (дружеская встреча за чашей вина, созерцание луны), символы (жизнь как путешествие в лодке), цветовые характеристики (жёлтый / золотой), традиционные эпитеты («яшмовый»³² – мост, месяц, флейта), детали пейзажа (павильон / беседка, изогнутый мост, пагода, бамбук) и предметы (флейта). Мотив «отражения», возникающий в первых стихотворениях «Фарфорового павильона», становится принципом организации повторяющихся в составе всего цикла мотивов (вода и озеро, женщина / девушка, луна, вино, лодка, цветы): «...В целом образы и мотивы предыдущих стихотворений отражаются в последующих. Таким образом, пространственный принцип отражения, активно использованный в китайской поэзии, применим Гумилёвым в построении цикла» [Солнцева 2013: 76].

Название сборника «Фарфоровый павильон» соотнесено не только с китайской символикой фарфора как особого «императорского» материала, выражающего «величие Поднебесной империи» [Раскина 2008: 94–95], но и с европейским представлением о фарфоре как о материале, связанном с Китаем и как ценности, которая выражает «хрупкое», «бренное», легко подвергающееся уничтожению. С другой стороны, *павильон* (беседка), в которой встречаются поэты, в китайской культуре символизирует «приют мудреца» (место для медитации и поэтического вдохновения) и одновременно женское начало [Раскина 2008: 95]. Основная идея цикла, как отмечает Е.Г. Солнцева, – «двойственность бытия»: «...гедонизм не вечен, в безмятежности есть фарфоровая хрупкость»; «темы стихотворений, эмоции и мысли балансируют между благодатью и её невозможностью» [Солнцева 2013: 77].

³² В.М. Алексеев отмечал, что в китайской культуре эпитет «яшмовый» / «нефритовый» [玉] относится, «ко всему лучшему, драгоценному, как к предметам, так и отвлечённым понятиям» [Алексеев 1978: 106] и связан непосредственно с императором.

Принципы воплощения темы Китая, наиболее полно представленные в цикле «Фарфоровый павильон», выражались и в более ранних стихотворениях поэта. «Китай, как конечное место назначения, должен, естественно, восприниматься как достижение совершенного понимания...», – справедливо утверждал М. Баскер [Баскер 1992: 15]. В стихотворении «Путешествие в Китай», посвящённом театральному художнику С. Судейкину, впервые появился мотив вина; в стихотворении «Китайская девушка» присутствовало описание символической «голубой беседки», расположенной посредине реки (в дальнейшем, как мы видели, этот образ трансформировался в «фарфоровый павильон»), «куста фарфоровых роз», «металлической птицы» с «золотым» хвостом, написанных на шёлке стихов и других мотивов, уходящих корнями в традиционную китайскую культуру.

«Китайский текст» Н. Гумилёва оказался связан с представлением о бегстве в «иной» мир, с поиском недостижимой в «этом» мире гармонии, с мотивами «рая» и благодатной земли, обретением совершенства. В одном из первых произведений, созданных на «китайскую» тему, – стихотворении «Путешествие в Китай» – поэт писал: «...Все мы, товарищи, верим в море, / можем отплыть в далёкий Китай / <...> Только в Китае мы якорь бросим, / Хоть на пути и встретим смерть!» [Гумилёв 2000, 1: 209].

В стихотворении «Возвращение» (посвящённом А. Ахматовой), описывалось путешествие (явно духовного плана) с «жёлтым», «худым», «раскосым» спутником, приводящее к «стенам Китая», в результате которого лирический герой достигает состояния просветления («воздух вокруг светлел») и восторга («пред ним я склонился в восторге тайном»): «Когда ж мы достигли стены Китая, / Мой спутник сказал мне: «Теперь прощай, / Нам разны дороги: твоя – святая, / А мне, мне сеять мой рис и чай» [Гумилёв 2000, 1: 340–341].

Образ Поднебесной формировался не только в культурном сознании российской интеллигенции – писателей, учёных, дипломатов, офицеров

(особенно служивших на восточных рубежах России). В начале XX в. более-менее определённые представления о Китае стали возникать и у «непривилегированных» слоёв населения (в том числе у крестьян, ремесленников, мелких торговцев), так или иначе связанных с Китаем, которые получили возможность узнавать о дальневосточном регионе через газеты, проповеди священников, небольшие брошюры (в виде которых издавались некоторые труды русских и европейских путешественников, отдельных знатоков и исследователей Китая).

Эти брошюры – в связи с возрастающим интересом городского населения к особенностям китайской государственной жизни, быту и нравах жителей страны – печатались массовыми тиражами. Язык книжек был простым и понятным, близким к разговорному; текст, как правило, сопровождался множеством картинок «уличной жизни» китайских городов. Таковы были книги «Китай и китайцы» К. Барсова [Барсов 1905], «Наши азиатские соседи китайцы» В. Маракуева [Маракуев 1896], «Как живут и работают китайцы» И. Селивановского [Селивановский 1904], «Китай и китайцы» Н. Фольбаума [Фольбаум 1911] и некоторые другие аналогичные издания.

Представления о Китае в это время чаще всего составлялись на основе личного опыта³³. Во время постройки КВЖД большое количество рабочих, мелких служащих и инженеров, работавших на территории Китая, могли познакомиться с Маньчжурией и её обитателями. В российской «полосе отчуждения» КВЖД предполагалось разместить небольшие совместные предприятия и фабрики, наладить промыслы и разработку полезных ископаемых, а это привлекало в Маньчжурию российских промышленников

³³ В 1858–1860 гг., после заключения Айгунского, Тяньцзиньского и Пекинского русско-китайских договоров, на Дальний Восток были направлены забайкальские казачьи войска с целью последующей колонизации ими новых территорий. В 1890-е гг. в связи со строительством Транссибирской магистрали («Великой Сибирской дороги»), в соответствии с экономической политикой, проводимой С.Ю. Витте и П.А. Столыпиным, этот регион должны были заселить крестьяне-переселенцы из Центральной России. См.: *Титаренко А.С.* Представления о Китае в русском народном сознании (вторая половина XIX – начало XX в.) [Титаренко 2014].

и купеческое сословие. После занятия Дальнего (Далиенваня, Даляна) и Порт-Артура большое количество офицеров и простых солдат регулярных войск также имели возможность познакомиться с жителями Китая.

Русские солдаты, побывавшие в Китае, в своих письмах к родным описывали не только о военные будни, но и всё то, что они увидели в необычной для них стране. Рассказы и воспоминания солдат, вернувшихся в родные деревни с восточного фронта, воспринимались их крестьянами с огромным интересом [Громыко, Буганов 2000: 436–436]. «Господь Бог привёл, однако, многим очевидцам и участникам тех же событий счастливо возвратиться домой. Они принесли с собой массу известий и рассказов захватывающего интереса о событиях в неведомых странах сказочного востока, о тамошних людях, живущих не так, как живут русские люди, с особой верой, особым обычаями, особой одеждой, пищей, жилищем и т. д. Все эти рассказы не могли не пробудить у простых русских людей живейшего интереса к тому, что произошло и что делается в Китае», – отмечалось в одной из работ, опубликованных в то время [Россия на Дальнем Востоке 1901: 6].

Русский генерал П.Н. Краснов, который в начале XX в. выступал как неплохой писатель и журналист, в своей книге под названием «Борьба с Китаем. Популярный очерк столкновения России с Китаем в 1901 г.», созданной после командировки на Дальний Восток (в Китай и Маньчжурию), привёл характерное для того времени мнение анонимного солдата, который служил в Порт-Артуре: «Китайцы народ смиренный, очень смиренный. И этой смиренностью их пользовались англичане и немцы; их священники обращали китайцев силой в христианство, и кто не хотел, того жестоко наказывали... И стали китайцы различать: русский – свой человек, хороший и европеец – худой человек. И невзлюбили они европейцев – англичан, французов и немцев» [Краснов 1901: 6–7].

Однако нужно отметить, что в начале XX в. целостный образ Китая у большинства представителей русского народа ещё не сложился. Имевшиеся

у большинства сведения об этой стране, чаще всего, представляли набор несложных стереотипов. Причиной этого, с одной стороны, мог быть низкий уровень грамотности российского населения, а с другой, – принципиальное отсутствие у многих российских граждан интереса к любой «иностранной» культуре. Исследователь А.В. Буганов отмечал, что русские крестьяне «к истории других народов относятся равнодушно и не любят слушать про них чтение» [Буганов 1992: 171].

Тем не менее, в сознании значительного количества представителей российского общества Китай был богатой и преуспевающей страной, в которой, несмотря на особую любовь «бусурманских»³⁴ китайцев к азартным играм и опиокурению, а также естественное для любого человека стремление к наживе, проживает миролюбивый, выносливый и вежливый народ.

Над всеми этими представлениями, существовавшими в русской культуре начала XX в., в литературе последующих периодов «надстраивался» образ Китая.

2.3. Выводы

Анализ русской культуры и литературы последней трети XVIII – начала XX в. показывает, что в течение этого периода в ней сформировалась традиция обращения к мотивам, образам и сюжетам, соотносившимся с китайской культурой, что позволяет сделать вывод о появлении в ней «китайского текста». В свою очередь, возникновение в рамках художественной литературы конца XIX – начала XX в. «китайского текста» способствовало дальнейшему развитию в общественном сознании представлений о Китае (или «образа Китая»).

Основные результаты проделанного исследования можно сформулировать следующим образом:

³⁴ «Басурманами» русские крестьяне обычно называли представителей народов, не исповедующих христианскую религию (в том числе и китайцев).

1. В конце XVIII в. в культурное сознание российского общества стала проникать информация о Китае, появление которой было связано как с общеевропейской стилевой тенденцией “*chinoiserie*” (в качестве свидетельства материального достатка и утонченности эстетических представлений людей, соотнесённых с этим стилем), так и с непосредственным прагматическим интересом России к соседней стране.

2. В результате этого процесса в русской культуре первой трети XIX в. стал формироваться «китайский контекст», развитию которого способствовали научные исследования и переводы произведений философско-этической, правовой, исторической и художественной словесности, выполненные российскими синологами. Китайский контекст русской культуры имел общеевропейскую форму, но наполнялся специфическим российским содержанием; он воздействовал на развитие словесности, архитектуры, живописи, садово-паркового и декоративно-прикладного искусства, оформление интерьеров и женскую моду.

3. Интерес к культуре Китая в российском обществе на протяжении XVIII–XIX вв. постоянно возрастал, что было обусловлено географическим соседством двух стран, политическими целями российского государства и вниманием российского общества по отношению к китайской культуре и искусству.

4. Период, начавшийся во второй половине XVIII в. и завершившийся в первые два десятилетия XIX в., можно называть этапом «предварительного» знакомства с Китаем. В это время в России происходит формирование общих представлений о стране, а собственно «китайский текст» русской литературы ещё практически не отделился от «китайского контекста» национальной (и европейской) культуры. В этот период обращение к китайской культуре было поверхностным; сущность китайских традиций и стоящая за ними философско-этическая система, жизнь китайского народа оставались вне сферы внимания российского общества и не сопровождались «интеллектуальным» интересом к Китаю.

5. В середине XIX в. на базе «китайского контекста» русской культуры стал формироваться «китайский текст» литературы. «Китайские» текст и контекст находились в состоянии взаимодействия: «контекст» во многом определял соответствующий ему тематический «текст», который, в свою очередь, обуславливал функции и структуру «текста». В это время были опубликованы тексты, описывающие Китай, в которых использовались сюжеты и образы китайской культуры и содержались размышления о судьбе Китае (чаще всего – в сопоставлении с судьбой России).

6. Исследования китаеведов, публиковавшиеся во второй половине XIX в. (о. Палладия [Кафарова], В.П. Васильева, И.А. Гашкевича, А.А. Татаринова, М.Д. Храповицкого и др.), которые были адресованы широкому кругу российских интеллигентов, становились органичной частью сознания читающей публики, проявлявшей характерную для русского национального самосознания открытость «чужой» культуре. Китай сделался для российской публики не только местом производства «экзотических предметов», но и источником идей, сюжетов и образов. «Китайские образы» стали аллегорической формой для выражения важных для русских писателей гуманистических ценностей (произведения А.К. Толстого, В.М. Дорошевича) и одновременно способом их проверки (философские трактаты Л.Н. Толстого).

7. Важнейшей частью «китайского контекста» и «китайского текста» русской культуры оказались размышления о закономерностях и парадоксах развития самой России (в сопоставлении с Китаем). «Китайский текст» способствовал разрушению европоцентристских представлений (работы А. Хомякова и Н. Данилевского) и стал необходимой частью раздумий о перспективах развития самой России (работы П. Чаадаева, Ф. Достоевского, Вл. Соловьёва).

8. Для российских писателей (И. Гончарова, Л. Толстого, В. Дорошевича, А. Амфитеатрова и др.) и читателей «Китай» был интересен

не только сам по себе, но и как особый *мир*, который, с одной стороны, противопоставлен России, а с другой – во многом похож на неё, – как мир, реализующий *иной* вариант развития страны. Труды китайских мыслителей, по мнению некоторых писателей (например, Л. Толстого), указывали русскому человеку «путь», гармонично сочетающий понимание и ценность «своего» и «чужого».

9. Китай привлекал русских писателей духовными ценностями, высокими нравственными принципами, глубиной философской мысли и обращением к исследованию духовной сущности человека. Размышления об истинном предназначении человека, о природе добра, справедливости, мудрости, имеющие многовековую историю интерпретации в культуре Китая, стали частью «китайского текста» русской литературы, поскольку могли способствовать решению насущных проблем мировой цивилизации.

10. Русские писатели и публицисты выступали против агрессивной политики европейских государств по отношению к Китаю и выражали своё сочувствие к страданиям китайского народа.

11. В «китайском тексте» русской литературы, сформировавшемся во второй половине XIX в., Китай показывался как экзотичная, «загадочная» для читателя страна, в связи с чем для китайского текста русской литературы особенно важными оказывались проблемы *восприятия* и *интерпретации*. Исторические события, происходившие в Китае на протяжении конца XIX и XX вв., а также сложная эволюция отношений между Китаем и Россией, способствовали расширению интереса российских читателей к культуре этой страны.

12. Произведения, формировавшие «китайский текст» русской литературы, с одной стороны, раскрывали перед читателями историю и природу Китая, показывали обычаи и культуру населяющих его народов, тем самым делая его мир понятным для читателей; с другой стороны, они нередко оказывались связанными с представлениями о бегстве в идеальный «иной» мир, с поиском недостижимой в «обычном» мире гармонии, с

мотивами «рая» и «благодатной земли», где человек может обрести покой и совершенство.

13. «Китайский текст» русской литературы существовал в разных жанрах: публицистических («трактаты», очерки, травелоги), художественных (повести и рассказы, аллегорические литературные сказки), а также в поэтических циклах и отдельных стихотворениях.

14. В конце XIX и начале XX в., после начала строительства КВЖД и событий Первой российско-японской войны, большое количество российских солдат, рабочих, служащих и инженеров, оказавшихся на территории Китая, могли познакомиться с Маньчжурией (как частью Китая) и с жизнью её обитателей, в результате чего в сознании многих людей знания о Китае, представлявшие ранее набор несложных стереотипов, существенно углубились и конкретизировались.

Исследование процесса формирования в России представлений о Китае и китайской культуре позволяет сделать основной вывод: в период, предшествующий Первой Мировой войне и Гражданской войне, в русской культуре сформировались развёрнутый «китайский контекст» и многообразный «китайский текст», который, с одной стороны, стал важным источником информации о соседней стране, с другой – использовался в качестве материала для размышлений о самой России и о проблемах её исторического развития.

3. «КИТАЙСКИЙ ТЕКСТ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920–1930-х гг.

На протяжении первых двух десятилетий XX в. русская литература создала ряд произведений, сформировавших «китайский текст» и подготовивших читателей и писателей к его дальнейшему развитию.

После событий Октябрьского переворота 1917 г. в русской литературе возрос интерес к теме Востока, и, в частности, к «китайской теме». Этому способствовали социальные и политические события, происходившие в Китае в 1910–1920-е гг., и напоминвшие те, в которые оказалась втянута Российская империя в 1900–1910-е гг., в конечном итоге приведшие к революционным событиям. В Китае нарастала борьба за национальную независимость и стремление к самоопределению.

События Гражданской войны в России привели к массовой эмиграции. Русское население разделилось на «советских» граждан и на «эмигрантов» – людей без гражданства, в результате чего в ранее единой литературе возникло два «потока» – «советский» и «зарубежный», существенно различавшихся как по идейному содержанию, так и по стилистике.

Одним из мест, куда остатки русской армии и беженцы могли скрыться из объятай гражданской войной страны, были находившиеся на китайской территории города Харбин (и другие населённые пункты, расположенные вдоль КВЖД) и Шанхай.

Этими обстоятельствами обусловлена структура раздела, в котором отдельно рассматривается «китайский текст» в «советской» и «зарубежной» (восточной) русской литературе.

3.1. «Китайский текст» в советской литературе 1920–1930-х гг.

Свержение императорской династии Цинь, появление иностранных интервентов из Японии, попытки подчинить себе Китай, предпринимаемые европейскими государствами, обнищание народа, непрерывная борьба друг с другом местных региональных военных правителей-«милитаристов» (так

называемых «маршалов»), – всё это напоминало то, что происходило в России. Поэтому Китай стал рассматриваться как ближайший соратник Советского Союза в борьбе с «мировым империализмом» и как страна, в которой в ближайшем будущем должна произойти «социалистическая революция». Позиция Советского Союза определялась как «помощь» соратнику по борьбе с капитализмом и империализмом. Такой подход способствовал росту интереса к соседней стране и её культуре, что не могло не отразиться в литературе 1920–1930-х гг.

В 1920-е гг. в Советском Союзе были опубликованы некоторые книги, составившие «китайский контекст» того времени: работы «отца китайской нации» Сунь Ятсена под названием «Записки китайского революционера» [Сунь-Ят-Сен 1926]; первая книга о Китае «За Великой Китайской стеной (Люди, быт и общественность)», созданная революционером, дипломатом, разведчиком и востоковедом (характерное для той эпохи сочетание амплуа) В.Д. Виленским (Сибиряковым) на основании статей публиковавшихся им в газете «Известия ВЦИК» [Виленский 1923]; первая советская биографическая книга о Сунь Ятсене «Сунь-Ят-Сен. Отец китайской революции», написанная тем же В. Виленским [Виленский 1924].

К списку произведений, связанных с темой Китая и составивших «китайский контекст», можно добавить публицистическую книгу А. Голичера³⁵ «Мятежный Китай» (1927) [Голичер 1927] и книгу Э.Э. Киша³⁶ «Разоблачённый Китай» (1934) [Киш 1934].

С «китайской» тематикой был связан балет «Красный мак» Р.М. Глиэра (1-ая редакция – 1926–1927 гг.), несколько документальных кинолент, – например, «Великий перелёт» (о полёте советского самолёта по маршруту «Москва – Монголия – Пекин – Токио», снятый В. Шнейдеровым

³⁵ А. Голичер [или: Холичер, Holitscher] – писатель и журналист австро-венгерского происхождения, приезжавший в 1920-е гг. в СССР, активно публиковавшийся на русском языке.

³⁶ Э.Э.Киш [Egon Erwin Kisch] – австро-венгерский журналист, неоднократно приезжавший в СССР, публиковавшийся на русском языке.

и Г. Блюмом (1925), или первый советский полнометражный документально-публицистический фильм «Шанхайский документ» (1928) о революционных событиях в «международном» китайском городе и об их подавлении, подготовленный режиссёром Я. Блюхом и оператором В. Степановым.

На тему «китайской революции» был снят один из первых советских полнометражных мультипликационных фильмов, получивший соответствующее название – «Китай в огне» (другой вариант названия – «Руки прочь от Китая!»), создателями которого стали И. Иванов-Вано, Ю. Меркулов, сёстры В. и З. Брумберг, О. Ходатаева, В. Сутеев (будущие классики советской мультипликации). В советских газетах и журналах в 1920-е гг. регулярно появлялись карикатуры, на которых изображались не нравившиеся (на данном этапе) советскому руководству китайские правители и главный мировой «источник зла» – империалисты – «враги» Китая, выполненные художниками Б.Е. Ефимовым, Д.С. Моором (Орловым), В.Н. Дени и другими.

Все эти произведения в своей совокупности составили *контекст*, способствовавший развитию «китайского текста» советской литературы.

Дополнительным фактором, стимулировавшим интерес к Китаю, являлось то, что зарождающаяся «советская» литература изначально осмысливала себя как литература интернациональная по своему содержанию, имеющая установку на раскрытие социальных противоречий в разных государствах. В результате в сознании представителей российской общественности «Китай всё более втягивается в глобальную проблему Россия – Восток – Запад. Это уже не далёкая экзотическая страна с непонятными традициями, а вполне реальное государство на Дальнем Востоке, судьбы которого переплетаются с судьбами России» [Пчелинцева 2005: 162].

Существовал ещё один фактор, способствовавший развитию «китайского текста» в «советской» литературе. Огромное количество китайцев (возможно, несколько миллионов) в результате событий, происходивших в их стране, было вынуждено бежать в Россию и оказалось втянутым в Гражданскую войну. В результате многие граждане Советского Союза могли лично сталкиваться с китайцами и наблюдать за их жизнью.

Поэтому не случайно в ряде произведений, созданных в 1920-е гг., появляются персонажи-китайцы, а их образы нередко мифологизируются³⁷.

В повести Вс.В. Иванова «Бронепоезд 14-69» (1920–1921), в дальнейшем переработанной в пьесу (1927), появляется герой, китайский крестьянин Син Бин-У, примкнувший к Красной Армии, чтобы вместе с ней бороться с японцами, который совершает подвиг – добровольно ложился на рельсы, чтобы остановить бронепоезд белых. В приключенческой повести Вс. Иванова «Возвращение Будды» (1923) изображался профессор-востоковед Сафонов, нашедший в китайской пустыне Гоби древнюю статую Будды, и прибывший с территории Китая авантюрист по имени Дава-Дорчжи, выдававший себя за новое воплощение божества.

Персонажи-китайцы появляются в незавершённом романе А.А. Фадеева «Последний из удэге» (1929–1941), где есть эпизод неожиданной встречи советских партизан и китайских разбойников-хунхузов, в котором описывается возникновение неожиданного взаимного интереса и приязни между русскими и китайцами.

В рассказе М.Цветаевой «Китаец» (1934) реалистические образы китайцев (представленные через эпизоды случайных встреч в Москве и в Париже) связаны с мифологизированным представлением как о России, так и о Китае, между которыми возникает явная связь [Цао Сюэмэй 2017].

³⁷ Подробно образы китайцев в литературе этого периода рассматриваются в кандидатской диссертации Цао Сюэмэй «Мифологизация образов Китая и китайцев в русской прозе 1920-х годов» (Москва, 2018). См. также: [Цао Сюэмэй 2017; Цао Сюэмэй 2018].

В небольшой повести М.А. Булгакова «Китайская история (6 картин вместо рассказа)» (1923) описывается трагическая судьба «представителя Небесной империи» – «замечательного» (и одновременно зловещего) «ходи», гибнущего в страшной революционной Москве. В его же комедии «Зойкина квартира» (1925) два гротескных образа персонажей-китайцев – Ган-Дза-Лина («Газолина») и «Херувима» – играют роль своеобразной «движущей силы» сюжета.

Персонажи-китайцы появляются в произведениях И.Бабеля – киносценарии «Ходя» (1923), «Китайская мельница (Пробная мобилизация)» (1926), «Дорога» (1932), – присутствие которых становится частью запутанной жизни послереволюционной Советской России. В рассказе И.Э. Бабеля «Ходя» появлялся апокалиптический персонаж – «китаец в кожаном», – который представлял частичку картины разрушающегося быта.

Образы китайцев проникли в детскую литературу того времени. Например, в приключенческой повести писателя П.А. Бляхина «Красные дьяволята» (1921–1926) появлялся уличный акробат китаец Ю-ю, сражающийся в Первой конной армии С.М. Буденного.

В 1920-е гг. возникли оригинальные значения слова «Китай» и «китаец». В автобиографическом романе А. Белого «Крещёный китаец» (1921), слово «китаец» указывало не на национальность, а на особый вариант взаимоотношения с окружающими – в качестве своеобразной «маски», «аватара», необходимого для того, чтобы охарактеризовать детское восприятие отца писателя в качестве представителя особой, не понятной для большинства окружающих, «книжной» культуры («китайский мудрец, одолевший мудрость...», «старый китаец», «древний китаец», «китайский подвижник», обретающий «“Середину и Постоянство” Конфуция» [Белый 1992: 21, 80, 116, 208, 223, 235]).

Своеобразно «китайская тема» была представлена в очерке-памфлете О.Э. Мандельштама «Четвёртая проза» (1929–1930), сочетавшем

одновременно признаки авторской исповеди и обличительного письма, адресованного «советским писателям», в котором многократно употреблялись слова с корнем «китай-» («китаец», «китаёза», «китайщина» и др.), – используемые в разных, – в основном, символических – значениях.

Эти слова – в характерной для писателя сложной ассоциативной манере – употреблялись для обозначения негативных человеческих качеств – коварства, угодливости, приспособленчества (хотя известно, что писатель никаких личных претензий к китайцам, проживавшим в 1920-е гг. в Москве, не имел и в целом относился к ним хорошо): например, слово «китайщина» в тексте О. Мандельштама обозначало чрезмерно напыщенную и лживую официальную речь. Можно предположить, что негативные ассоциации, связанные в сознании писателя с корнем «китай-», были обусловлены тем фактом, что после Октябрьского переворота некоторые китайцы оказались сотрудниками советских карательных структур. С другой стороны, себя поэт также называл «китайцем» («Я китаец, никто меня не понимает»), имея в виду «чуждость», инородность своего художественного языка принятому в то время «официальному» языку «советских писателей» – так же, как китайская речь была непонятна для большинства русских людей (то есть в значении, близком к тому, в каком слово «китаец» было использовано А.Белым)³⁸.

В некоторых произведениях советской литературы 1920-х гг. описывался Китай *в целом* (или в образах его отдельных значимых представителей) – и именно эти произведения, в первую очередь, могут быть включены в «китайский текст» русской литературы. Это, например, рассказ Н. Тихонова «Друг народа» (1926) о Сунь Ятсене [Тихонов 1926]; поэма «Чжан Цзо-лин» о «старом маршале» – генерал-губернаторе Маньчжурии (деятельность которого интерпретировалась как враждебная

³⁸ См.: Осип Мандельштам. Четвёртая проза. Комментарии Олега Лекманова. Режим доступа: <https://polka.academy/artilles/516>.

интересам китайского народа), написанная партийным деятелем и писателем – основоположником казахской литературы Сакеном Сейфуллиным.

Среди произведений, которые входят в «китайский текст» советской литературы, можно назвать несколько стихотворений В.В. Маяковского – «Прочь руки от Китая!» (1924), «Московский Китай» (1926) и «Прочти и катай в Париж и Китай» (1927); стихотворение «Мы будем говорить» (1927) Демьяна Бедного; стихи, написанные на «китайскую» тему поэтами Н.Н. Асеевым, М.А. Светловым, И.П. Уткиным, А.А. Жаровым; очерки, созданные журналисткой и путешественницей З.В. Рихтер («7000 километров по воздуху. Москва – Монголия – Китай»), дипломатом и разведчиком С.П. Разумовым [псевдонимы – О.С. Тарханов, Оскар Эрдберг, Каррио, Ян Чжулай и др.] (Китайские новеллы», «На станции Сян-Яне»), книгу актрисы В.Л. Юреновой «Мои записки о китайском театре», посвящённую игре приезжавшего в СССР великого китайского артиста, прославленного исполнителя Пекинской оперы Мэй Ланьфана (1928) [Юренева 1928].

Среди произведений «большой формы» могут быть также названы роман «Голый год» (1922) и «Китайская повесть» (1927) Б.А. Пильняка, несколько произведений писателя С.М. Третьякова, «Мои китайские дневники» писателя и журналиста Н.К. Костарёва [псевдонимы – Никэд Мат, С. Нариманов].

В чётком, «формульном» виде основные идеи «китайского текста» (русский и китайский народы – братья и соратники по борьбе; у них имеется общий враг – «мировая буржуазия»; в Китае скоро произойдёт социалистическая революция) и задачи, ставившиеся советской пропагандой по отношению к Китаю (экономическая, политическая и военная помощь «братскому народу»), были выражены в стихотворениях В. Маяковского:

Рычи, рабочий:

– прочь руки от Китая!

<...>

Мы

всем рабам

рады помочь,

сражаясь,

уча

и питая.

Мы с вами, китайцы!

– Прочь руки от Китая! ...

«Прочь руки от Китая!» (1924)

[Маяковский 1939: 381]

Знаю,

что – когда

в Китай

придут

октябрьские

повторы

и сшибётся

класс о класс –

он покажет им,

народ,

который

косоглаз.

«Московский Китай» (1926)

[Маяковский 1940: 51–53]

Но рис

и чай

не всегда у китайца, –

английский купец на китайца

кидается:

«Отдавайте нам еду,

А не то –

войной иду!

<...>

Мальчик китайский

русскому рад.

Встречает нас,

как брата брат.

Мы не грабители –

Мы их не обидели.

<...>

«Прочти и катая в Париж и Китай» (1927).

Формулировки В. Маяковского задавали тон произведениям советской литературы 1920-х гг., в которых изображался Китай. Тема Китая возникала и в некоторых других стихотворениях В. Маяковского – «Гулом восстаний, на эхо помноженным» (1924), «Лев Толстой и Ваня Дылдин» (1926), «Московский Китай» (1926), «Не юбилейте» (1926), «Рождественские пожелания и подарки» (1926), «Англичанка мутит» (1927), «Да или нет?» (1927), «Лучший стих» (1927), «Мрачный юмор» (1927), «Песня-молния» (1929).

Близкими по смыслу были агитационные произведения Демьяна Бедного, связанные с событиями, происходившими в Китае в 1927 г.: стихотворный фельетон «Разговор с редактором по поводу Шанхая», небольшие стихотворения (эпиграммы) «Мы будем говорить», «Всему своё время» и «Китайские тени». В этих произведениях содержались оперативные отклики (явно создававшиеся «на заказ») на политические события, которые были предназначены для публикации в официальных советских газетах «Правда» и «Известия»:

Кто нам ни угрожай и кто нас ни морочь:
«Культурных наций, мол, обязанность святая
Душить Китай» (как нас семь лет назад точь-в-точь!),
Но к удушаемым сочувствие питаю,
Мы будем говорить: «Бандиты! Руки прочь
От возмущённого Китая!»

«Мы будем говорить» (1927)

Сейчас победно флаг народный
Взвился в Шанхае. «Рабства нет!»
А завтра весь Китай свободный
Пошлет нам дружеский привет!
Поток взаимных многолетий,
С бандитом снюхался бандит.
За их спиною кто-то третий
На них восторженно глядит.

«Разговор с редактором по поводу Шанхая» (1927)

Поток взаимных многолетий,
С бандитом снюхался бандит³⁹.
За их спиною кто-то третий
На них восторженно глядит.

«Китайские тени» (1927)

[Бедный 1954]

Одним из первых советских писателей, реализовавших такой «политический» подход к изображению Китая, стал писатель С.М. Третьяков, принадлежавший, как и В. Маяковский, к литературному

³⁹ В данном стихотворении «бандитами» называются Чан Кайши и «старый маршал» Чжан Цзолинь.

направлению футуризма. Его пьеса «Рычи, Китай!» была поставлена под руководством Вс.Э. Мейерхольда в театре имени Мейерхольда. Само название произведения содержало отсылку к цитированному выше стихотворению В. Маяковского «Прочь руки от Китая!»: «Рычи, рабочий: / – прочь руки от Китая!» (оба произведения были написаны и опубликованы в 1924 г.). В 1926 г. пьеса была переработана в поэму под таким же заглавием.

С.М. Третьяков хорошо знал Китай. Он на протяжении полутора лет (с 1924 по 1926 г.) преподавал русскую литературу в Пекинском университете – как раз в тот период, когда там работал Лу Синь, и, весьма вероятно, был лично знаком с великим китайским писателем и мыслителем [Яо Чэнчэн 2014: 133]. С. Третьяков неоднократно бывал в Тяньцзине, Харбине и некоторых других городах Китая; он был знаком с литературной жизнью страны и даже имел китайское имя Те Цзекэ [铁捷克].

В то время, когда С. Третьяков находился в Пекине, в Китае произошло множество трагических событий; он оказался очевидцем демонстраций рабочих и студентов, которые были жестоко подавлены властью при непосредственном участии представителей европейских государств. В дальнейшем писатель «...с волнением вспоминал залитые кровью улицы Пекина, демонстрации рабочих и студентов. Ему было известно, что англичанин Эверсон дал команду стрелять в демонстрантов 30 мая 1925 года, событие это отозвалось во всем Китае» [Шарыпина 2015: 187].

Главным в произведении «Рычи, Китай!» (и пьесе, и поэме) была не художественная форма, а актуальное политическое содержание. В основу сюжета были положены реальные события, проходившие в 1924 г. в уездном городе Ваньсянь, расположенном на берегу реки Янцзы, которые – в соответствии с «*обобщённо-поэтическими*» принципами футуристической поэтики – не представлены автором в конкретике. Пьеса имела подзаголовок «Событие в 9 звеньях», подчёркивавшее

документальную основу произведения. Но главным в тексте оказывалась не изображение особенностей жизни китайского народа, а постановка проблемы власти мирового капитала, *власти денег*.

В связи с этим С. Головчинер, крупнейшая исследовательница творчества писателя, отмечала: «...В качестве важнейшей, цементирующей целое, сквозной в них вырастает проблема цены. Она разворачивается в разных аспектах, выступает в функциях мотива. В первых явлениях обсуждается оплата агентом <...> труда кули, лодочников; потом стоимость кожи <...>, следом говорят о цене девочки – дочери лодочника Чи <...>. Наконец, <...> возникает проблема цены жизни янки, утонувшего из-за своей жадности <...>. Капитан английской канонерки думает, «скольких китайцев стоит один убитый белый». В конце концов он определил цену: предъявил ультиматум городу, потребовав ... казни двух лодочников, иначе «с городом будут разговаривать пушки» [Головчинер 2014: 121].

В предисловии к поэме автор указывал на свои намерения: создать «звуковой образ» столицы Китая (задача воспроизвести при помощи поэтического слова «шум города» неоднократно формулировалась в манифестах футуристов): «Точильщик оповещает о себе длинной тонкой трубкой, звук которой похож на боевой сигнал. Ось тачки водовоза <...> издаёт характерный скрип. Цырюльник дзыкает огромным камертоном <...> Торговец бьёт в колотушку <...>» [Третьяков 1926: 3].

Главное место в поэме занимали «голоса» героев – простых людей – представителей китайского народа: «синего мужика» (то есть крестьянина), рикши, «точильщика», «грузовоза», «навозника», «водовоза», «фруктовщика», «цырюльника», студентов, – каждый из которых рассказывал о своих трудностях и выражал готовность к борьбе против угнетателей – «рыжих дьяволов» (так, по мнению С. Третьякова, народ Китая называл европейцев). Так, угольщик собирался переехать колесом через шею упавшего в переулке иностранца, рикша мечтал о том, как отпустит оглобли повозки, чтобы его седок ударился затылком о землю,

продавец фруктов намеревался добавить в продаваемые им сливы «капельку яду»... В соответствии с принципами футуристической поэтики каждый из «голосов» создавался в своём ритме и с использованием разных омофонов.

Поэма завершалась агитационными лозунгами, облечёнными в стиховую форму:

Знаю.

Будет. Придёт день и час.

Злоба сплывётся из кожи сочась.

Красным солнцем глаза захлестнёт.

В этот час никто не заснёт.

Никакой штык.

Никакой металл.

Не спасает ни на миг.

Посольский квартал.

За все заплатят, за все

Дыры хутунгов и сёл.

И там где звенела «Сильва»

И шелестел фокстрот,

Будут в огне насиловать

Пятерней разрывая рот.

<...>

Когда же окончит пляс нож

Флаги наций к земле приколя,

Взойдёт над Китаем Ясныш

Солнцем, большим, как земля.

Через года

Это будет тогда,

Когда

Миллионы храбрых

Несущих штыки и гнев

Шагнут от текстильных фабрик
И сталелитейных огней.
И станет труду иная цена.
Не коппер, а Красный
Интернационал.

[Третьяков 1924: 32–33].

Изображение восстания китайского народа против иноземных – американских английских, французских и иных угнетателей, – как отмечали исследователи, полностью соответствовало идейным установкам футуристов советской эпохи: «...Разгул народной стихии», например, напоминал «понизовскую вольницу Стеньки Разина», изображённую другим поэтом-футуристом – В. Каменским [Никольская 2009: 319].

Политические призывы, выраженные в пьесе и поэме С. Третьякова, оказались востребованы временем. Пьеса «Рычи, Китай!» была поставлена не только в Советском Союзе, но и в ряде европейских государств, в США, а также в самом Китае. Её название стало лозунгом, призывавшим к сопротивлению империалистам и спасению страны. Тематика произведения привлекла не только театральных деятелей, но и художников. Например, художник Лю Куан (друг Лу Синя) в 1934 г. создал серию гравюр, иллюстрировавших пьесу, которые были изданы в качестве отдельного альбома [Яо Чэнчэн 2014: 136].

В дальнейшем С. Третьяков, следуя социальному заказу, создал ещё одну «китайскую поэму» – «Ли Ян Упряма» (1927) [Третьяков 1927], которая имела гораздо меньший успех. Сюжет произведения иллюстрировал принятые в 1920-е гг. политические схемы: бедный крестьянин Ли Ян теряет из-за засухи урожай, у его семьи отбирают землю, он вынужден выполнять тяжёлые работы, страдать от голода; в конце произведения крестьянин, поверив вдохновившим его призывам студента-революционера, начинает борьбу против иностранных грабителей и вступает в партию

Гоминьдан. Однако уже в 1920-е годы такие упрощённо-агитационные произведения воспринимались слишком схематичными (а деятельность этой партии вскоре стала интерпретироваться как «предательская» по отношению к революции и социализму). Так, критик А. Селивановский отмечал, имея в виду данное произведение: «Он утрирует и доводит до крайних пределов в своей поэтической практике лефовскую теорию об уничтожении эстетики, об уничтожении искусства» [Селивановский 1928: 211].

Творческим результатом пребывания С. Третьякова в Китае стали 50 очерков, созданные уже в другой – *конкретно-аналитической* стилистике (например, «Китайские студенты», «Революция в китайской деревне» и др.). Написанные С. Третьяковым небольшие произведения были в дальнейшем объединены в книгу «Чжунго: очерки о Китае» (1927), которая была переиздана (с небольшими дополнениями и исправлениями) в 1930 г.

Проблемы, поставленные в книге очерков, и её образы во многом дополняли поэму и пьесу. На это указывала композиция произведения: книга «Чжунго» открывалась разделом под названием «Любить Китай», а завершалась разделом «Рычи, Китай!»

В книге отразилось прекрасное знание писателем реалий китайской жизни. События, описанные в очерках, – в соответствии с идеологическими установками – были показаны под определённым ракурсом – как следствие «классовой борьбы», которая ведёт к появлению «классового самосознания», способствует распространению среди китайского населения – рабочих и крестьян – идей марксизма и, в конечном итоге, должна подготовить революцию. Однако в них содержалась конкретика, позволявшая ярко представить жизнь китайского населения.

Книга была построена так, чтобы советские читатели могли постепенно узнавать разные аспекты жизни китайского народа. В ней подробно, в деталях изображался Пекин (дворцы, городские стены, дома

бедноты, чайные домики...), отношения между поколениями (раздел «Отцы и дети»), развлечения (раздел «Театр»); были показаны представители разных слоёв населения – «синие мужики», рикши (раздел «Человек-лошадь»), чиновники, студенты, женщины (раздел «Китаянка»), дети (раздел «Малыши»), иностранные граждане (раздел «Сэттельментшики»). Большое место уделялось описанию революционного движения (раздел «Яростный Пекин»), а также портретам некоторых исторических деятелей – Сунь Ятсена, «старого маршала» Чжана Цзолия и «молодого маршала» Чжана Сюэяня, маршала Фын Юйся и других.

Книга С. Третьякова была высоко оценена В.Б. Шкловским, который отмечал: «“Чжунго” вскрывает противоречия современного Китая и чрезвычайно точно показывает нам живучесть некоторых бытовых форм в нем. Блестяще описаны Третьяковым китайские похороны, в которых перед гробом покойника несут бумажные, в натуральную величину сделанные модели... автомобилей и несгораемых шкафов. Это настолько точно и так доходит, что нуждается только в изложении» [Шкловский 1990: 400].

В 1930 г. С. Третьяков опубликовал роман «Дэн Ши-хуа», который был написан в иной стилевой манере. В нём была воспроизведена жизнь китайского студента Пекинского университета по имени Дэн Шихуа [邓世华 – Dèng Shihuá]⁴⁰, роль которого определялась как «сырьёвщика фактов», в то время как функция автора – как их «формовщика»: «Он благородно предоставил мне великолепные недра своей памяти. Я рылся в нём, как шахтёр, зондируя, взрывая, скалывая, отсеивая, отмучивая» [Третьяков 1930: 3]. Жанр произведения был определён писателем как «био-интервью» («...Интервью это охватывает жизнь одного человека, поэтому я и прибавляю к нему частицу “био”» [Третьяков 1930: 4]) – в значении, близком к значению слова «физиология», употреблявшегося для

⁴⁰ Имя студента Шихуа (世华 – Shihuá) имеет значения «Мир Китая», «Светлый Цветок», «Вечный расцвет».

обозначения литературного жанра в 1830–1840-е гг., – хотя по форме это был внутренний монолог героя.

В предисловии к произведению, говоря о целях, поставленных в тексте, автор отмечал:

«Мы на чернозёме нашего Октября, взращивая непомерную китайскую революцию, лихорадочно и законно вгоняем в себя любое знание о Китае, как малокровный вгоняет под кожу шприцы мышьяка.

Наше прежнее знание Китая похоже на изуродованную руку. Её надо сперва сломать, а потом срастить правильно.

Время литературной алхимии, по которой Китай в коллекции народов есть камень загадочный и неопределимый, – миновало.

Мы требуем точных знаний» [Третьяков 1930: 3].

Цель «био-очерка» – раскрыть не общие обстоятельства жизни в Китае (как это было сделано в книге «Чжунго»), а жизнь, увиденную глазами одного из представителей китайского общества, – студента, изучающего русский язык и знакомого с советской идеологией. Главный герой произведения, от лица которого вёлся монолог, – как указывалось в авторском предисловии «Первые несколько слов», – типичный представитель своего поколения. «Китайцы-коммунисты, – подчёркивал автор, – прослушав отрывки из био-интервью, говорили: – Да ведь это же наше детство, наша школа, наша жизнь, – так типична биография Ши-хуа для сегодняшней китайской молодой интеллигенции, дающей и бесстрашных комсомольцев, и расчётливых генеральских письмоводителей» [Третьяков 1930: 4].

Произведения, написанные С. Третьяковым, демонстрировали глубокое понимание автором китайской культуры, а также знание современной действительности; в них можно было обнаружить точное описание исторических фактов, документальные материалы. И в то же время это были тексты своего времени, тесно связанные с идеологией советской эпохи.

Примерно в такой же стилистике был изображён Китай в книге писателя и революционера Н.К. Костарёва «Мои китайские дневники», созданной в 1928 г. после возвращения из продолжительной командировки в Поднебесную, где он работал в качестве журналиста [Костарёв, 1930].

Автор описал тяжесть революционных изменений и борьбы, показал повседневную жизнь рабочих Шанхая – города, являвшегося «международным капиталистическим укреплением», а также ужасы, с которым пришлось столкнуться его жителям: «Там на улицах валяются трупы, брошенные после казни. И головы этих трупов подвешены в корзинах или прибиты к доскам тут же, на улице, у домов...» [Костарёв 1935: 11]. Писатель рассказывал о проходивших в городе расстрелах, поножовщине, процветавшем на фабриках терроре, о взяточничестве китайских генералов, о тяжелейшем труде детей восьми-десяти лет, продающих табак или работающих на фабрике «индустриальными воробьями» по 20 часов в сутки: «...Частенько их бьют старшины цехов и надзиратели; что они до того утомляются на работе, что часто около станков и машин засыпают, свернувшись калачиком и крепко обняв своих кукол» [Костарёв: 1935, 37]. Особо интересовали автора «китайская революция» и связанные с ней «идеи прекрасного светлого будущего», а также всё, что с ней было соотнесено, – отряды красногвардейцев, правительственные карательные отряды, «шпики».

Интересовала автора также жизнь русских эмигрантов. На примере второстепенного героя, «штабс-капитана Б.», названного «белым офицером», «нечаевцем». «Штабс-капитан Б.» – с точки зрения автора – являлся «типичным представителем» группы «предателей идей родины», «ненавидящих своих» и связанных с китайскими правительственными правоохранительными структурами. Свою жизнь он посвятил борьбе с большевиками, теперь же полностью разуверился в своих силах и превратился в «боевую машину» под начальством китайских верхов: «Вы

говорите – китайцы!.. – разве они умеют воевать?.. Хумм... – они даже не умеют рубить голов, а практикуются этому не одно тысячелетие... Знаете... – и сильнее задёргалось его лицо, заострившись и невероятно вытянувшись в искривлённую улыбку иронии, — да, знаете... вот у нас были пленные, фыновцы, много пленных... И китайцы, в моей роте, стали им рубить головы... – он остановился и громко засмеялся: – Не умеют рубить! Тюк-тюк... и все не по шее, а по волосам, и чуть не по затылку, – точно по полену стучат... голова дёргается и тычется, хлюпает изо рта кровь – он кричит... Противно!.. Ну, не выдержишь, вырвешь меч, взмахнёшь – разз!.. и только лёгкий хруст... А они – черт знает что, азиаты!.. – не торопятся... и даже головы рубят равнодушно. Ну, а воевать, куда им...» [Костарёв 1935: 41].

Такая подчёркнуто натуралистическая картина должна была вызывать у читателей отвращение и к конкретному персонажу, и к деятельности всех «белогвардейцев», которых он представляет, и к «китайским верхам», жестоко угнетающим свой народ.

«Советский» взгляд на «белоземigrants» выразился в книге очерков писателя и журналиста Е. Полевого «По ту сторону китайской границы. Белый Харбин» (1930) [Полевой 1930]. На первом плане в повествовании оказывался не Китай, на территории которого расположен Харбин, а жизнь русского населения города.

Жизнь русских людей в Харбине в этой книге описывалась детально (автор провёл в этом городе пять лет). Картина жизни была составлена из кратких набросков происходивших событий, логически не всегда связанных между собой; при этом писатель нередко избегал прямых авторских комментариев к описываемым событиям, делая акцент на общей характеристике времени, в течение которого советские служащие работали на КВЖД.

В начале книги автор изобразил город Харбин, который внешне походил на типичный «советский» город, так что и «любой русский»,

прогуливаясь по нему, не чувствовал себя находящимся за границей: «Кругом – русские лица, вы слышите почти исключительно русскую речь, на улицах магазины с русскими вывесками, во всех углах города – православные церкви, даже на углах улиц то тут, то там торчат типичные старые русские городские в несколько обновлённой китаизированной форме. Только мелькающие на каждом шагу китайские физиономии и костюмы напоминают вам о том, что вы находитесь на территории суверенного Китая» [Полевой 1930: 5].

Показательна авторская характеристика эмигрантов, которые, с его точки зрения, создали в городе «вязкое деловое обывательское болото», лишённое признаков «подлинной культурной жизни». Характерной чертой «коренных харбинцев» являлось сочетание «внешней культуры», умения «поддерживать разговор на любые темы» и внешней индифферентности в общении по отношению к любым «общественным вопросам» (под «общественными вопросами» автор подразумевал политику, современные научные открытия, новые веяния в области искусства и т.п.).

Писатель предложил своеобразную политизированную классификацию русских эмигрантов, проживавших в Харбине.

Первую группу составлял, как отмечал автор, «панический» тип обывателей, бежавших из России, «подавшиеся массовой тенденцией» («мелкие спекулянты», у которых отсутствует «подлинное советское», а «неестественная» и «искусственная» жизнь наполнена «пошлым современным американизмом»); «беженцы-эмигранты» («бывшие люди», которых «Октябрь» свалил с каких-то хотя бы самых маленьких, высот» – царские чиновники, помещики, бывшие колчаковские министры и «предводители дворянства», профессора, адвокаты), постепенно превратившиеся в «мелких дельцов-спекулянтов» или опустившиеся на «смрадное харбинское дно» и сохраняющие в душе «озлобленность к революции», ставшие «идейными продолжателями» «антисоветской эмиграции» («Нет той лжи, бессмыслицы и клеветы, которая не

подхватывалась бы, не раздувалась бы и даже просто не придумывалась бы этими людьми, если только она хоть как-нибудь может бросить тень на советскую власть» [Полевой 1930: 6–7]).

Вторую группу составляли «активисты в борьбе с советской властью и её Красной армией» – «профессионалы-воины», не умеющие ни ориентироваться, ни существовать в мирной обстановке, ненавидящие всё, что связано с большевиками и коммунизмом («Это главным образом бывшие офицеры всяких формирований <...>, которых в победном шествии революции пятая Краснознамённая армия постепенно загнала в маньчжурский тупик и заставила сложить там оружие» [Полевой 1930: 7]).

К третьей группе относились люди, предавшие «идеи родины» по политическим или меркантильным соображениям и устроившиеся на китайскую государственную службу («Это в существе своём люди, уже давно сжёгшие все свои корабли, а с ними даже и самые крохотные идейки, когда бы то ни было копошившиеся в их атрофированном мозгу, люди, которым терять уже нечего, которые могут безжалостно и безудержно прожигать свою жизнь» [Полевой 1930: 9]).

Последняя группа представляла «потерявших себя людей», и она, по мнению Е. Полевого, составляла большинство «харбинской эмиграции». Их характеризует «зияющая пустота» в душе, делающая жизнь лишённой смысла: «Безусые мальчики превращались в зрелых мужчин, старики сходили в могилу, сильные и здоровые мужчины незаметно изнашивались и переступали порог старости. Кругом шла какая-то ненужная, чужая жизнь, шла мимо, не задевая нутра, томительное ожидание затягивалось, временное и случайное становилось длительным и постоянным; а Москва, Самара, Казань, вообще все своё, родное, насиженное, привычное – отодвигалось все дальше и дальше, едва мерещилось в тумане полузабытого прошлого, оставалось запретным и недоступным» [Полевой 1930: 10].

Как показывает приведённый нами текст, разница между всеми этими группами невелика, и всем им даётся в равной степени негативная авторская

оценка. Писатель характеризует отношение («политический вектор») китайских властей к русским эмигрантам: «Современные китайские государственные деятели очень ценят белоэмигрантов-предателей; эти предатели им очень нужны, и они их охотно подкармливают и охотно пользуются их грязными услугами; в награду за эти услуги они бросают им крохи со своего стола и позволяют им распускать свой язык в хуле на Советский Союз и советскую власть вплоть до площадного сквернословия; но одновременно они презирают этих предателей всем тем неисчерпаемым презрением, на какое способен уважающий себя человек по отношению к пресмыкающейся и подлой гадине, они третируют их, как смрадные человеческие отбросы, которыми при случае можно удобрить поле новой государственности, но нормальное место которых все-таки в выгребной яме» [Полевой 1930: 22–23].

Таким образом, мы видим, что в книге Е. Полевого «По ту сторону китайской границы. Белый Харбин» на первый план выдвигались преимущественно идеологические задачи, целью которых ставилась дискредитация русского населения Харбина и политики китайских властей относительно русского населения.

Другой вариант «китайского текста» 1920-х гг. представляли произведения Б.А. Пильняка. Б. Пильняк, как и Е. Полевой, побывал в Китае (в 1926 г.), где стал очевидцем революционных выступлений и даже снялся в роли поэта-революционера в кинофильме под характерным названием «В народ!», создававшимся на шанхайской киностудии. Произведения Б.Пильняка – как и произведения А.Белого и О.Мандельштама, в которых также упоминался Китай, о произведениях которых речь пойдёт в дальнейшем, – создававшиеся в 1920-е гг., вряд ли можно называть полностью «советскими», если иметь в виду особенности их содержания и формы, однако они также выразили некоторые принципы, характерные для советской эпохи.

Впервые Китай был упомянут писателем в романе «Голый год» (1922). В нём писатель, как и в своих других произведениях, тематически связанных с Китаем – рассказом «Санкт-Питер-Бурх» (1922) и «Китайской повестью» (1927–1928), – размышлял о вероятных путях развития России (явно следуя популярным в то время философско-политическим принципам евразийства) и утверждал в большей мере «восточную» модель её развития, чем к «западную», поскольку первая представлялась ему более гармоничной.

В романе «Голый год» Китай был показан символически, в нескольких планах. Сквозными символами, характеризующими такой «Китай», стали слова «безмолвие» и «неразгадка», а также выражение «солдатские пуговицы вместо глаз».

Первый вариант символического образа Китая – знаменитый район Москвы «Китай-Город», состоящий из «каменных закоулков» и «подворьев». Описывая его, автор – помимо «ключевых слов» («безмолвие», «неразгадка», «солдатские пуговицы вместо глаз»), указывает, что это город, «выползающий ночами из каменных закоулков и замирающий к утру»; такой Китай невольно ассоциируется с ночным бродяжничеством и разбоем.

Второй вариант символического образа Китая предстаёт перед читателем как «ярморочный», «таящийся» в русской провинции, – например, в Нижнем Новгороде: «...В снегу, из заколоченных рядов, из забитых палаток, из безлюдья – смотрит солдатскими пуговицами вместо глаз – тот: ночной московский и за Великой Каменной Стеной сокрытый: Китай. Безмолвие. Неразгадка. Без котелка. Солдатские пуговицы – вместо глаз. *Тот Московский – ночами, от вечера до утра. Этот – зимами, от ноября до марта. В марте волжские воды зальют Канавино и унесут Китай на Каспий*» [Пильняк 2003: 1, 37–38]. Этот Китай, «Каменная Стеной сокрытый», намного больше первого, он простирается от Волги до

Каспия и представляет собой затаившийся, выглядывающий из-за углов прилавков.

Третий вариант символического образа Китая предстаёт перед читателем через картину послереволюционной разрухи, «покрытой ржавчиной», «запустелый», где «в соснах гуляет ветер», а цеха и домны стоят без работы: «...И в цехах снег и ржа. Стальная тишина. И из прокопчённых цехов, от фрезеров и аяксов, от молотов и кранов, из домны, из прокатного от поржавевших болванок – глядит: Китай, усмеваются (как могут усмеяться!) солдатские пуговицы. Там, за тысячу вёрст, в Москве огромный жёрнов революции смолот Ильинку, и Китай выполз с Ильинки, пополз...» [Пильняк 2003: 1, 38]. Здесь царит такой же голод и разруха, с которыми, по мысли автора, призваны бороться большевики.

Символическое описание «Китая» как особого «качества» послереволюционной России сменяется реалистическим (но одновременно и сохраняющим символическую семантику) образом в «Китайской повести» (1927). Б. Пильняк показывает уже вполне реальную китайскую жизнь с позиции «европейца»: с одной стороны, как достаточно «эклектичную», а, с другой стороны, – совершенно абсурдную.

Б. Пильняк не стремился идеализировать или, наоборот, осуждать Китай. В произведении можно увидеть ряд точных картин и детальных наблюдений, однако, – в отличие от очерковых произведений С. Третьякова и Н. Костарёва – в книге Б. Пильняка отсутствовала «просветительская» установка на системное знакомство читателей с неизвестной жизнью чужой страны. «Интеллектуальное ядро» повествования составляли не подробные картины жизни, а поставленные автором перед читателем проблемы и вопросы.

Прозаические произведения С. Третьякова и Н. Костарёва создавались в соответствии с традицией русского реалистической очерковой литературы, в которой максимально достоверно воспроизводились факты и давалась их чёткая оценка. Б. Пильняк

существенно отошёл от классических традиций русской прозы и активно использовал оригинальные метафоры и символы (что больше соответствовало стилевым приёмам традиционной китайской литературы), использовал ритмизированную речь.

«Китайская повесть» Б. Пильняка реализовывала принципы «орнаментальной прозы», которые были сформулированы в работах А. Белого, а в дальнейшем развиты А. Ремизовым, Б. Пильняком, А. Весёлым, И. Бабелем и некоторыми другими писателями [Зими́на 2012].

«Китайская повесть», на первый взгляд, оставляет у читателя впечатление хаотичности и фрагментарности. В произведении отсутствует «классический» сюжет и система образов (в понимании, характерном для традиционного реализма), а его композиции организуется с использованием принципов «киномонтажа»; «слово автора» сведено к минимуму, а авторская позиция выражается не столько в тексте, сколько в сознании воспринимающего – читателя (который должен мысленно соединить «симфонию» разнообразных оценок и позиций).

В произведении Б. Пильняка Китай был представлен при помощи собирательной картины жизни беднейшего населения, которая оказывалась в чём-то похожей на жизнь простых русских дореволюционных крестьян и ремесленников. Картина китайского мира раскрывалась не только через «зрительные» детали, столько через «обонятельные» и «вкусовые» впечатления, а преобладающими оказывались мотивы, соотнесённые с разложением: «...Весь Китай пронизан запахами гниения, гнилого, плесени, всяческих отбросов, тухлого мяса, бобов, бобовых масел. Гниль вошла даже в кухню, ибо одно из сладостнейших блюд суть куриные яйца, которые гниют в земле по нескольку лет, превращаются в зелёный янтарь гнили, потерявший вкус яиц, пахнущий тленом и съедаемый с наслаждением. Китайцы человеческими отбросами, человеческим помётом удобряют землю. В этом городе [речь идёт о Шанхае. – А.К.], даже в европейских кварталах, нет канализации: на рассвете из-подо всех домов, в прутьяных кошёлках,

руками, китайцы стаскивают отбросы на каналы, в сампаны: сампаны отвозят навоз на рисовые поля, но на рассвете в городе нечем дышать» [Пильняк 2003, 3: 112].

Б. Пильняк создал особую модель взаимодействия читателя с изображаемым миром, которая не предполагала наличия единой системы взглядов на события. Китай как страна раскрывался через множество разнообразных фактов, воспроизводящих реальность нищеты, бедности, «немогности» народа и социальной системы, сложившейся в этой стране: «...На высокой табуретке против микроскопа сидел горбун, одетый, как китайские бои, в одни холщовые белые штаны, босой, – горб был наружу, ужасный, лиловый в синих складках, – лицо было очень китаелицо, в морщинах старости. Мне сказали, что этот старик – крупнейший, не только китайский, но мировой – учёный, пишущий труды очень большой значимости – и – живущий в музее в качестве сторожа, за хлеб» [Пильняк 2003, 3: 114]. В этом эпизоде автор показывает читателю не «среднестатистического» китайца – заядлого курильщика опиума, – а выдающегося учёного.

Описывая одну из «опиумных фанз», автор подчеркнул отсутствие «истинного» понимания страны: «...Так же как в храмах и на улицах, – я познаю, что я не знаю, не понимаю и никогда не пойму китайцев и Китая. Я спрашиваю направо и налево всех, чтобы найти какие-либо ключи Китаю, – и этих ключей у меня нет, все, что я вижу, я вижу для того, чтобы – не знать» [Пильняк 2003, 3: 114]. Кажется, что сама природа восстаёт против китайцев, – например, «Жёлтая река» [имеется в виду Хуанхэ. – А.К.], «уничтожающая каждый год миллионы людей, каждый год меняющая своё русло» [Пильняк 2003, 3: 118]. Здесь полуголые женщины, сидя на «вытопанной земле, в пыли», в грязных одеждах, «расшивали золотыми нитками шёлковые женские туфельки» для знатных дам, в то время, как их мужья вынуждены, по причине нищеты, работать голыми на рисовых полях

[Пильняк 2003, 3: 119]. Показанная автором «действительность» китайской жизни создавала в сознании читателя сложную и противоречивую картину.

Китай для писателя – это прежде всего *государство символов*, обладающих глубинными культурными значениями, которые нельзя понять до конца рационально, однако можно постигнуть интуитивно: «Китай – страна драконов, олицетворяющих солнце, пагод, храмов, неба, предков, чёртообразных богов, пятисот будд, пыток, сорокавековая культура, особеннейшая: дракон – символ Китая» [Пильняк 2003, 3: 113]. Время в нём течёт «неспешно», «размеренно», так же «неспешно» организуя окружающее пространство, и имеет глубинный философский смысл: «Мамаиди⁴¹ – значит по-китайски – погоди, не торопись, не спеши, значит русское – сейчас. Это мамаиди скрыто в китайских расстояниях, в китайском времени, в китайских делах и в китайской философии» [Пильняк 2003, 3: 115].

Правда, в соответствии с идеологическим заданием, которому писатель всё-таки следовал, автор объясняет причины описываемых явлений действиями «китайских консулов, генералов, а также иностранцев», которые способствуют распространению опиокурительных заведений, но совершенно не интересуются развитием национальной науки и экономики. Писатель прибегал к ставшему характерным для советских «китайских текстов» 1920-х гг. контрастному противопоставлению мира Китая с миром европейцев, эксплуатирующих страну. Во всём разнообразии совершенно не сопоставимых вещей, характеризующих Китай, существует свой, отгороженный от всей остальной страны замкнутый «концессионный мир», в котором англичане, французы, португальцы живут по законам своей страны куда «вход китайцам и собакам воспрещён», где тенистые аллеи

⁴¹ Скорее всего, здесь имелась в виду фраза 慢慢一点 – màn màn yīdiǎn (современное 慢慢一点 – màn yīdiǎn или 慢慢地 – màn màn de), что в переводе с китайского языка на русский обозначает: «найдите [свободную] минутку», «не так быстро», «не торопитесь», «немного медленнее». – А.К.

наполнены «янтарной божественностью богослужений», а «белые яхты» неспешно качаются на водах канала [Пильняк 2003, 3: 120].

Подводя итоги, автор делает вывод о том, что Китай – это «страна феодализма ... и коммунистических советов профессиональных союзов Кантона и Шанхая» [Пильняк 2003, 3: 123]. Он проводит традиционное сопоставление Китая и России: «Из всех стран, мною виденных, Китай больше всего похож – на Россию, на заволжскую, моей русской бабушки Россию, – даже кушаниями, несмотря на то, что здесь едят и лягушек» [Пильняк 2003, 3: 131], объясняя это тем фактом, что обе страны в своё время пострадали от монгольского ига.

Такой вывод в общем плане соответствовал концепции близости Китая и России, которая утверждалась советской литературой в 1920-е гг. Стилиевые различия, существовавшие между «футуризмом» и «орнаментализмом», не влияли на принципиальные идеологические подходы, реализовывавшиеся в советском «китайском тексте».

3.2. «Китайский текст» в творчестве русской эмиграции

В начале XX в. центром русского восточного зарубежья стал г. Харбин, возникший в 1898 г. после открытия КВЖД. После Октябрьского переворота 1917 г. в этот город переселилось огромное количество русских беженцев (нередко высказывается мнение, что всего в Китай эмигрировало из России почти 2 миллиона человек), в 1922 г. количество эмигрантов в Харбине превысило 150 тысяч человек (иногда называются более внушительные цифры). Сам факт возникновения и существования русского Харбина способствовал формированию явления «российское восточное зарубежье».

«Нет харбинца, который не вспоминал бы с глубокой благодарностью годы жизни, проведённые в Харбине, где жилось привольно и легко... Можно сказать с уверенностью, что на всем земном шаре не было другой страны, в которой русская эмиграция могла чувствовать себя в такой

степени дома, как в Харбине... Только теперь я вижу, как мало мы ценили, как принимали за должное великодушное отношение китайских властей...», – вспоминала русская писательница Н.С. Резникова [Резникова 1988: 385]. Русские выходцы из России, благодаря имевшемуся у них статусу экстерриториальности, на протяжении почти целого десятилетия находились в ситуации духовной свободы.

Историко-культурный опыт Харбина оказался уникальным. Город, ставший «культурным анклавом», хранителем традиций русской классической культуры и литературы, а также новой русской культуры Серебряного века, успешно поддерживал и развивал русскую культуру на территории Китая – страны с древней культурой. В этот период обе страны переживали грандиозные социальные потрясения, продолжавшиеся на протяжении большей части XX в. Оказавшись в окружении культуры, совершенно непохожей на свою, представители России сумели сохранить её традиции и продолжить развитие национальной культуры в принципиально иных условиях. В их сознании и культуротворческой деятельности Россия стала превращаться в *миф*. Таким же мифом нередко делался в представлении русского населения и Китай, на территории которого они находились.

Русские эмигранты жили не только в Харбине, но и в Шанхае, Тяньцзине, Ханькоу, Циндао, Пекине, Чанчуне, Мукдене, Даляне, Цицикаре, Сахаляне, Синьцзяне. Однако основным культурным центром русской эмиграции в 1920-е годы был, конечно, Харбин, который к 1918 г. имел уже 20-летнюю историю. «Оторванность от родной почвы в Харбине переживалась не столь остро, как в Западной Европе. Харбин был русским университетским городом и вместе с тем многонациональным культурным центром, в котором находились землячества и общины выходцев из Российской империи – поляков и латышей, евреев и грузин, армян и татар» [Русская поэзия Китая 2001: 2].

Быстрому развитию Харбина в качестве зарубежного центра русской культуры способствовали следующие факторы:

1. Возникновение развитой системы средств массовой информации на русском языке (газет и журналов разного типа: общественно-политических, литературно-художественных, религиозных и научных). В период с 1901 по 1926 г. в Харбине выходили в свет 102 газеты и 141 журнал [Мелихов 2003: 19]. Большая часть публикуемых изданий имела небольшие тиражи и существовала недолго – не более одного года (как и издававшие их организации). В результате этого многие выпускавшиеся газеты и журналы оказались полностью утраченными.

2. Развитие русского книгоиздательства (публикация учебников, детских книг, художественной, церковной и научной литературы), в результате чего город стал основным издательским центром за пределами России.

3. Наличие разнообразных русских учебных заведений (в том числе и высших), своей деятельностью способствовавших быстрому увеличению количества образованных людей и созданию мощного слоя представителей русской интеллигенции, усложнению интеллектуальной жизни города.

4. Насыщенная творческая атмосфера выражалась в деятельности художественных объединений (например, молодёжного литературного объединения «Чураевка»), способствовавших расцвету разных видов искусства: изобразительного (скульптура, живопись, книжная графика, иконопись, сценография, декоративно-прикладное искусство, дизайн), театрального, и – в особенности – литературы, а также архитектуры, придавшей Харбину оригинальный облик русского города.

Анализ вышедших в городе периодических изданий, произведений мемуарной и художественной литературы помогает получить объективную информацию о культуре и повседневной жизни русских в Харбине, воссоздать целостную картину общественной жизни и городского быта. В Харбине началось творчество многих поэтов и прозаиков, в творчестве

которых, развивавшемся в специфических условиях, ярко воплотились национальные традиции. «Ядром» русской культуры Харбина стали произведения таких писателей, как Б. Дальний, Л. Дземешкевич, Н. Ильина, О. Лайиль-Ильина, В. Логинов, А. Несмелов, В. Перелешин, А. Серебренников, И. Серебренников, Л. Хаиндрова и др. [Perelešin 1987].

В истории исследования русской литературы и культуры Харбина можно выделить *несколько этапов*, на протяжении каждого из которых в работах российских и китайских специалистов формировалась оценка фактов, событий, процессов, протекавших в социальном и духовном пространстве города; выделялись факторы, способствовавшие становлению Харбина в качестве центра русской культуры; возникали различные научные стратегии его изучения.

Первый этап изучения русской культуры Харбина начался в 1920–1930-е гг. В это время русская культура, сосредоточенная в городе, интерпретировалась исключительно как «белогвардейская», «антисоветская», всей своей деятельностью направленная против «советской власти». Для работ этого периода было характерно полное неприятие российского белогвардейского движения; сам факт пребывания русских в Харбине воспринимался как противоречащий «интересам Советской власти». Дальневосточная часть русской эмиграции интерпретировалась в контексте оценки всего русского зарубежья как части мира, «идеологически враждебного» по отношению к СССР. Подобную оценку истории и культуры Харбина давали в своих аналитических материалах В. Комин, Ю. Мухачев, Е. Полевой, А. Шкаренков и некоторые другие исследователи. Так, например, анализируя события конфликта между СССР и Китаем, происшедшего в 1929 г., В. Аварин однозначно назвал всю российскую эмиграцию «белобандитами» и «белыми лакеями империализма». Однако именно в этот период была сформирована эмпирическая база фактов, в дальнейшем использовавшаяся для анализа тенденций развития русской культуры Харбина.

В 1950–1960-е гг. начался *второй этап* изучения русской культуры Харбина. На протяжении этого периода в СССР стали публиковаться личные воспоминания некоторых эмигрантов, возвратившихся из Китая. Их мемуары содержали материал, раскрывавший жизнь русского Харбина, и нередко отличались эмоциональным изложением и субъективностью оценки событий, происходивших в первую половину XX в. (работы Г.В. Мелихова, В.П. Петрова, Е.П. Таскиной и др.). В этих исследованиях ставились не только политические, но также исторические и культурологические цели, использовались научные методы.

Культурная революция в Китае привела к возникновению идеологических барьеров между СССР и КНР, которые стали причиной уничтожения многих памятников и застоя в исследовании русского Харбина. В 1970–1980-е гг. в СССР были опубликованы первые работы, авторы которых стремились дать объективную оценку русской культуры Харбина. В конце 1980-х гг. для российских и зарубежных специалистов открылся доступ к архивным данным, и исследователи стали активно изучать закономерности функционирования русской культуры в Китае. В результате интерес к русскому зарубежью стал расти, а оценка деятельности эмиграции изменилась. Культура русского зарубежья стала рассматриваться как составная часть русской культуры.

Третий этап изучения культуры русского Харбина (продолжающийся до настоящего времени) начался на рубеже 1980–1990-х гг., когда русская эмиграция стала интерпретироваться как уникальный социокультурный феномен. В этот период российские и китайские учёные обратили внимание на историко-типологические параллели, раскрывающие китайскую и русскую национальную специфику, а также на исследование разнообразных механизмов функционирования культуры.

Именно в это время были опубликованы работы таких учёных, как В.В. Агеносов [Агеносов 1998], Е.Е. Жарикова [Жарикова 2007], А.А. Забияко, А.П. Забияко, С.С. Забияко [Забияко 2005; Забияко 2008;

Забияко 2009; Забияко 2015], О.И. Кочубей [Кочубей 1998], С.С. Лешоко [Лешоко 1998; Лешоко 2003], Г.В. Мелихов [Мелихов 1991; Мелихов 1994; Мелихов 1997; Мелихов 2003], В.Ф. Печерица [Печерица 1999], Е.П. Таскина [Таскина 1994; Таскина 1998; Таскина 2007], А.А. Хисамутдинов [Хисамутдинов 2000; Хисамутдинов 2010; Хисамутдинов 2013; Хисамутдинов 2015] и др. В трудах этих исследователей освещались исторические события и проблемы жизни русской эмиграции, анализировалась культура и литературная деятельность писателей-эмигрантов.

Работы, созданные на протяжении данного периода, можно разделить на три группы:

- материалы информационного плана;
- мемуары, раскрывающие быт русского населения Харбина (непосредственных участников событий);
- монографические исследования российских и китайских ученых.

Анализ трудов отечественных и зарубежных специалистов, посвящённых русской культуре Харбина, позволяет выявить несколько взаимосвязанных направлений научных исследований:

- исследование истории и основных тенденций развития русского зарубежья (работы Г. Адамовича, Л. Вильямса, Г. Граббе, Н. Зернова, П. Ковалевского, М. Новикова, Т. Осоргиной, М. Раева, Г. Фолькмана, Р. Фостера, А. Эппель и др.);
- изучение русской эмиграции как сложного многомерного явления культуры, раскрывающего механизмы адаптации культуры и выполняющего важные исторические функции (работы Ли Яньлина, Н. Абалова, В. Иванова, Ши Фа);
- описание культурного наследия восточной части русской эмиграции, деятельности интеллигенции, системы образования и науки в Харбине и их значения для сохранения и воспроизведения национальной культуры (работы Н.А. Василенко, Н.П. Гридина, Н.Л. Горковенко,

С.И. Лазарева, Г.В. Мелехова, В.Ф. Печерицы, Е.П. Таскиной; Ван Пыин, Жао Ланлунь, Ли Сингэн и др.);

– анализ русской литературы Харбина и индивидуальных особенностей творчества её представителей, основных тенденций развития и связи с классическими традициями русской литературы XIX – начала XX вв. (работы Г.П. Аникиной, О.М. Бакич, О.Н. Романовой, Е.П. Таскиной и др.).

Большой вклад в изучение культуры Харбина в 1990-е годы внесли китайские учёные. Глубокие исследования истории русской эмиграции в Китае провели Ли Яньлин, Ван Чжичэн [Ван Чжичэн 1993], Ли Сингэн [Ли Сингэн 1997], Хэ Инь [Хэ Инь 2010], Ши Гохуа [Ши Гохуа 1990] Ши Фа, Гао Лиин, Лю Шуан [Ши Фа 2003]. и некоторые другие. Так, в 1993 г. У Вэнсян и Чжан Сюлань опубликовали книгу «Хорват и КВЖД» (эта книга сейчас стала библиографической редкостью, и её практически невозможно найти в библиотеках России и Китая), а Ван Чжичжэн выпустил монографию «История русских эмигрантов в городе Шанхае» [Ван Чжичжэн 1993], в которой значительное место было уделено деятелям культуры, приехавшим в Шанхай из Харбина.

Огромный вклад в изучение русской культуры Харбина внёс доктор филологических наук, профессор Цицикарского университета Ли Яньлин, крупнейший специалист в области русской литературы и культуры, автор нескольких сотен стихотворений, написанных на русском языке, член Союза писателей РФ, иностранный член Российской Академии наук, награждённый правительством РФ за свою подвижническую деятельность российским орденом Дружбы [Самойленко 2018].

Ли Яньлин начал изучать русскую литературу Харбина в сложные 1960-е гг. – период Культурной революции, когда были опасны любые упоминания о Советском Союзе (России) и русской культуре. На протяжении сорока лет Ли Яньлин собирал произведения русских эмигрантов, «литературу с душевными ранами» (это определение

принадлежит самому Ли Яньлину, который так назвал литературу русской эмиграции, сохранявшуюся в Китае), – произведения поэтов и прозаиков. Сохранённые им произведения вошли в пятитомное собрание сочинений, опубликованное в переводе на китайский язык, а также в десяти томник, изданный на русском языке [Литература русских эмигрантов в Китае 2005]. Помимо текстов художественных произведений, написанных русскими литераторами-эмигрантами, в эти издания была включена обширная фактическая информация об их жизни и творчестве.

Работы, посвящённые истории и культуры Харбина, в 1990-е гг. были опубликованы и в России. Среди них в первую очередь следует отметить книги «Неизвестный Харбин» Е. Таскиной и «Маньчжурия далёкая и близкая» Г. Мелихова. Оба автора родились и долгое время проживали на территории Харбина (они принадлежали второму поколению русской эмиграции); после возвращения в СССР, последовавшего в 1950-е гг., сосредоточили своё внимание на изучении культуры дальневосточной эмиграции. Следует особо подчеркнуть, что личные воспоминания в их работах были дополнены многочисленными документами и научной интерпретацией событий.

Е.П. Таскина выделила в русской литературной жизни Харбина *три периода*:

1. Конец 1910-х – середина 1920-х гг. (литературная жизнь была преимущественно связана с деятельностью писателей «старшего поколения»).

2. 1926–1935 гг. (центральную роль играла деятельность литературно-художественного объединения молодых писателей «Чураевка») [Дяо Шаохуа 2003].

3. Середина 1930-х – середина 1950-х гг. (завершающий период, на протяжении которого творчество литераторов осложнялось политической ситуацией, способствовавшей отъезду из Китая многих представителей

русской интеллигенции; ряд писателей в это время умирает, а некоторые уничтожаются физически в сталинских лагерях) [Таскина 1994].

В книгах Г.В. Мелихова была представлена хроника жизни русского Харбина, его общественная и культурная жизнь; в них содержались персоналии жителей города. Помимо этого, автор поставил важнейший теоретический вопрос о взаимодействии русского харбинского зарубежья с китайской культурой, – в частности, о том, в какой мере китайская культура в пределах локального пространства влияла на русский культурный анклав.

С точки зрения Г.В. Мелихова, российская и китайская диаспоры Харбина тесно взаимодействовали и обогащали друг друга. Существовавшее в Харбине культурное пространство не только способствовало сохранению русской национальной идентичности, но и оказало большое воздействие на культуру Китая, которая, в свою очередь, благодаря установлению тесных контактов между российским и местным населением, испытала на себе позитивное воздействие русской культуры. Каждая из национальных культур «вносила свой ощутимый эксклюзивный вклад в общественную и культурную жизнь всех “маньчжурцев”, формируя тот удивительный сплав различных культур, прежде всего – восточных, что является характерной чертой облика харбинцев – русских жителей многонационального города Харбина, где всё это проявляло себя наиболее ярко и выпукло. Но русское начало при этом преобладало всегда», – отмечал Г.В. Мелихов [Мелихов 2003: 5].

Как утверждает исследователь, многонациональный Харбин потому и стал называться «русским», что в нём русский язык и русская культура объединили все национальности и национальные культуры [Мелихов 1997].

Однако существует и иная точка зрения о взаимодействии русской и китайской культур в Харбине.

Анализируя культурную жизнь русской харбинской диаспоры в 1920–1940-е гг., В.Ф. Печерица в работе «Духовная культура русской эмиграции в Китае» отметил, что русская эмиграция в Китае противилась ассимиляции,

стремилась вести «русский образ жизни», поддерживать «русский дух» и «русский образ мыслей». Эмигранты хотели жить, работать, творить в качестве неотъемлемой части России, посланцами которой они себя считали [Печерица 1999].

Более категорично вопрос о существовании прогрессивных культурных связей между русскими эмигрантами и китайским населением Харбина ставили некоторые китайские исследователи (Ли Мэн, Цюй Цюбо), отрицавшие их наличие. Такое утверждение основывалось на некоторых исторических фактах, анализе литературных произведений, созданных в 1920–1930-е годы, воспоминаниях Н. Байкова, Ю. Крузенштерн, Н. Резниковой. Так, Ли Мэн утверждала, что русские и китайцы, много лет проживавшие в одном городе, почти не имели активных культурных контактов (поскольку не знали языка друг друга), в результате чего в принципе не могли обогатить друг друга в культурном отношении [Ли Мэн 1999].

В процессе исследования произведений А. Несмелова и Б. Юльского, посвящённых жизни русских эмигрантов в Северо-Восточном Китае, Ли Мэн сделала вывод о том, что персонажи-китайцы, появляющиеся в произведениях этих писателей, представлены как люди ленивые, тупые, хитрые, необразованные и жестокие, а в повестях Н. Байкова китайское население однозначно связывалось с дикой природой [Ли Мэн 2007].

Однако в результате разносторонних исследований, проделанных китайскими учёными, большинство специалистов пришло к выводу о том, что деятельность русской диаспоры в Харбине содействовала укреплению духовных и культурных связей между двумя народами, чему во многом способствовал высокий уровень развития русской литературы, музыки, живописи (Ли Жэньнянь [Ли Сингэн, Ли Жэньнянь 1996], Ли Шу Хьяо [Ли Шу Хьяо 1998], Дяо Шаохуа [Дяо Шаохуа 1996] и др.).

Профессор Ли Яньлин обратил внимание на тесное взаимодействие русской и китайской культур. Исследуя культуру русского Харбина,

учёный, наряду с такими её традиционными чертами, как патриотизм, реалистичность, психологизм, отметил присутствие в ней особенностей, общих для культуры России и Китая. Огромное воздействие на повседневную жизнь и культуру русской эмиграции оказывали древние традиции и мораль китайского народа, а также природа Китая. Все эти факторы в совокупности способствовали тому, что русская культура Харбина, впитавшая лучшие черты китайской культуры, стала уникальной [Ли Яньлин 2005]. Переводом на русский язык традиционной китайской поэзии активно занимался харбинский поэт В. Перелешин. В 1940-е гг., уже в шанхайский период жизни, у него появилось немало китайских последователей. Высокую оценку получили сделанные им переводы классической поэмы «Ли Сао», которую создал китайский поэт Цюй Юань, и древнего философского труда «Дао Дэ Цзин», завершённые через много лет после отъезда из Китая [Ли Мэн 1994].

К аналогичным выводам пришёл исследователь Ван Ямин, с точки зрения которого русские писатели и поэты не только сумели сохранить традиции русской литературы Золотого и Серебряного веков, но и внесли в неё особый колорит, связанный с китайской культурой [Ван Яминь 2005].

С точки зрения Ли Яньлина китайская культура была глубоко понята и раскрыта в романах Н. Байкова «Черный капитан», «Шу Хай» и «Великий Ван». Например, в романе «Великий Ван» русский писатель художественно воспроизвёл ту часть китайской культуры, которая связана с представлениями о тиграх («тигровой культурой Китая»), а его произведение проникнуто китайским моральным духом и китайской философией [Ли Яньлин 2005]. Такой же точки зрения придерживался и российский исследователь Г.В. Мелехов, утверждавший, что русская и китайская диаспоры, располагавшиеся на территории Харбина, не были замкнуты и изолированы, а жили, обогащая друг друга (при доминирующем в пределах города начале русской культуры) [Мелихов 1997; Мелихов 2003].

Судьбу харбинцев предсказал А. Несмелов в стихотворении «Пять рукопожатий», опубликованном в сборнике под характерным названием «Без России» (Харбин, 1931 г.): «...Мы – умрём, а молодняк поделят – Франция, Америка, Китай» [Несмелов 1990: 88]. Когда история русского Харбина завершилась, его бывшие жители оказали значительное воздействие на развитие культуры тех регионов, в которые они в дальнейшем переселились, – Шанхая (второго центра русского зарубежья на китайской территории, русская история которого завершилась несколько позже, чем Харбина), СССР и Российской Федерации, Австралии, некоторых стран Латинской Америки, в которые судьба забросила бывших обитателей Харбина и Шанхая, Соединённых Штатов Америки (прежде всего, Сан-Франциско, – городе, где поселилась значительная часть представителей русской диаспоры, прибывшая из Шанхая).

Таким образом, русская культура Харбина с полным основанием может считаться *межнациональной* и *кросс-культурной*. Харбин бережно сохранял национальные традиции – как старые русские, так и новые, обретенные на территории Китая, ставшего для жителей Харбина «второй» Родиной. «Харбинский культурный анклав» был носителем уникального опыта сохранения и трансляции традиций двух культур, преодоления межкультурных барьеров, национальных и политических границ. Опыт, полученный в период реального бытия в пространстве русского города, продолжал воздействовать на жизнь харбинцев и в дальнейшем, когда его русская история завершилась и анклав перестал существовать, – в качестве «культурного поля», образа, исследование которого позволяет понять механизмы функционирования русской культуры.

В русской литературе Харбина и Шанхая были представлены разные литературные жанры – как стихотворные (лирические стихотворения, лиро-эпические поэмы), так и прозаические (очерки, рассказы, повести), –

которые имели свою специфику и развивались различающимися путями, что позволяет рассматривать их по отдельности.

3.2.1. Китай в эмигрантской поэзии 1920–1930-х гг.

Огромную роль в формировании представлений русской диаспоры о культуре Китая и создании развёрнутого образа этой страны и – в конечном итоге – «китайского текста» – сыграла поэзия русской эмиграции. Именно поэзия стала наиболее заметной частью литературы русского восточного зарубежья.

Образ Китая в поэзии русской эмиграции уже привлекал внимание исследователей. Отдельным аспектам этой темы были посвящены статьи Ли Иннань (Инны Ли) [Ли Иннань 2019], Е.Е. Жариковой [Жарикова 2007], Р.Ю. Кучинского [Кучинский 2008], Е.А. Неживой [Неживая 2010], Н.А. Панишевой [Панишева 2012], Н.П. Романовой [Романова 2014]. В 2001 г. вышла из печати антология «Русская поэзия Китая», составленная В.П. Крейдом и О.М. Бакич [Русская поэзия Китая 2001], в которой было опубликовано большое количество стихотворений русских эмигрантов, воспроизводящих образ их «второй родины» – Китая.

Поэзия играла в жизни русской восточной эмиграции особую роль: это было своеобразное «духовное ядро» культуры зарубежья. Русские люди, волею судьбы оказавшиеся в Китае, рассматривали своё пребывание в нём как выполнение особой духовной миссии, направленной на сохранение русской культуры и её традиций. Они воспринимали своё творчество как новый этап русского Серебряного века и, в первую очередь, его поэтической школы.

Менее, чем за три десятилетия существования русского китайского зарубежья было опубликовано несколько десятков поэтических сборников. «В 20-е – 40-е годы в Харбине и Шанхае было издано около 60 поэтических сборников», – отмечает известный специалист по культуре русского восточного зарубежья Е. Таскина [Таскина 1994: 244]. Но в этих сборниках

могла быть напечатана только небольшая часть созданных за данный период поэтических текстов. Большое количество стихотворений печаталось в шанхайских и харбинских газетах и журналах (многие из которых не сохранились), а некоторые существовали только в рукописном виде.

Самым распространённым способом издания стихов была публикация в ежемесячных и еженедельных литературных журналах. Самым популярным изданием был еженедельный литературно-художественный журнал «Рубеж»⁴², за время существования которого (1927 г. – август 1945 г.) было выпущено более 860 номеров. Его читали не только в Китае, но и в Японии и Корее, а также в других странах, где жили русские эмигранты, поскольку на его страницах всегда публиковалась информация, вызывавшая огромный интерес читателей. При этом в каждом его номере редакция размещала не менее 6 стихотворений. На его страницах регулярно печатались А. Несмелов, В. Перелешин, а также многие участники поэтического объединения «Чураевка».

Поскольку опубликовать свои произведения поэтам (особенно молодым) в периодике (а тем более в виде отдельного сборника) было достаточно сложно, поэзия функционировала в «устной форме», то есть зачитывалась (и обсуждалась) авторами во время поэтических вечеров, на заседаниях литературных объединений (кружков), в процессе личного общения (и в этом аспекте литературная жизнь русского восточного зарубежья также следовала «салонной» традиции Серебряного века). В. Перелешин в связи с этим писал: «...Мне известно около шестидесяти имен поэтов, как пользовавшихся широким признанием в дальневосточных центрах русского рассеяния – Харбине, Шанхае, Таньцзине и Пекине, так и малоизвестных и оставшихся вовсе незамеченными» [Перелешин 1972: 255].

⁴² См.: Librarium.fr (Либрариум). Режим доступа: <http://librarium.fr/ru/magazines/frontier>. (Дата обращения: 17.07.2018).

В Харбине сформировалась большая поэтическая диаспора, в которую вошли представители нескольких поколений. К «старшему» поколению можно отнести поэтов, родившихся в 1880–1890-е гг. Это были люди, чьё мировидение сформировалось в России; многие из них прошли через Первую Мировую войну, были очевидцами событий русских революций и Гражданской войны; некоторые из них стали писать стихи ещё до того момента, как попали в Харбин, но окончательно сформировались уже в Харбине в 1920-е гг. К этому поколению принадлежали Н. Алл (189? – не раньше 1966), Я. Аракин (1878 – не раньше 1945), С. Алымов (1892 – 1948), А. Ачаир (1896 – 1960), Б. Волков (1894 – 1954), Л. Ещин (1897 – 1930), Вс. Иванов (1888 – 1971), В. Логинов (1891 – 1945/1946), Е. Недзельский (1894 – 1961), А. Несмелов (1889 – 1945), А. Паркау [*настоящая фамилия* Нилус] (1997 – 1954), М. Щербаков (1890? – 1956) и некоторые другие.

К «среднему» поколению поэтов относятся те, кто родился в 1900-е годы: Т. Баженова (1900 – 1978), М. Визи (1904 – 1994), М. Колосова [Р.И. Виноградова] (1903 – 1964), Ю. Крузенштерн-Петерец (1903 – 1983), В. Обухов (1905 – 1949), В. Померанцев (1907 – 1991), О. Скопиченко (1908 – 1997), В. Янковская (1909 – 1996) и некоторые другие.

К «младшему» поколению поэтов можно отнести тех, кто родился в 1910–1920-е гг. Представители этого поколения уже не были непосредственными участниками трагических событий 1910-х гг.; формирование системы их жизненных представлений происходило уже в Харбине (или Шанхае), а в литературную жизнь русской восточной диаспоры они вошли уже в 1930-е гг. К этому поколению относятся Л. Андерсен (1911 – 2012), Г. Гранин [*настоящая фамилия* Сапрыкин] (1913 – 1934), В. Перелешин [*настоящая фамилия* Салатко-Петрище] (1913 – 1992), С. Сергин [*настоящая фамилия* Петров] (1910 – 1934)], Л. Хаиндрова (1910 – 1986) и некоторые другие.

Естественно, что поэты, проживавшие в Китае, интересовались культурой страны, в которую они оказались заброшены судьбой. Некоторые из них хорошо овладели китайским языком и занялись переводом как классических, так и некоторых современных текстов китайской культуры.

Первым по времени переводчиком произведений китайской поэзии стал С. Степанов, о жизни и творчестве которого известно крайне мало. Первая изданная двуязычная антология китайской поэзии (которая включала 46 лирических стихотворений, представляющих творчество 33 поэтов династии Тан, так и некоторые стихотворения, созданные в последующие периоды) была опубликована в 1926 г. Я. Аракиным⁴³. Другая антология, получившая название «Цветы китайской поэзии», была подготовлена А. и И. Серебренниковыми и вышла из печати 1938 г. [Цветы... 1938]. Переводом произведений китайской классической лирики занимались Ф. Камышнюк (превосходно знавший китайский язык), В. Март и М. Щербаков. Н. Светлов занимался переводом стихотворений китайского поэта XX в. Ай Цина и издал сборник под названием «К солнцу» [Ай Цин 1946].

Активно переводил китайскую поэзию В. Перелешин – один из лучших писателей русского зарубежья. В 1940-е гг. (когда поэт проживал уже в Шанхае) у него появилось последователи – китайские переводчики. В. Перелешин в совершенстве изучил китайский язык и сумел глубоко проникнуть в культуру китайского народа, что позволяло ему не только переводить произведения с древнего оригинального текста (а не с подстрочника, как часто переводят с китайского языка), но и создавать культурологические комментарии к ним. «Поэзия народа, в течение пяти тысяч лет живущего культурной жизнью и, можно сказать, всю свою душу вложившего в свою письменность, представляет собою безбрежный океан. Каждый поэт-классик индивидуален, каждый отличен от всех других, и поэтому обобщения почти невозможны», – отмечал поэт-переводчик в

⁴³ См.: <http://www.vekperevoda.com/1855/arakin.htm>.

предисловии к своему сборнику [Перелешин 1970: 1]. Его итоговые сборники переводов произведений китайской лирики, получившие названия «Стихи на веере» и «Тень на занавеске», были опубликованы в 1970-е годы [Перелешин 1970].

В 1968 г. В. Перелешин завершил перевод с подлинника (перевод был опубликован в 1975 г.) древней мистической поэмы (считающейся очень сложной для перевода на иностранные языки) «Ли Сао», приписываемой одному из первых китайских поэтов Цюй Юаню, получивший высокую оценку исследователей [Ли Мэн 1994]; в дальнейшем он подготовил перевод сложнейшего памятника китайской философии «Дао Дэ Цзин», который до сих пор остаётся одним из лучших переводов этого текста.

Работая над переводами китайских поэтических текстов, В. Перелешин нередко экспериментировал с формой стихов, пытаясь найти в русском языке ритмические конструкции, в чём-то похожие на конструкции, принятые в китайском стихосложении. Например, в стихотворении «Подражание китайскому» он предложил вариант организации русского стиха, в котором, как и в китайском языке, стихотворные строчки содержали небольшое количество односложных слов (слогов):

твой	мир	прям
хлеб	да	рты
я	не	там
я	не	ты
но	и	здесь
ложь	да	спесь
быль	же	вся
ты	не	я
лег	меж	нас

злой	верст	круг
слеп	скрест	глаз
вял	смык	рук
сух	глаз	блеск
слаб	крыл	всплеск
хил	плеч	двиг
нем	душ	крик

(1930-е⁴⁴)

[Русская поэзия Китая 2001: 488–489]

Следует отметить, что такого рода искания осуществлялись в русле поисков «новой художественной формы», которые вели российские футуристы.

Харбинские писатели-переводчики не ограничивались лирическими произведениями (хотя перевод китайской поэзии занимал основное место в их деятельности). Так, например, создатель первой в Китае русской антологии китайской поэзии Я. Аракин, являлся также автором поэмы «Неприятность в небесах: из китайской мифологии», которая представляла попытку свободного переложения разделов китайского классического романа «Путешествие на Запад» о Царе обезьян Сун Укуне.

Все эти и прочие переводы, выполненные русскими поэтами-переводчиками, могут составить, как выразился Н.Н. Алл, «отдельный томик» – «ценный и сам по себе, и как особый жанр в творчестве наших дальневосточников», и как «источник знакомства» русских поэтов с лирической традицией страны их обитания [Алл 2001: 10]. Переводы классической и современной китайской поэзии стали для представителей

⁴⁴ Здесь и далее в тексте раздела в скобках указывается год написания стихотворения. В тех случаях, когда было невозможно узнать год, указывалось десятилетие его создания или же год вообще не указывался).

русского восточного зарубежья основой для дальнейшего постижения страны, на территории которой они проживали, и заложили ядро системы образов и мотивов, которые в дальнейшем активно использовались русскими писателями при дальнейшей переводческой деятельности и создании оригинального «китайского текста» поэзии и прозы русского восточного зарубежья (по сути они становились новым «контекстом» в процессе создания произведений, входивших в «китайский текст»).

Харбинские поэты стремились создать в своих произведениях образ Китая, в котором бы органично были уравновешены мотивы, связанные с прошлым Китая, его традиционной культурой и философией, своеобразной природой, – с одной стороны, – и с противоречивой современностью – с другой.

Произведения поэтов наполнены описаниями событий древней китайской истории (которые заимствованы из китайской литературы), реалий китайской повседневной жизни, китайской природы, наблюдаемых на улице сценок, представителей разных слоёв населения, жителей, традиционных национальных праздников. Примером таких произведений могут быть стихотворения «В Храме Ми-Син» Т. Андреевой (1931 г.), «Ханьчжоу» А. Ачаира (1939 г.), «Про Москву» Л. Ещина (1925 г.), «Поезда» А. Несмелова (1930-е гг.), «Хуцинь» В. Перелешина (1943 г.), «Неизвестность» М. Щербакова (1922 г.), «От одного костра» В. Янковской (1930 г.) и многие другие.

В «китайском тексте» поэзии русской восточной эмиграции 1920–1930-х гг. можно выделить две разновидности произведений, в основе классификации которой будет находиться «художественное время»:

1. Воспроизведение *прошлого* Китая, нередко идеализированного (обращение к традиционной философии, истории, культуре страны; воспроизведение китайских классических литературных сюжетов; описание

системы религиозных принципов). В качестве примера можно назвать стихотворения «Нарцисс» Л. Андерсен, «Ми Син» (1931) Т. Андреевой, «Песня весны во дворе» (из китайской поэзии, 20 апреля, 1929) А. Ачаира, «Нё-Н» (Шанхай, 1930) К. Батурина, «Два храма» (Шанхай, 1930) Л. Гроссе, «Китайская шкатулка» (Январь, 1941, Пекин) М. Коростовец, «Китай» (1942) В. Перелешина, «Лотос» Е. Рачинской.

2. Воспроизведение противоречивой современности Китая и связанных с ней проблем: социального неравенства, угнетения человеком человека, голода, тяжести труда...). В качестве примера укажем на стихотворения «Ханьчоу» (14 февраля 1939) А. Ачаира, «Стихи о Китае» (Помню дымки от походных жаровень...)» М. Волина, «Цуй-Хао. Танская династия» (Калган, ущелье Северного Китая) Б. Волкова, «Беженец» Л. Ещина, «О, сунгарийская столица...» В. Логинова, «Мизинцы» В. Марта, «Грядя» А. Несмелова, «Харбинская весна» А. Паркау, «На улице» Н. Светлова, «Курильщик» (1921, Сингапур) М. Щербакова, «В Манчжурии» (1920-е) Е. Яшнова.

На практике оба способа организации художественного времени в конкретных художественных произведениях могли тесно переплетаться и взаимодействовать.

Образ Китая в лирике русских поэтов нередко идеализировался и эстетизировался. Это было особенно для ранних произведений поэтов и, в первую очередь, в стихотворениях – пейзажных зарисовках, в которых воспроизводились события исторического прошлого. Таково, например, стихотворение А. Несмелова:

А небо очень зелёным
Становится от зари
И светят в глаза драконам
Бумажные фонари

[Несмелов 2006: 235]

Нередко, изображая Китай, поэты следовали принципам китайской поэзии (известной большинству поэтов из переводов, выполненных харбинцами), а также китайской каллиграфии и живописи. Н. Панишева, анализируя лирику А. Несмелова, посвящённую Китаю, отмечает: «...Богатство палитры обусловлено влиянием на творчество Несмелова китайской поэтической традиции» [Панишева 2012: 101] «Несмелов создаёт детальные изображения, подобные стилизованным китайским картинкам. Статичность стихов ... может восприниматься как символ жизни древней страны. ...Отсутствие динамики позволяет поэту запечатлеть китайский пейзаж, наполненный глубоким философским смыслом» [Панишева 2012: 102].

Живописностью, связанной с восхищением и любовью к Китаю, пронизано стихотворение В. Перелешина «Китай»:

...Это небо – как синий киворий,
Осеньший утерянный рай,
Это милое жёлтое море –
Золотой и голодный Китай.

Я люблю эти пёстрые стены,
Эти дворики, сосны, цветы.
Ах, не всем же, не всем же измены:
Сердце, верным останься хоть ты!..

(1942)

[Литература русских эмигрантов в Китае, 2: 521]

В стихотворении «Сянтаньчэн» представлено чарующее описание прекрасной природы и всепоглощающей душевной гармонии, наполняющей автора в момент его пребывания в городе Сянтаньчэн:

...Сянтаньчэн – за холмом прохладным:
Днём туда голуби летят,

А потом фениксом нарядным
В Сянтаньчэн прячется закат.

В Сянтаньчэн просятся улыбки,
В Сянтаньчэн сходятся мечты.
Про него всхлипывают скрипки,
На него молятся цветы.

А когда бархатное знамя
Тишины ляжет на холмы,
Я спешу, окрылённый снами,
В Сянтаньчэн из моей тюрьмы...

(1948)

[Литература русских эмигрантов в Китае, 2: 534]

Прекрасное и завораживающее описание природы Китая создал в своих произведениях А. Ачаир. В стихотворении «Песня весны во дворе», стилизирующем отдельные особенности традиционной китайской поэзии, весна представлена в виде изящной китайской девушки, а окружающая её природа представлена невероятно изысканно, тонко и чувственно:

День вчерашний гас под ветром; ветер с вечером в родстве.
На колодезь пухом бледным падал персиковый цвет.
Круг луны качался в небе в чарах грёз и небылиц,
и роса слетала в блеске на изгибы черепиц.

А из залы – звуки лютни, льстивый шёпот тихих флейт,
заглушенный, юный, юный, – в полу мрак густых аллей...
Двери настежь – слышен топот, барабан и шорох ног,
слышен трепет, шелест шелка, пряность пахнущих цветов...

Сквозь бамбуковые ставни сад пустынной и темней.

На задумчивой поляне – блики света и теней.
В этих тенях, тканях словно, в чуткой призрачности сна
спит застенчивой и томной гибкой девушкой – весна.

(1929)

[Литература русских эмигрантов в Китае, 2: 316]

В стихотворении А. Ачаира «Ханчжоу» поэтическое восприятие традиционного Китая («в зеркале вод отражались священные древние храмы»; окружающий мир наполняет «томительный запах курений от гнувшихся к водам глициний»), переплетается с изображением повседневной китайской городской жизни («как пчелы и осы, звенели, жужжали и скрипки, и лютни»):

и сон, и полет в беспредельность,
и скрипки, и лютни, и цитры, и радостный крик окарины,
и дрожь трепетавшего гонга, и млечность, и вечность, и цельность,
и – облачный ладан, и звезды, и – путь в поднебесье орлиный.

(1939)

[Литература русских эмигрантов в Китае, 2: 322]

Чарующее описание китайской природы (а именно, сумерек над водами – в этом образе можно обнаружить влияние традиционной китайской поэзии) мы встречаем в стихотворении поэтессы М. Визи «Китайский пейзаж»:

Над зелёным каналом
и над рощей бамбука,
в небе сонном и алом
ни дыханья, ни звука.

Там, где сгустилась
предвечерняя мгла,
остановилась
звезда, взошла;

в объятую сном
воду канала
белым пятном
упала...

(1937)

[Литература русских эмигрантов в Китае, 2: 343]

В её же стихотворении «На китайском хуторе» представлена картина тихого, спокойного вечера:

Точно кружевом, одетый тиной,
на закате тихо спит канал.
Высоко над хаткой и плотиной
жёлтый месяц остророгий встал.

Вот покойный и приятный жребий –
как сказать: неласкова судьба?
В фиолетовом вечернем небе
тонких листьев чёрная резьба.

(1937)

[Литература русских эмигрантов в Китае, 2: 343]

В стихотворении Т. Андреевой «В храме Ми-Син» описание быта сельских жителей и их традиционного мировосприятия тесно переплетено с китайской символикой:

Пейзаж китайский примитивно прост.
Тут верная жена нашла блаженство,
Чешуйчатый дракон свивает в кольца хвост
И тайных знаков страшно совершенство.

В одеждах длинных старец и монах,
Безмолвные, о чем-то грозно спорят;

Потоки золота в округлых облаках
Бросают свет на розовые горы.

И женщины, сгибая тонкий стан,
Храня торжественность на плоских лицах,
Следят, как медленно уходит караван
Нестройною и пестрой вереницей.

(1931)

[Литература русских эмигрантов в Китае, 2: 304–305]

Лучшие качества китайского человека – глубина душевной искренности, внутреннее достоинство и доброта нищего, который, поддавшись естественному порыву, дарит обеспеченной женщине-иностранке, нежный цветок лотоса, и оскорбляется, когда взамен цветка ему предлагают деньги, представлены в стихотворении-сонете Е. Рачинской «Лотос»:

Китая бедный сын, оборванный и грязный,
Едва прикрыта бронза, нагота...
На голове лоскут, убор своеобразный.
Его удел работа, нищета...

Полудикарь и я... О, как во всем мы разные,
Но сблизила нас странно красота:
Едва раскрывшийся, восторг мечты экстазной,
Цветок священный, лотос, чистота.

Ладонью защитив, он нёс его так нежно.
«Эй!» – и монет соблазна полный звон.
Как удивлённо оглянулся он!

Жест отрицания был царственно небрежен!

Раздумье... Узких глаз мгновенный блеск и жар,
И лотос он, бедняк, мне протянул, как дар!

[Литература русских эмигрантов в Китае, 2: 563]

Для писателей русской эмиграции была важна тема *памяти* и *времени*. Особенно значимой она была для представителей восточной эмиграции, которые плохо представляли, что может их ожидать в будущем. В силу этого восприятие ими современной китайской действительности нередко ими мифологизировалось: они ощущали себя «русскими скитальцами», потерявшими свой путь и оказавшимися на границе миров (России / Китая, прошлого / будущего, жизни / смерти). Дорога назад, в Россию, как понимали многие из них, была для них закрыта; закрытой для большинства из них была и дорога на Запад (в Европу или Северную Америку); надежды адаптироваться к жизни в новой стране и полностью «превратиться» в китайцев у них не было (к тому же Китай в 1920–1930-е годы сам находился в сложной исторической ситуации гражданской войны внутри страны и её внешней оккупацией со стороны Японии). Поэтому многие представители русской эмиграции находились в состоянии размышлений о будущем своего «культурного анклава» и о своей личной судьбе, а в их произведениях постоянно присутствовали мотивы неизвестности грядущего будущего и неотъемлемой тоски по родине.

Н. Светлов в стихотворении «На улице» проводит аналогию между слепленными продавцом на рынке фигурками из теста и судьбами людей. «Китаец лепит фигурки из теста, его окружает толпа зевак», которых он умеет мастерски зазывать благодаря вылепленным им статуэткам «чиновников важных», цена которым «пятак, чтоб прожить два дня». В итоге поэт делает закономерный для русского эмигранта вывод:

...Фигурки из теста! Так странно схожа
Судьба ваша – с чёрной судьбой людей;
Но только за жизнь мы платим дороже,
И мачеха-Жизнь к нам ещё лютей.

[Литература русских эмигрантов в Китае, 2: 592]

В стихотворении А. Ачаира «В фруктовой лавчонке» описание традиционного китайского уклада переплетается с воспоминаниями о миновавших днях молодости:

...Рыбацкая воля,
купцовая леность,
буддийская вечность
и жёлтый закат.

И нежные зори.
Кристалльность. Нетленность.
Нирвана. Беспечность.
Нефрит и агат.

Но пенится пиво
из западных бочек –
студенческих игр и
веселья завет.

Мы пьём торопливо.
Рот жаждет и хочет –
на час ли, на миг ли –
вернуть, чего нет:

шумливые годы,
звнящее время,
поющую юность
не пьяненький джаз...

– Ты снова про годы,

про время и бремя?
За старую... юность?
А я – за сейчас!

(1938)

[Литература русских эмигрантов в Китае, 2: 321]

Национальные особенности китайской культуры в традиционной для неё иносказательной символической форме, описываются в стихотворении Л. Андерсен «Нарцисс»:

...Шуй-сен хуа – цветок нарцисса...
Тонкой струйкой вьётся запах сладкий,
Словно чьё-то вкрадчивое пенье,
И ведут дремотные ступени
Вас в страну мерцающей загадки,
Где поёт, колдуя, запах сладкий...
Словно стебли, ваши пальцы гибки...
На халатике, как в пёстрой сказке,
Бродят взбудораженные краски,
Плавают серебряные рыбки
Меж стеблей, как ваши пальцы, гибких...

[Литература русских эмигрантов в Китае, 2: 296]

Поэт Б. Бета в стихотворении «Маньчжурские ямбы» размышляет о традиционном китайском укладе жизни, о спокойном и умиротворённом мировосприятии, в котором так нуждается лирический герой. В этом мире царит «маньчжурский неподвижный зной», солнце уподобляется «огненному ореху». В этот мир приходит «тоска», которая своей «лёгкою рукой» прикасается к герою, после чего у него появляется желание «поплыть, а то отправиться пешком с бродячим за спиной мешком» туда, «где с башнями углы оглиненных кизячьих стен», и «раскрывает свет испепеляющий дракон», – туда, где «флейта плачется светло, а музыкант на ней – слепой»:

... Не раз задумывался я
Уйти в глубокие края,
И в фанзе поселиться там,
Где часты переплёты рам;
Бумага в них, а не стекло,
И кана под окном тепло.
На скользкую циновку сесть,
Свинину палочками есть
И чаем горьким запивать;
Потом курить и рисовать,
Писать на шёлке письма –
И станет жизнь моя ясна,
Ясна, как сами письма.

(1923)

[Литература русских эмигрантов в Китае, 2: 334]

Ощущением тоски по родине, смешанной со странным чувством автора «своей – чужой» на территории Китая наполнено стихотворение Э. Трахтенберг «Письмо матери». «Опять в печали сердце сжалось» – восклицает поэтесса, – «здесь чужие лица, чужой восход, чужой закат», однако тут же следует признание: «... Но я такую же осталась и родиной зову Китай!..». Строки стихотворения полны противоречий и отражают внутренние метания:

Как хорошо вдруг стать здоровой,
Писать поэмы на лету!..
Но я опять уже готова
Тоскливо кашлять в темноту.
Здесь горы, словно тень Урала,
Где детства светлая печать.
Я там когда-то умирала
И... умираю здесь опять.

[Литература русских эмигрантов в Китае, 2: 625]

В конце стихотворения поэтесса подчёркивает, что ею давно утеряна грань между современной жизнью в Китае и «чёрными днями» – началом «наших неудач» в России:

...Как все прошло, как все далеко,
Зачем такой излом в пути?
И тропы к Дальнему Востоку
Не так легко теперь найти...

И ты, я знаю, твёрдо знаю,
Наверно, плачешь обо мне,
А я уже не вспоминаю
Начало страшных, черных дней.

Про эту боль и эту жалость
И ты совсем не вспоминай...
Ведь я такую же осталась
И родиной зову Китай.

(1938)

[Литература русских эмигрантов в Китае, 2: 625–626]

В стихотворении К. Батурина «Нё-Н» Китай уподобляется чарующей молодой девушке (сопоставление Китая с девушкой было традиционно для поэзии русской эмиграции), образ которой ассоциируется с утончённым, изысканным, нежным, воздушным и лёгким чувством:

Ранней весной цветёт вишня,
Голубой далью – неба край;
В простые четверостишья
Нежность собрал Китай.

Лепестки легли на лице,

Чёрен в узком разрезе глаз.
Разве скажешь – губы дики.
Не целованные не раз.

Чарует изгибом тела,
Точённостью линии рук –
Чудеснейшая новелла,
Изысканная, как бамбук.

И мурлыкающей песней
Баюкает тихие дни,
Чтоб стала душа небесней,
Ласковой; «Во ай ни»

(1930)

[Литература русских эмигрантов в Китае, 2: 327]

С другой стороны, у этого же поэта в стихотворении «В пути», мы встречаем мотивы безысходности и невозвратности времени, поток которого стирает за собой всё то, что когда-то было ценным, важным и незабываемым – как в пространстве природы, так и в культурной памяти людей:

...По ступеням – камням щербатым –
Время царственно протекло,
И день угасает ровным закатом,
Хотя ещё светло.

Из серого гранита тупорылый лев
Ничком лежит в бурьяне.
И никто не прочтёт нараспев
Надписи на кургане.

Столбы могилы обвивает плющ,
Тропинкой стала аллея.
Кому же войти под полог куш
Молитвенно благоговя?

От старой кумирни остались обломки
В стёртых узорах знаков.
В заросли тополей бамбук тонкий
Растёт из могил монахов.

(1930)

[Литература русских эмигрантов в Китае, 2: 327–328]

В поэзии русского зарубежья Китай не только мифологизировался, но и *демифологизировался*. Картины противоречивой реальной жизни страны, воспроизведение стоящих перед ней социальных и культурных проблем создавали сложный образ. «В стихах русских эмигрантов разрушены европейские мифы о Китае как стране варваров, умирающей древней цивилизации, застывшей в своей косности, в них воссозданы детали бытовой жизни современности, в них содержатся размышления о фактах и героях китайской истории, о её культурных феноменах, о ментальной природе человека Востока», – отмечает О. Романова [Романова 2014: 181].

Религиозно-философские вопросы ставятся в стихотворении Л. Гроссе «Два храма». Оно демонстрирует, как в жизни русских эмигрантов менялась система ценностей и как они подходили к принятию буддийских представлений о жизни:

...Печален был рассказ монаха.
Он молвил: «Раньше на горе,
Не чуя перед Буддой страха,
Католик жил в монастыре.
Он нас топтал. Да, но однажды
Раздался ночью страшный гром,

И почва затряслась. Потом
Огонь небес ударил дважды,
И глыбы сокрушённых груд
Мгновенно сорвались с вершины
И, сталкиваясь там и тут,
Скатились с грохотом в долины.
Как видишь, наш любимый храм,
В ту полночь не задели груды,
И мы, как встарь, пред ликом Будды
Возносим славу Небесам!»

(1930)

[Литература русских эмигрантов в Китае, 2: 377]

Созвучны с этим произведением Л. Гроссе стихотворения и К. Батурина «В пути» и «Китайская шкатулка» М. Коростовец, в котором выражены философские размышления о смысле бытия и о тленности бессмысленно прожигаемой жизни:

Так скользит любовь, так скользит пророк,
Сводит с жизнью беспристрастный счёт.
На ларце дракон, воплощённый рок,
Продолжает в даль, в вечность свой полет.
Он летит один между синих струй,
Средь кудрявых туч, через цепь веков,
Изогнувши мост золотых чешуй,
Равнодушный к лжи человеческих снов.

(1941)

[Литература русских эмигрантов в Китае, 2: 443]

М. Волин в «Стихах о Китае» (*«Над широкою жёлтой рекою...»*) описал увиденный им в китайских людях внутренний духовный накал, который когда-то должен вырваться наружу и сокрушить окружающий мир:

...Нас мильоны, похожих, единых,

С жёлтым телом и сердцем, как медь,
Мы когда-нибудь хлынем лавиной,
Приносящей мгновенную смерть.

Подожди, мы ещё не проснулись,
Подожди, наше время придёт.
Мы, как пчелы, закрытые в улей,
Копим мщениа сладостный мёд!

[Литература русских эмигрантов в Китае, 2: 352]

В чём-то созвучно с произведением М. Волина стихотворение Б. Волкова «Дракон, пожирающий солнце», в которых поднимается важная для XX в. тема социального и экономического неравенства. В жизни общества и жизни природы нет истинного выбора и нет настоящего счастья: всё оказывается «чужим», всё покупается и всё продаётся, а бедные вынуждены подчиняться богатым. В последней части стихотворения формулируется буддийская мудрость о смысле бытия и о приоритетах жизни человека:

...Усталый, я сел на обломок гранита,
Снял шляпу... Буддийский монах,
Измождённый старик, еле слышно
Прочёл полустёртую надпись:
«Один –
Ищет только любви
И не находит
В частых сменах женщин всех рас...
Другой – мечтает о золоте
И избивает рабов
В сырых рудниках далёких северных гор
Или запирается в душных лавках,
Продаёт и меняет

И думает все купить...
Третий – ищет лишь славы,
Если он честен... Или думает мир поразить
Необычайным и новым,
Как будто бы все не исчерпано в мире до дна!
Люди живут,
Ибо жить надо.
А ты?
Ты мечешься на перепутьях
И, изведав много дорог,
В лучах заходящего солнца
По стёртым другими плитам
Вдруг находишь забытый путь
Сюда – под вечные сосны»...
...Когда ветер колышет колокольчики,
В виде древнего лотоса
На крыше храма –
Они издают мелодичный звон⁴⁵.

[Литература русских эмигрантов в Китае, 2: 360–361]

Русские поэты, следуя традициям русской классической литературы XIX века, стремились раскрыть противоречия своего времени и выразить сочувствие к традиционному персонажу русской литературы – «маленькому человеку» (в данном случае – китайскому труженику, рабочему или – что чаще – крестьянину). В стихотворении А. Ачаира «Сунгари» описывается тяжёлый труд китайского рабочего «с запотелой грудью», который работает под «раскатанной, как лепёшка в маньчжурской муке голубой лазурью» на «молочной, жирной и хищной» реке, где «от тихих легенд, от мечтательных будд – явь забила в слезах и песке» [Русская поэзия Китая 2001: 65]. Благодаря точным описаниям действительности создаётся картина сложной

⁴⁵ Текст интерпретировался как перевод стихотворения поэта династии Тан Цуй Хао.

и напряжённой жизни, а в сознании читателя возникает ощущение сочувствия и сострадания к его сложной жизни.

У большинства российских эмигрантов преобладало трагическое мировосприятие, которое нередко выражалось и через их интерпретацию Китайской действительности. Ощущение безысходности и пессимизм выражено в стихотворении А. Паркау «Харбинская весна»:

Харбинская весна... Протяжный вой тайфуна,
Дыханье стиснуто удушливой волной,
В зубах скрипит песок, и нервы, точно струны,
Дуэт безумных дум с безумною весной.

Где запах первых трав? Разбрызганные льдинки?
Великопостных служб томящий душу звон?
На вербах розовых прелестные пушинки?
Базаров праздничных приветливый гомон?

Харбинская весна... В разгуле общей пляски
Кружится дико жизнь в бесправьи и чаду,
Кружится прошлое, напев забытой сказки,
Мучительный кошмар в горячечном бреду.

[Литература русских эмигрантов в Китае, 2: 508–509]

В аналогичном ключе написано стихотворение В. Иевлевой «Город Харбин», в котором говорится о продажности, фальши, бездушности современного китайского города (вообще описание жестокого и бездушного современного города – идущее от литературы Серебряного века – было характерно для поэзии китайской эмиграции). Пекин представлен читателю как «странный город блеска, денег и наживы», «преступный, может быть, красивый, яркий и безличный, шумный и чужой». Это город, «Где цветы не знают аромата, / Город странных мыслей и дурманных снов, / Где ничто не честно, где ничто не свято», в нём «Сквозь маску пёстрого

наряда / Смотрит полудикий сумрачный Восток», а «в душе последний гаснет огонёк», в этом городе «сжигаешь силы в призрачной борьбе» и всё это настолько остаётся в памяти, что поэтесса, как бы подводя итог вышеописанному, заключает:

...Весь в больном стремлении, весь в больной тревоге,
Ты сжигаешь силы в призрачной борьбе,
Город, где скрестились пыльные дороги,
Я в свой час последний вспомню о тебе.

[Литература русских эмигрантов в Китае, 2: 414]

Ощущением безысходности пронизано стихотворение Ю. Крузенштерн-Петерец «China doll» («Китайская кукла»):

Барабанил по клавишам. О зачем эти руки боксёра?
Каждый взмах – зуботычина. И казалось, что бедный Шопен
Обливается кровью. Но, случайная, с вёрткостью вора,
Серебристая нота над сыростью стен.
Музыкант не слышал её. Словно оглохший от грома,
Продолжал молотить – все равно ничего не поймут.
Обломалась педаль. Он вскочил. Он налил себе рому,
Отвернулся и плюнул: «Дурацкий прелюд!»
А душа-то болела. Болела по-русски, бешено.
Он с проклятьями трижды измерил прокуренный холл.
На рассвете кантонском, после ночи кромешной,
Узкоглазая девушка. Он её называл China Doll.
Да и та не спасла. Пистолет или яд?
Ничего не известно. Не говорят.

[Литература русских эмигрантов в Китае, 2: 450–451]

Атмосферой уныния, тягучего сна и абсолютной индифферентности пронизано стихотворение М. Коростовец «Пекин»:

Самый странный город в свете,
Город ярких крыш,

Над тобою цепь столетий
Пронеслась – ты спишь!

Величавые громады
Храмов и дворцов
Под немолчный звон цикады
Видят стаи снов.

И задумчивые ивы
В зеркале озёр
Наблюдают сиротливо
Лотосов ковёр...

[Литература русских эмигрантов в Китае, 2: 442]

Похожая мысль выражена в стихотворении Е. Яшнова «В Манчжурии», в котором показаны размышления об итогах жизненного пути:

Судьбы запутанный итог,
Сводимый говором копыта.
Пыль сладковатую дорог,
Цвета и гам чужого быта,
Чужой пейзаж, чужой порог,
Восточной девушки ланиты
И речи кружево чужой
Люблю бродяжною душой...

(1920-е гг.)

[Литература русских эмигрантов в Китае, 2: 694]

Абсолютно безрадостную картину жизни китайских горожан рисует в стихотворении «О, сунгарийская столица...» В. Логинов:

О, сунгарийская столица!
До гроба не забуду я

Твои мистические лица
И жёлтые твои поля,
Бегущего рысцою рикшу,
Твоих изысканных «куpez»,
Шёлк платья, ко всему привыкший,
Твоих шаланд мачтовый лес,
И звонкой улицы Китайской
Движенья, шумы и огни,
И тяжкий скрип арбы китайской,
И солнечные в зимах дни,
И Фудзядяна смрадный запах
От опия и от бобов,
И страшных нищих в цепких лапах
Нужды и тягостных годов.

[Литература русских эмигрантов в Китае, 2: 472–473]

Глубинную боль, вызванная оторванностью от родины и восприятие чуждости и ненужности на чужбине выражена в стихотворении Л. Ещина «Беженец», в котором автор раскрывает тяготы и лишения русских иммигрантов в Китае. В нём автор описывает бедственное состояние лирического героя, который «замерзают от стужи» и от голода («опять семь дней не обедаю»), и, подводя итог своему жалкому существованию («не живу, а жизнь свою мыкаю»), заключает в итоге:

... И, занывши от старых ран,
Я молю у Тебя пред иконами:
«Даруй фанзу, курму и чифан
В той стране, что хранима драконами».

[Литература русских эмигрантов в Китае, 2: 399]

Примерно в таком же ключе ведущий харбинский поэт А. Несмелов в стихотворении «Гряда» описывал сложную жизнь и тяжёлый труд китайского рабочего, который, однако, тягости и лишения своей жизни

воспринимает (в соответствии с особенностями национального характера) как «сладкое иго»:

...Китаец, до пояса голый.
Из бронзы загара литой,
Не дружит с усмешкой весёлой.
Не любит беседы пустой.

Уронит гортанное слово
И вновь молчалив и согбен –
Работы, заботы суровой
Влекущий, магический плен.

Гряды, частокол да мотыга,
Всю душу в родную гряду!
Влекущее, сладкое иго.
Которого я не найду!

[Литература русских эмигрантов в Китае, 2: 218]

А. Несмелов в своём поэтическом творчестве (а также в написанных им публицистических статьях, фельетонах и рассказах) представил яркий образ Харбина и существовавшей в городе духовной атмосфера, воссоздал поэтические портреты его обитателей и противоречия городской жизни.

Эти темы раскрывались и в произведениях других харбинских поэтов. Описание сомнительного «счастья» двух китайских друзей, бедняков-рабочих – поход в опиумную курильню – описывает В. Март в стихотворении «Мизинцы»:

...Из Фудзядяна, Модягоу –
Один в харчевне половой,
Другой прислужник у портного –
Друзьям свидаться довелось!

И вот без слов и уговора
Их путь медлительный решён:
На сан-де-ге к жестяному забору –
В опьекурительный притон.

И только в судорогах ожога
Трещащий масляный фитиль
Мизинцы выпрямит... и оба
Прильнут на скомканный настил!..

[Литература русских эмигрантов в Китае, 2: 478]

Русские поэты, изображая Китай, создали и систему символов, органично вытекающую из традиционной китайской символики. Так, например, образ-символ *неба*, как правило, использовался для поэтического описания китайской модели мира (врата в вечность, знак мира и покоя), в то время как для русского лирического героя оно всегда оказывается «далёким» и «холодным». Образ-символ *орхидеи* использовался поэтами для передачи женственности, изящности, утончённости, добродетельности и красоты; *жёлтый* (золотой, бронзовый) *цвет* как постоянный символ Китая. Часто использовались поэтами образы-символы *воды* (который был наделён двойной семантикой: очищение, преображение, омовение и смерть, непредсказуемость проявлений природы) и *огня* (выражающего творческое начало, а также свет и тепло, связанные с домашним уютом).

На протяжении 1920–1930-х гг. «китайский текст» русской поэзии постепенно изменялся: от ранних романтико-идеалистических (и во многом иллюзорных, идущих от литературы) представлений о Китае как «экзотичном Востоке», потаённой, неразгаданной и непостижимой стране, – к глубоким реалистическим размышлениям о судьбе своей «второй родине» и о месте в этом пространстве занесённого туда трагическими событиями истории «русского скитальца».

В то же время «китайский текст» русской поэзии оставался органичной частью русской культуры и наследовал традиции русской классической литературы «Золотого» и «Серебряного» веков. Это, прежде всего, стремление не только показать её необычный «восточный» колорит, но и понять и принять «чужую» культуру, проникнуть в её глубины китайской философии и религии (понять и принять положения буддизма, даосизма и конфуцианства, постигнуть глубокую сущность «китайских иероглифов, тайны древних храмов»), сделать её «своей», – с одной стороны, – и раскрыть традиционную жизнь китайского народа, выразить сострадание к «маленькому», «простому» человеку (прежде всего крестьянину) – с другой.

Таким образом, анализ поэзии русских эмигрантов, проживавших в Харбине, показывает, что в их творчестве сформировался развёрнутый и многообразный «китайский текст», в котором была создана картина жизни китайского народа.

3.2.2. Китай в эмигрантской прозе 1920–1930-х гг.

Анализ поэзии русского восточного зарубежья, осуществлённый в предыдущем разделе, продемонстрировал, что в творчестве русских эмигрантов были показаны реалии жизни китайского народа, его борьба за существование, поставлены проблемы достижения экономической и социальной гармонии, раскрыто стремление народа к материальному благосостоянию и высокой духовной культуре. Мечты китайского населения естественным образом перекликались со стремлениями русского народа, и это способствовало достижению взаимного понимания между представителями обоих народов.

Такой вывод закономерен, если исходить из представления, что культура Шанхая и Харбина по своей природе была *пограничной*, «фронтирной».

Один из ведущих исследователей литературы и культуры русского восточного зарубежья А.П. Забияко писала: «Культура русского Харбина – впечатляющий пример фронтальной субкультуры, сложившейся в дальневосточном порубежье на стыке русской и китайской культур. Её история обнаруживает разные сценарии маргинализации. Главенствующей стратегией существования харбинской культуры в условиях дальневосточного фронта были консервация нормативных качеств русской культуры и их интенсификация. Эта стратегия не исключала, однако, усвоения некоторых сторон китайской культуры и движения в сторону русско-китайского синкретизма. Такая тенденция исподволь, без ломки привычного русского уклада и без нажима извне, органично складывалась в языке, зодчестве, литературе и религиозных верованиях» [Забияко 2017: 33].

Эти принципы, естественно, проявлялись не только в поэзии, но и в *прозе* русского зарубежья.

Как мы уже отмечали, период с начала 1920-х до начала 1930-х гг. стал временем максимального расцвета издательского дела русской эмиграции. В Харбине и Шанхае публиковались политические книги, исторические сочинения, мемуары, экономическая, юридическая, религиозная и учебная литературы, а также многочисленные художественные произведения.

В прозе русского зарубежья можно выделить несколько *жанрово-стилевых* тенденций.

Большую ценность представляют **мемуары** русских эмигрантов, в которых отразились события Октябрьской революции и гражданской войны в России (прежде всего, на её сибирских фронтах), а также на Северо-Востоке Китая (на территории Маньчжурии).

В отличие от поэтов эмиграции, большинство из которых ощущало себя продолжателями традиций русской поэзии Серебряного века –

литературных направлений этого периода (преимущественно – наследия А. Блока и других поэтов-символистов, реже – поэтов-акмеистов), эмигранты-прозаики, жившие на территории Китая, создавали произведения преимущественно в рамках русского классического *реализма*, следуя традициям литературы середины XX в. Они стремились детализировано изображать жизненный уклад простых людей, их мировоззрение, восприятие окружающей действительности и себя в ней. Ведущий китайский исследователь литературы русского зарубежья Ли Яньлин отмечал: «Произведения русских эмигрантов продолжали традицию реализма русской литературы. Подавляющее большинство их произведений либо отражает реальность русской жизни за границей, либо отражает реальную жизнь китайцев, либо ту и другую вместе» [Ли Яньлин 1988: 33].

Процесс развития русской диаспоры в Китае в 1920–1930-е гг. определяли четыре главных исторических события того времени, которые отразились в творчестве писателей-эмигрантов: 1) революция и гражданская война на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.); 2) признание СССР Китаем, что привело к прекращению службы русских эмигрантов в китайской армии и полиции, отказу от права экстерриториальности в районе КВЖД, запрету работать на железной дороге всем, кто не имел советского или китайского гражданства (1923–1928 гг.); 3) военный конфликт на КВЖД с последующей оккупацией Японией территории Маньчжурии и создания японцами на территории Китая марионеточного государства Маньчжоу-Го (1929–1932 гг.). Последнее, *четвёртое* событие из этой серии – захват Харбина японской Квантунской армией, последовавший 5 февраля 1932 г., который привёл к быстрому упадку русской эмиграции в Китае и заставил эмигрантов переезжать в Тяньзинь и Шанхай, а в дальнейшем – в Австралию и Америку, а также во многие другие страны.

Значительная часть мемуарной литературы, созданной русскими эмигрантами в Харбине и Шанхае в 1920–1930-е гг., касалась прежде всего

Первой мировой войны, Гражданской войны и последующих событий в России.

Таковы, например, изданные в 1930-е гг. в Харбине и Шанхае книги, написанные генералом-майором И.М. Зайцевым («Четыре года в стране смерти» [Зайцев 1936]) и генерал-майором А.В. Зуевым («В борьбе за родину» [Зуев 1937]), а также ряд других работ мемуарно-исторического плана, изданных в это время. В качестве примера такого произведения можно назвать документальную повесть С.И. Гусева-Оренбургского «Багровая книга. Погромы 1919-1920 гг. на Украине» (Харбин, 1922; Нью-Йорк: Ладога, 1983).

Среди книг, опубликованных в тот же период, имелось значительное количество мемуаров исторических деятелей, имеющих сегодня особую ценность. Это, например, воспоминания начальника канцелярии правительства Колчака Г.К. Гинса «Сибирь, союзники и Колчак» (Пекин, 1921 – в 2-х т.), Председателя Административного комитета при Сибирском правительстве И.И. Серебренникова «Мои воспоминания» («В революции 1917–1919» – Тяньцзинь, 1937; «В эмиграции 1920–1924» – Тяньцзинь, 1940), известного деятеля партии кадетов Н.В. Устрялова (сборники статей «В борьбе за Россию» и «Под знаком революции», изданные в Харбине в 1920 и в 1925 гг.; сборник «Наше время», опубликованный 1934 г. в Шанхае), призвавшего российских интеллигентов перейти от борьбы с Советским Союзом к сотрудничеству. Однако во всех этих изданиях, являвшихся историческими или политическими сочинениями, проблемы Китая практически не затрагивались.

Писатель **П.П. Балакшин**, [псевдоним – Б. Миклашевский], принадлежавший к «шанхайскому» крылу русской эмиграции (в дальнейшем переехавший в США, где он начал активную литературную и критическую деятельность), написал фундаментальную историческую книгу «Финал в Китае» (1950), работа над которой заняла у него свыше

шести лет, отмечал в статье «Эмигрантская литература» (1934), что «подлинная литература эмиграции» возникнет именно со вторым поколением эмигрантов, поскольку оно будет «анализировать и изображать не исчезнувшую Атлантиду, а жизнь сегодняшней души, новую действительность». Он полагал, что писатели старшего поколения никого «не ведут <...> погруженные почти всецело в воспоминания <...> они созерцают безмятежно, пребывая в некоей стратосфере, куда не достигает фейерверк жгучих эмигрантских вопросов...» [Балакшин 1934: 185].

Закономерность, о которой писал П. Балакшин, в значительной мере относилась именно к произведениям мемуарного жанра, создававшимся в Харбине и Шанхае в 1920–1930-е гг., в которых образ Китая возникал редко. Мемуарные произведения, описывающие жизнь в *Китае*, были созданы следующим поколением эмигрантов, и публиковались они уже в 1940–1950 гг., а также в последующие периоды.

Тем не менее, русские писатели-эмигранты, жившие в Китае в 1920–1930-е гг., постепенно приспосабливали свои художественные произведения к реалиям китайской культуры и общества, делая особый акцент – в духе традиций русской классической литературы XIX в. – на существующие социальные проблемы и противоречия в жизни народа.

Остановимся на творчестве двух русских писателей старшего поколения – **Н.А. Байкова** и **А.П. Хейдока**.

Н.А. Байков (1872–1958) относится к старшему поколению представителей русской эмиграции. Он принадлежал к старинному дворянскому роду; его предок – боярин Ф.И. Байков – был направлен Царём Алексеем Михайловичем в качестве главы первого русского посольства в Китай (1654–1658) для налаживания торговых и дипломатических связей между государствами [Ким Рехо 1993: 41–49; Ким Рехо 1997: 57–58; Сакон Такэси 1998: 269–275]. Творчество Н. Байкова до сих пор мало

исследовалось российскими литературоведами; немногочисленные специальные работы о нём были опубликованы (или защищены) сравнительно недавно [Неживая 2000; Плостина 2002; Неживая 2010].

Став офицером, Н. Байков увлёкся естественными науками; он был хорошо знаком с учёными и путешественниками – Д. Менделеевым, Н. Пржевальским, Г. Радде. Молодой офицер добился перевода в Заамурский военный округ Отдельного корпуса пограничной стражи (1901), в район строительства КВЖД. Он прослужил в Маньчжурии 14 лет (с 1901 по 1914 гг.); во время службы принимал активное участие в научных экспедициях, направленных на изучение Дальнего Востока и Маньчжурии (которую он в дальнейшем называл своей «второй родиной»), боролся с хунхузами и охотился на тигров (рота, которой он командовал, за проявленную смелость в охоте на хищников получила почётное название «тигровой»).

В 1914 г. Н. Байков опубликовал первую книгу очерков «В горах и лесах Маньчжурии» [Байков 1914], которая стала результатом его экспедиций по изучению дальневосточного края.

Н. Байков вернулся в Маньчжурию в 1922 г., после участия в Первой мировой войне и периода скитаний по странам Азии и Африки. С 1925 г. он жил в Харбине и занимался активной литературной деятельностью. За период 1925 по 1940 г. им была издана серия книг, посвящённых природе и людям Маньчжурии, в том числе сборники очерков и рассказов «Маньчжурский тигр» (Харбин, 1925), «Изюбрь и изюбредовство» (Харбин, 1925), «Корень жизни – Жэнь-Шэнь» (Харбин, 1926), «Медведи Дальнего Востока» (Харбин, 1929), «Озёра долины Муданцзяна» (Харбин, 1930), «Охота в Маньчжурии» (Харбин, 1930), «В делях Маньчжурии» (Харбин, 1934), «Великий Ван» (Харбин, 1936), «По белу свету» (Харбин, 1937), «Тайга шумит» (Харбин, 1938), «У костра» (Тяньцзинь, 1939), «Сказочная быль» (Тяньцзинь, 1940) и некоторые другие, а также повесть (названная автором «романом») «Тигрица» (Харбин, 1940) и повесть «Чёрный капитан»

(Тяньцзинь, 1943), имевшая подзаголовок «Маньчжурская роман-быль из жизни замурцев по охране Кит. Вост. жел. дор. 1901–10 гг.».

Книги Н. Байкова были хорошо известны как в Маньчжурии, так и в других странах, на языки которых они были переведены (Китай, Япония, Великобритания, Франция).

Н. Байков развивал традиции русской литературы, в рамках которой создавались произведения о жизни природы. Начало этой традиции положили С.Т. Аксаков (1791–1859), написавший книги «Записки об ужении рыбы» (1846; 1854), «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (1852), «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» (1855), а также писатель Л.П. Сабанеев (1844–1989). В начале XX в. в России сформировалась целое направление литературы, развивавшееся писателями-натуралистами, к числу которых может быть отнесён Н.А. Байков, его современники Н.А. Зворыкин (1873–1937) и М.М. Пришвин (1873–1954), начавшие публиковаться в 1900–1910-е гг., а также представители более молодого поколения – Б.С. Житков (1882–1938), К.Г. Паустовский (1892–1968), И.С. Соколов-Микитов (1892–1975), В.В. Бианки (1894–1938), Л.В. Бёме (1895–1954), вошедшие в литературу уже в советское время.

Особо следует упомянуть современника и друга Н.А. Байкова – путешественника и писателя В.К. Арсеньева (1872–1930), также описавшего в своих произведениях природу и людей Приамурья (правда, преимущественно, с его другой – «российской» и «советской» стороны⁴⁶. Два основных художественных произведения В. Арсеньева – повести «По Уссурийскому краю (Дерсу Узала). Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь» и «Дерсу Узала. Из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 г.» – создавались примерно тогда же, что и первые

⁴⁶ См.: *Арсеньев В.К.* Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историко-этнографический // Записки Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества. – Хабаровск: Тип. канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1914. – Т. X. – Вып. 1. – 203 с.

произведения Н. Байкова, – в 1910-е гг. (хотя опубликованы были позднее – в 1921 и 1923 гг.).

В произведениях Н. Байкова описывается не историческая ситуация (время в его произведениях представлено обобщённо, а сюжет их, как правило, не связан непосредственно с какими-либо историческими событиями), а безграничное *художественное пространство* Маньчжурии, в которой рядом проживает как русское, так и китайское население.

В повестях («Тигрица», «Чёрный капитан»), очерках и рассказах («Великий Ван», «Ночь у костра», «Хунхузы», «На облове», «Контрабандисты», «Чёрная смерть», «У Тигровой горы», «Голгофа женщины» и др.), «научных» очерках («Флора и фауна», «Звероловство», «Язык тайги», «Следопыт», «Соболья шкурка» и других) и «путевых заметках» («В горах Чапи-Гоу», «Искатели жемчуга», «Сказочные были», «Зверобой Назаренко») Н. Байкова описываются природа и животный мир Маньчжурии [Неживая 2002]. Большую роль в них играет обобщённый символический образ маньчжурской тайги, который олицетворяется и мифологизируется [Неживая 2010].

Н. Байков раскрывает жизнь населения Маньчжурии, – как русского (в первую очередь, жизнь русских офицеров, глазами которых показан окружающий мир), так и китайского (мудрые отшельники Мун-Ким и Тун-Ли), жизнь которого оказывается тесно связана с окружающей природой. Русское население показано в тесном взаимодействии с китайским: среди и тех, и других есть как «хорошие», благородные, так и «плохие» люди, – независимо от их национальности.

Писателя интересуют сильные, независимые, волевые люди, которые способны принимать самостоятельные решения (их образы могут быть как «положительными», так и «отрицательными»): таковы китаец Ван-Де-Лин (он же Ванделин), китаянка Ин-Тао, преданные слуги Футай Лун Бин и манчжурка-ама, атаман Лан (по кличке Волк), китаянка Хэй-Бао, злодей Хун-Мо-Гуй и др.

Вот как описывается красавица-китаянка, ставшая подругой русского офицера по прозвищу «Чёрный капитан»: «Не прошло и пол года, как Ин-Тао вполне освоилась со своим положением и привыкла к роли подруги русского капитана. Природный ум и женская практичность помогли дикарке взять правильный курс “внутренней политики”, так что, в конце концов, победитель женских сердец оказался побеждённым и подпал под влияние прекрасной китаянки. Постепенно она прибрала его к рукам и стала госпожой в доме, не злоупотребляла этим, разумно пользуясь властью, не переходя известных границ и возможностей» [Байков 1959: 13].

Красота, ум, доброта, злодейство – все эти качества в интерпретации Н. Байкова зависят не от национальности героя, а от характера и окружающих обстоятельств. Самым большим злодеем оказывается грозный предводитель шайки хунхузов по прозвищу «Хун-Мо-Гуй» [红魔鬼 – Hóng Mó Guǐ, то есть «Красный Чёрт». – А.К.], получивший прозвище за ярко-рыжий цвет волос и необычную жестокость, оказывается беглым русским солдатом, а его «непосредственным помощником и секретарём» является молодая красивая китаянка «Хэй-Бао» [黑豹 – Hēi Bào, то есть «Чёрная Пантера» – А.К.]. В отсутствие Хун-Мо-Гуя «во главе шайки становилась его подруга, и тогда набеги хунхузов становились особенно смелыми и дерзкими и отличались своей жестокостью» [Байков 1959: 54–55].

Особенно удались писателю произведения, в которых описывались повадки тигра – как его называет писатель, «Владыки лесов», «Царя тайги», «Великого Вана», описания которого даны в контексте китайских народных представлений об этом звере и его особых связях с «иным» миром («Теперь звериная ночь и Великому Вану нужна человеческая жертва»; «Сам Великий Ван сделал нам честь своим визитом и шлёт нам свой привет!» [Байков 1939: 41; 74].

Произведения Н. Байкова описывают не только мир природы. Благодаря достоверности и точности описания фактов и участников действий в его очерках, рассказах и повестях, читатель узнаёт об

исторической ситуации, о событиях, происходивших в Китае (хотя они не оказываются на первом плане), имеет возможность самостоятельно анализировать причины и последствия взаимодействия между Россией и Китаем, увидеть события глазами русских эмигрантов, проживавших на территории Китая.

Другой вариант «китайского текста» в литературе русской эмиграции был реализован **А.П. Хейдоком** (1892–1990) – писателем, принадлежащим к более молодому поколению, но, – так же, как и Н. Байков, – участником Первой Мировой войны, воевавшим в Белой Армии. Творчество А. Хейдока также почти не исследовано в литературоведении (исключение составляют работа О.А. Москвиной [Москвина 1993] и Ван Яминя [Ван Яминь 2007], а также статьи и кандидатская диссертация Н.И. Белозубовой [Белозубова 2009]).

А. Хейдок в 1920 г. оказался в Харбине, где, в частности, стал преподавать для китайского населения русский язык, а в дальнейшем начал активно заниматься журналистикой. В 1929 г. он опубликовал в известном харбинском литературном журнале «Рубеж» свой первый рассказ – «Человек с собакой», привлёкший внимание читателей. В 1930-е гг. А. Хейдок написал множество рассказов, действие которых происходило в Китае. В 1934 г. А. Хейдок познакомился с Н.К. Рерихом, который посетил Харбин во время Маньчжурской экспедиции (1934–1935), и это знакомство, перешедшее в продолжительную дружбу, существенно повлияло на мировоззрение и творчество писателя. В 1934 г. А. Хейдок опубликовал сборник рассказов под названием «Звёзды Манчжурии», предисловие к которому было написано Н. Рерихом.

В 1940 г. А. Хейдок переехал в г. Шанхай, где стал активным участником «Общества советских журналистов и беллетристов», созданного при «Обществе советских граждан», начал издавать новый

журнал «Сегодня», в котором опубликовал ряд своих произведений. В 1947 г. А. Хейдок уехал в СССР.

Под влиянием идей Н. Рериха А. Хейдок стал изучать философию Востока, концепции буддизма и даосизма. Он стремился постигнуть особенности менталитета китайского и русского народов, объясняя их историческими событиями и религиозными представлениями, – например, китайским культом предков или теорией переселения душ.

В отличие от Н. Байкова А. Хейдока в большей степени интересовало не *пространство*, а художественное *время* и философско-этические парадоксы, с ним связанные.

В качестве героев его произведений выступают представители как русского, так и китайского народов – белогвардейские офицеры и борющиеся за власть китайские генералы, солдаты китайской армии и рядовые русской армии, русские интеллигенты и китайские монахи, бродяги, странники, хунхузы. В его рассказах 1920–1930-х гг. тесно переплетаются личные воспоминания и история (как России, так и Китая); основным местом действия является Маньчжурия (показанная не как самостоятельное государство, а как неотъемлемая часть Китая), а конкретным местом действия становятся китайские монастыри и кумирни.

Так, например, в рассказе «Три осечки (Рассказ волонтёра из русского отряда Чжаи Цзу-чана)» (1934), описывается, как русский волонтёр Гржебин совершает кощунственный поступок по отношению к китайской святыне (статуе Будды), и последовавшее за этим необычное наказание героя. В рассказе «Храм снов» (1921) А. Хейдок создаёт особую сакральную атмосферу старинной кумирне, представлявшей собой «храм снов», в котором «все страждущие и обиженные судьбой могли видеть ... сны, в которых воплощались все их желания и восстанавливалось утраченное счастье»⁴⁷.

⁴⁷ См.: http://www.hejdok.ru/w_manchjur.html. (Дата обращения: 17.08.2019).

В отличие от преимущественно реалистической (с отдельными элементами символизма) прозы Н. Байкова повести и рассказы А. Хейдока передавали преимущественно *романтический* взгляд на действительность; в его творчестве фантастика органично сочеталась с реалистическими описаниями современности и ближайшего прошлого – судьбой белого движения, событиями, происходившими с русским населением Маньчжурии. Литературовед С.И. Якимова по этому поводу отмечает: «Для своих рассказов А. Хейдок брал интригующие романтические сюжеты, используя при этом реалии узнаваемой жизни в Китае» [Якимова 2013: 130].

В сюжете произведений А. Хейдока тесно переплетены представления, характерные для русской культуры, с китайской народной культурой, китайскими обычаями, мифами и верованиями. Так же, как и многие другие русские эмигранты, писатель, анализируя китайскую философию жизни, стремился понять верный вектор развития русских людей, волею судьбы оказавшихся в Китае. Китайская культура придала его творчеству особый, оригинальный характер; в его художественных произведениях появились яркие образы, герои и сюжетные ситуации, наполненные параллелями между культурами России и Китая.

Подобное переплетение русской и китайской художественных систем оказалось настолько органичным, что многие китайские писатели и критики стали считать его «истинно китайским» писателем. Например, китайский литературовед Ван Яминь отмечает: «Он настоящий китайский писатель, его творчество обращает внимание на мистическую сторону народной культуры Китая – его традиций, обычаев, мифов и ритуалов в произведении «Звезды Маньчжурии» [Ван Яминь 2007: 59].

Герой Хейдока часто оказывается в экстремальных, критических ситуациях, проявляя при этом своё изначальное тяготение к природной сущности человека с её здоровым началом» [Якимова 2013: 132]. Взгляд писателя на историю и современность оказывается весьма трагичен – это трагедия как собственной судьбы, так и трагедия поколения людей первой

половины XX в., оказавшихся втянутых в кровавые войны, развязанные тоталитарными и националистическими режимами: «Через трагедию своего поколения, трагедию собственной судьбы писатель осмысляет судьбу человечества» [Москвина 1993: 52].

В литературе эмиграции был реализован и «идеологический» вариант «китайского текста», – правда, в гораздо меньшей степени, чем в «советской» литературе того же времени. Вот что писал по этому поводу шанхайский журналист и писатель, редактор известной русскоязычной газеты «Шанхайская Заря» Л.В. Арнольдov, который в книге «Китай, как он есть» (1933) отметил, что «современная китайская молодёжь» стала особо интересоваться коммунизмом: «Поворот городской молодёжи к коммунизму объясняется, с одной стороны, теми интригами и нестроением в верхах правящей партии <...>, а также и <...> вполне естественным, духом молодого задора, протеста и экстремизма, который свойственен молодёжи вообще и всегда и во всех странах» [Арнольдov 1933: 43].

В упомянутой выше книге Л. Арнольдov сформулировал некоторые особенности китайского уклада жизни и требования к литературе, которая сможет глубоко раскрыть их:

«В Китае всё идёт по особому, уклад и темпы жизни совсем иные, как иными путями здесь воспринимаются явления и факты политики, императивные принципы морали и даже цифры в трудах по экономической политике.

Для того, чтобы начать *постигать* Китай, поскольку это вообще доступно для европейского мозгового аппарата, надо жить в Китае годами, работать в нем и охотно общаться с китайским народом, присматриваться, прислушиваться, копить факты собственного опыта, делать свои и для себя, независимые, выводы, размышлять, не бояться признавать свои ошибки, когда они обнаружатся, порождённые недостаточностью, но началу, опыта и только при этом неторопливом, прилежном, а, главное, *честном* способе

подлинного изучения, вы достигните, через довольно много лет, тех результатов, за которые вам потом не придётся извиняться» [Арнольдov 1933: 3].

И далее:

«Чтобы писать о Китае, мало, повторяем, изучить китайский язык и странствовать по Китаю, надо иметь дар истолкования сложных вопросов китаеведения и надо быть, вообще, разносторонне образованным человеком, располагать хотя бы элементарными знаниями в истории человечества, антропологии, этнографии, социологии, экономики и философии права» [Арнольдov 1933: 4].

Все эти качества формировались в «китайском тексте» литературы русской восточной эмиграции, в произведениях которой Китай показывался без предвзятости, в сложном и неоднозначном процессе самоутверждения, выражающемся через столкновение старого с новым, процессе взаимной борьбы «старой» и «новой» культур. Российские эмигранты – в отличие от большинства европейцев, проживавших в этот период в Китае, «старались изучить Китай, проникнуть мысленным взором в его судьбы по возможности глазами самого китайского народа, соприкоснуться духовно с китайской нацией, проникновенно сердце к сердцу воспринять китайскую философскую концепцию и приобщиться, поскольку это возможно для чужестранца, к сокровенным основам китайской этики» [Арнольдov 1933: 367–368].

В другой книге Л. Арнольдова – «Этюды о Китае» («Из страны Белого Солнца») (1934), с одной стороны, раскрывалась специфика национальный культуры и давалась информация об её основных представителях (главы «Иностранцы о китайцах», «Истоки мифологии», «Лаборатория духа», «Великие мудрецы», «Китайская музыка», «Театр»), – и в этом можно увидеть её сходство с «историко-аналитической» книгой очерков «Чжунго», созданной с «советской стороны» С. Третьяковым; с другой – раскрывалась жизнь современного Китая, его политика и основные исторические

персонажи (главы «Во владениях Чжан Цзо-Лина в 1927 г.», «Шанхай – город великий», «Император Пу-И», «Чжан Кай-ши», «Молодой маршал») [Арнольдов 1934].

Очерки и этюды Л. Арнольдова, – впрочем, как и произведения некоторых «советских писателей», наблюдавших за Китаем с другой стороны границы, – наследовали традиции толерантного изображения «иной» культуры, заложенные в русской литературе первых десятилетий XX в.

3.2.3. Особенности «китайского текста» эмигрантской литературы

«Китайский текст», созданный русскими писателями Харбина и Шанхая, стал важной частью русского «китайского текста» XX в. В нём впервые русская литература попыталась, с одной стороны, художественно переосмыслить принципы китайского искусства, а с другой стороны, – изобразить многоликую жизнь Китая в 1920–1930-е гг., раскрыть китайский национальный характер. «Китайский текст» русской поэзии и прозы соединил два временных пласта – тысячелетнее прошлое страны и её современность.

Историко-культурный опыт Харбина и Шанхая оказался уникальным. Два города, ставшие «анклавами» русской культуры, с одной стороны, стремились сохранять традиций русской классической культуры и литературы, а также «новой» культуры Серебряного века; с другой стороны, проживавшие в них русские писатели попытались осуществить в своих художественных текстах «синтез» двух непохожих культур – русской и китайской, – понять исторические процессы и грандиозные социальные потрясения, происходившие в одной стране, сквозь приму истории и культуры другой страны.

Художественная проза и поэзия русских эмигрантов, проживающих на территории Китая в 1920–1930-е гг., безусловно, имели не только историческую, но и большую художественную ценность. Их произведения

представляли «культурный мост», постепенно выстраивавшийся в процессе взаимодействия и взаимообогащения культурными ценностями между двумя великими странами и их народами – Россией и Китаем.

В качестве основных **результатов** развития поэтического и прозаического вариантов «китайского текста» литературы русского восточного зарубежья можно назвать следующие:

1. Формирование в литературе ярко выраженного *трагического мироощущения* бытия и всепоглощающей тоски по родине. Герои литературных произведений постоянно находились в поиске своего «Я», борясь с внутренними противоречиями в вопросах быта и бытия. Писатели воспринимали себя в качестве последних хранителей традиций русской классической культуры, как её непосредственных продолжателей, находящихся на её последних рубежах.

2. В литературе эмиграции была создана *межнациональная и кросс-культурная* разновидность «китайского текста», которая существовала как в «поэтическом», так и «прозаическом» вариантах.

3. Русские писатели стремились раскрыть особенности истории, культуры, природы Китая – страны, в которой волею судьбы они оказались. В творчестве ряда эмигрантов сформировался развёрнутый «китайский текст», в котором была предпринята попытка раскрыть философско-этические категории китайской культуры, а также воссоздать многообразную картину жизни китайского народа.

4. Особую роль в создании «китайского текста» литературы русской восточной эмиграции играла *поэзия*, в рамках которой создавались лирические произведения, передающие мир китайской культуры (стихотворения А. Несмелова, В. Перелешина, Л. Андерсен, А. Ачаира, К. Батурина, М. Волина, Ю. Крузенштерн-Петерец, М. Коростовец). Работая над переводами (или поэтическими переложениями) китайских поэтических текстов, русские поэты нередко экспериментировали с формой стихов (в духе экспериментов поэтов Серебряного века).

5. «Китайский текст» литературы русского восточного зарубежья оставался органичной частью русской культуры и наследовал традиции русской классической литературы «Золотого» и «Серебряного» веков. Эта особенность выражалась, в частности, в стремлении не столько продемонстрировать необычный «восточный» колорит, сколько понять и принять «чужую» культуру, проникнуть в глубины китайской философии и религии.

6. Прозаический вариант «китайского текста» в большей степени ориентировался на *реалистические* традиции (с использованием отдельных принципов, идущих от символизма и фантастических приёмов); поэтический вариант «китайского текста» ориентировался на традиции русской литературы Серебряного века, в первую очередь, – на направление *символизма*.

7. На протяжении 1920–1930-х гг. «китайский текст» русской поэзии постепенно изменялся: от ранних романтико-идеалистических (и во многом иллюзорных, идущих от литературы) представлений о Китае как «экзотичном Востоке», «потаённой», «неразгаданной» и «непостижимой» стране, – к глубоким реалистическим размышлениям о судьбе государства и народа.

8. В жанровом плане в создании «китайского текста» наибольшую роль играли «малые» формы литературы – *рассказы* и разные формы *очерков* (или *циклы* очерков) – в прозе; небольшие лирические стихотворения – в поэзии.

9. Писатели русского восточного зарубежья воссоздавали образ Китая в разных аспектах: «пространственном» (рассказы и очерки Н. Байкова), «временном» (рассказы А. Хейдока), историко-культурном («этюды» Л. Арнольдова).

10. Изображая Китай, русские писатели создали систему связанных с китайской культурой символов, органично вытекавшую из традиционной китайской культуры. В её основу легла *система мотивов* и особых

ключевых слов («дракон», «феникс», «лотос», «орхидея», «бамбук», «чумиза», «джонка», «фанза», «гаолян», «рикша», «веер», «шёлк», «чай» и некоторые другие). «Сопки Манчжурии, жёлтая Сунгари, лица, виды, уличные сценки, китайские виньетки, музыка, праздники, заклинания, тайфуны, драконы, храмы, рикши и даосские боги – все это густо, цветисто, одушевлённо впервые пропитало ткань русского стиха», – отмечал В.М. Крейд, характеризуя русскую поэзию Харбина и Шанхая 1920–1930-х гг. [Крейд 2001: 24].

В дальнейшем эти слова и мотивы стали однозначно связываться с китайской культурой и широко использовались русской художественной литературой и публицистикой (в том числе советской и постсоветской), а также в художественных переводах текстов с китайского языка на русский.

11. В поэзии и прозе русского восточного зарубежья отразился специфический *диалект* русского населения Китая, в котором часто употреблялись использовались приближенные к русскому произношению имена собственные (названия китайских городов и имена людей – «Ми-Син», «Баошань», «Сунгали», «Нё-Н»), а также китайские слова, адаптированные под русскую речь («чифан», «курма», «джонка», «фанза», «кан», «ходя», «кули»).

Таким образом, мы можем сделать общий вывод: китайский текст русской литературы эмиграции содержал размышления о «промысле» истории и судьбе человека, затерянного в пространстве и времени, а также о принципах культурной адаптации человека, оказавшегося в «ином» культурном мире.

3.3. Выводы

Русская литература 1920–1930-х гг. развивала художественные традиции литературы предшествующих периодов. «Китайский текст» русской литературы стал в этот период развёрнутым и многообразным.

В 1920–1930-е гг. русская литература разделилась на два «потока» – «советскую» литературу и литературу «русского зарубежья». «Китайский текст» был представлен в обоих «потоках».

Исследование «китайского текста» в его «советском» и «эмигрантском» вариантах позволило прийти к следующим **выводам**:

1. После событий Октябрьского переворота в русской литературе возрос интерес к теме Востока, и, в особенности, к Китаю. Этот процесс был обусловлен сходными социальными и политическими событиями, происходившими как в России, так и в Китае, а также перемещением (эмиграцией) большого количества русских людей на территорию Китая, а населения Китая – на территорию России.

2. Интерес к Китаю был выражен как в «советской», так и «эмигрантской» литературе. Писателей, находившихся по обе стороны границы, привлекало изображение жизни китайского народа и социально-политических проблем, стоящих перед страной. С другой стороны, в обоих «потоках» русской литературы Китай представлен как *страна символов*, обладающих политическими (в «советском» варианте) или культурными (в «эмигрантском» варианте) значениями. Нередко и в том, и в другом варианте «текста» образ Китая мифологизировался.

3. В «советском» варианте «китайского текста» большее внимание уделялось *политическим (идеологическим)* аспектам: описанию «классовой борьбы» и борьбы с «буржуазией», «мировым империализмом», изображению «революционных» выступлений «масс» трудящихся, представлению бедствий китайского народа и возможной помощи ему со стороны советских людей; «китайский народ» рассматривался в качестве «брата» советского народа и его «соратника» по борьбе. «Китайский текст» советской литературы по преимуществу был частью *пропагандистской* литературы, направленной на решение политических задач.

4. Обращение к изображению Китая в литературе 1920–1930-х гг. (впрочем, как и в русской литературе XIX в.) осуществлялось

преимущественно с целью *осмысления* событий, происходивших в России (Советском Союзе).

5. В «эмигрантском» варианте «китайского текста» большее внимание уделялось *этико-философским* проблемам; эмигрантская проза наследовала реалистические традиции русской «натуралистической» литературы, а также очерковой литературы путешествий («травелогов»); поэзия – традиции русской литературы Серебряного века (символизма и – в меньшей степени – акмеизма).

6. В «советском» варианте «китайского текста» были представлены два стилевых варианта: «*обобщённо-поэтический*» и «*конкретно-аналитический*». Особое место занимает в нём «орнаментальная проза» Б. Пильняка, написанная в «*ассоциативно-аналитической*» стилистике.

7. Центральное место в «советском» варианте «китайского текста» занимала *проза*; в его «эмигрантском» варианте были представлены как *проза*, так и *поэзия*.

8. «Советский» вариант «китайского текста» был ориентирован на решение актуальных *современных* задач (и соответственно часто представлял «синхронный», «горизонтальный» срез общественной жизни), или же был направлен в ближайшее *будущее* (представляемого для советского и китайского народов «общим» или «похожим»). «Эмигрантский» вариант «китайского текста» был в большей мере ориентирован на рассмотрение нравственно-философских и «культурных» проблем (то есть представлял «диахронический», «вертикальный» срез культуры).

9. «Советский» вариант «китайского текста» был насыщен пафосом *оптимизма* (нередко слишком демонстративного и показного); «эмигрантский» вариант, наоборот, часто выражал *трагическое* мироощущение и «пафос» *пессимизма*.

4. КИТАЙСКИЙ ТЕКСТ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1940–2010-х гг.

Как было показано в предшествующих разделах, в русской литературе 1920–1930-х гг. сформировался развёрнутый «китайский текст», который был представлен в двух «потоках». Первый «поток» – «советский», в рамках которого ставились преимущественно идеологические задачи; второй – «эмигрантский», в котором решалась проблема сохранения культурных традиций Серебряного века.

В соответствие с этими установками в этих двух разновидностях «китайского текста» отличался подход к изображению Среднего государства.

В «советском» варианте акцент делался на раскрытии социальных противоречий общества, изображении бедственного положения трудящихся и протестного («революционного») движения «народных масс», разоблачении «угнетателей народа» (местных чиновников и феодалов, а также «мирового империализма, – прежде всего, Великобритании), воспроизведении многочисленных сцен насилия и т.п.

В «эмигрантском» варианте идеологические вопросы затрагивались в меньшей степени (если не считать книги, созданные генералами Русской армии, которые, правда, нельзя рассматривать как собственно художественные произведения и которые были обращены не в «китайское настоящее», а в «русское прошлое»). В наибольшей степени писателей русской восточной эмиграции интересовали (наряду с проблемами русских диаспор) вопросы взаимодействия русского и китайского народов – в бытовом, культурном, нравственно-философском аспектах.

В то же время в обеих разновидностях «китайского текста» можно было встретить правдивые, исторически конкретные описания Китая и особенностей жизни и быта китайского народа. Представителей «советского варианта» в большей мере интересовал городской быт разных социальных слоёв китайского общества; «эмигрантского» – взаимодействие

китайской природы и человека (собираТЕЛЬный образ маньчжурской тайги в произведениях Н. Байкова).

В последующий период «китайский текст» русской литературы продолжал своё существование. Однако в начале 1940-х гг. ситуация, связанная с особенностями его функционирования, и его структура стали существенно изменяться.

В истории развития «китайского текста» русской литературы в 1940–2010-е гг. можно выделить несколько **периодов**, каждому из которых мы дадим условное название.

1. «Завершение русской китайской эмиграции» (1940–1949).

Первый период связан с началом Мировой войны на Дальнем Востоке; его завершение ознаменовано приходом к власти коммунистов и созданием нового государства – Китайской Народной республики.

После оккупации Маньчжурии и ряда городов Северо-Восточного Китая японской Квантунской армией значительная часть русских эмигрантов, проживавших в Харбине, Цицикаре, Мукдене и других городах в районе КВЖД стала уезжать в южные провинции страны: Тяньзинь, Пекин, Ханькоу, Шанхай (некоторые представители русского населения – у кого была такая возможность – отправлялись в Европу, Австралию, США). По мере продвижения японской армии вдоль побережья Китая на юг большая часть русских концентрировалась в Шанхае (преимущественно на территории Французской концессии, которую стали называть «русским районом» Шанхая).

Завершение истории русского «белого» («эмигрантского») Харбина (и прилегающих к КВЖД «русских городов») началось в 1945 г. – после вступления в него Красной Армии.

В последующие годы прекратилась история «русского Тяньзиня», «русского Пекина», «русского Ханькоу» (правда, российские анклав были

там значительно меньше по численности населения и по интенсивности культурной жизни). Дольше всех продержался «русский Шанхай», однако после его оккупации японцами русское население города переживало огромные трудности. Завершилась история русского Шанхая вскоре после 1948 г., когда к власти пришла Коммунистическая партия Китая. Значительная часть русских эмигрантов вернулась в Советский Союз; те, кто не хотел туда возвращаться, эмигрировали в страны Европы, Австралию и США. Несколько тысяч русских нашли временное прибежище на острове Тубабао (Филиппины), откуда рассеялись по всему миру (преимущественно в страны Латинской Америки)⁴⁸.

На протяжении этого периода литературная жизнь русской эмиграции быстро редуцировалась: прекращалось издание журналов и газет на русском языке, сокращалось количество публикуемых книг, закрывались русскоязычные издательства. В этот период завершалась литературная деятельность писателей старшего поколения; в то же время появились и некоторые молодые писатели (например, Н.И. Ильина), возможности для публикаций которых были весьма ограничены (они издавали свои произведения преимущественно в Шанхае).

Большинство харбинцев и шанхайцев после приезда в СССР прекратило литературное творчество. Некоторые писатели, переехавшие в Советский Союз, погибли (как, например, А. Несмелов [Митропольский]); другие после приезда в СССР надолго либо прекратили литературную деятельность (как, например, А. Хейдок), либо коренным образом изменили проблематику своего творчества (как, в частности, А.Н. Вертинский) и в дальнейшем не обращались к теме Китая.

Известный поэт-философ Л.В. Гроссе [Гроссе 1930], который после тщательного обдумывания принял решение вернуться на родину, был

⁴⁸ Наиболее полное описание жизни русских в лагере на острове Тубабао представлено в книге Н.В. Моравского «Остров Тубабао: 1949–1951. Последнее пристанище российской Дальневосточной эмиграции» [Моравский 2000] и Т.В. Таболиной «Русский дом на Тубабао» [Таболина 2016].

арестован через год после возвращения; где и когда он погиб, до сих пор не установлено. Харбинский поэт А. Ачаир [А.А. Грызов], который провёл в сталинских лагерях 10 лет, полностью прекратил занятия творчеством и никому (даже самым близким людям) не рассказывал ни о «харбинской» жизни, ни о «гулаговском» прошлом [Ачаир 2009].

Харбинский и шанхайский поэт М.Ц. Спургот [Пурга], друг А.П. Хейдока (и, так же, как и Хейдок, ученик Н.К. Рериха) [Спургот 1931], вспоминал спустя много лет: «Я весь свой литературный архив оставил в Китае с тем, чтобы его привезла моя – теперь бывшая – жена: она должна была выехать вслед за мной, однако приехала только через несколько лет. Перед отъездом же сожгла все мои книжки, вырезки напечатанного из газет и журналов и даже рукописи, опасаясь везти с собою, подозревая, что я репрессирован. Так оно и было: я был репрессирован в начале 1951 года и реабилитирован в конце 1955 года» [Дело «харбинцев»: электронный ресурс].

В Советском Союзе в 1940-е гг. тема Китая рассматривалась в особом ракурсе, – а именно в связи с событиями, происходившими в Порт-Артуре (во время войны с Японией в 1904–1905 гг.) и Маньчжурии (во время первой войны с Японией и Второй Мировой войны). Прежде всего назовём роман А.Н. Степанова «Порт-Артур» (1940–1941) [Степанов 1940; Степанов 1941], его же «Рассказы об обороне Порт-Артура» (1946) [Степанов 1946], многократно переиздававшиеся в последующие десятилетия, а также незавершённый роман «Семья Звонарёвых», являвшийся продолжением «Порт-Артура» [Степанов 1959]. Событиям второй войны с Японией был посвящён роман П.Л. Далецкого «На сопках Маньчжурии» [Далецкий 1951]⁴⁹, создававшийся в конце 1940-х гг.

⁴⁹ В последующие десятилетия советские писатели неоднократно обращались к теме русско-японских войн и событиям, происходившим в Маньчжурии. Это, например, повесть П. Мильто «На сопках Маньчжурии» (1967) [Мильто 1967], роман А. Котенёва «На сопках Маньчжурии» (1985) [Котенёв 1985], роман М. Толкача «На сопках

Однако в этих романах на первом плане было изображение событий русско-японской войны: воссоздание исторической обстановки, описание военных действий и героизма русских солдат и офицеров, действий японского командования; изображение реалий, имевших отношение к Китаю и китайскому населению, было эпизодическим.

2. «Великая дружба» СССР и КНР (1950–1960)

Второй период начинается вскоре после создания в Китае социалистического государства и завершается с началом Культурной революции. На протяжении этого времени между СССР и КНР устанавливаются тёплые взаимоотношения. Десятки тысяч советских граждан выезжает в Китай для помощи стране в процессе построения социализма и её индустриализации: с другой стороны, большое количество граждан Китая приезжает в СССР для работы на советских промышленных предприятия или для обучения в советских вузах.

В это время в СССР активно начинают издаваться переводы китайской классической и современной литературы.

Так, например, на протяжении 1950-х гг. в Советском Союзе были напечатаны четыре классических китайских романа – «Троецарствие» (三国演义 – Sānguó Yǎnyì) (1954) Ло Гуаньчжуна (罗贯中 – Luó Guànzhōng) [Ло Гуаньчжун 1954], «Сон в красном тереме» (红楼梦 – Hóng lóu mèng) (1958) Цао Сюэциня (曹雪 – Cáo Zhān) [Цао Сюэцин 1958], «Путешествие на Запад» (西游记 – Xī Yóu Jì) (1959) У Чэньэня (吴承恩 – Wú Chéng'ēn) [У Чэньэнь 1959], «Речные заводи» (水浒传 – Shuǐ hǔ zhuàn) (1959) Ши Найаня (施耐庵 – Shī Nài'ān) [Ши Найань 1959], а также некоторые другие

Маньчжурии» (2008) [Толкач 2008], роман Т. Чернова «В те дни на Востоке» (1994) [Чернов 1994], приключенческий роман в жанре «альтернативной истории» А. Рыбакова «На сопках Маньчжурии» (2009), сборник рассказов В. Михальского «На сопках Маньчжурии» (2019) [Михальский 2019]. Как можно увидеть из приведённого перечня, название «На сопках Маньчжурии» стало для русской литературы знаковым.

классические произведения, – например, романа У Цзинцзы (吴敬梓 – Wú Jìngzǐ) «Неофициальная история конфуцианцев» (儒林外史 – Rúlín wàishǐ) (1959) [У Цзинцзы 1959], прекрасные художественные переводы которых были выполнены Д. Вознесенским, В. Колоколовым, В. Панасюком, А. Рогачёвым, Н. Федоренко. Были переизданы и выполненные ранее переводы произведений китайской литературы, – например, новеллы Пу Сунлина (蒲松龄 – Pú Sōnglíng) («Лисьи чары»; «Странные истории»; «Монахи-волшебники»; «Рассказы о людях необычайных», «Странные истории. Рассказы Ляо-Чжэя») [Пу Сунлин 1955; Пу Сунлин 1957], осуществлённые академиком В.М. Алексеевым [Пу Сунлин 1928].

Была опубликована и китайская классическая поэзия [Китайская классическая поэзия... 1956], блестящие переводы которой были выполнены Л.З. Эйдлиным (поэты Тао Юаньмин (陶渊明 – Táo Yuānmíng), Ли Бо (李白 – Lǐ Bái), Ду Фу (杜甫 – Dù Fǔ), Гао Ши (高适 – Gāo Shì), Бо Цзюй (白居易 – Bái Jūyì) и другие) и А.И. Гитовичем (поэты Цюй Юань (屈原 – Qū Yuán), Ван Вэй (王维 – Wáng Wéi (второе имя – Мо Цзе 摩诃 – Mó Jié), Го Можо (郭沫若 – Guō Mòruò), Мао Цзэдун (毛泽东 – Máo Zédōng) и другие).

На протяжении этого периода активно издавалась современная китайская литература – собрания сочинений классиков литературы XX в. Лу Синя (鲁迅 – Lǔ Xùn) [Лу Синь 1954–1956], Лао Шэ (老舍 – Lǎo Shě) [Лао Шэ 1957], Го Можо [Го Можо 1955] и других.

Активно стала издаваться в это время детская литература. Это были либо переводы произведений китайских детских писателей (например, повесть «Линь большой и Линь маленький» Чжан Тяньи (张天翼 – Zhāng Tiānyì) [Чжан Тяньи 1958]), либо произведения советских писателей о жизни детей Китая («Рассказы Мей Лин» О. Гурьян [Гурьян 1957], либо произведения, в которых появлялись персонажи-китайцы (поэма для детей «Путешествие зайца Антошки <...> сказка про зайца Антошку, про

таежную речку Морошку, про китайского мальчика Вана и про девочку – просто Светлана» Н. Наволочкина [Наволочкин 1959]).

Особая разновидность советской детской литературы 1950-гг. – «авторизованные» переводы китайских сказок [Китайские народные сказки 1951; Китайские народные сказки 1953; Китайские сказки 1954; Китайские сказки 1955; Китайские сказки 1957; Китайские сказки 1959; Братья Лю 1959⁵⁰]. На протяжении рассматриваемого периода было издано несколько десятков таких книг, авторы (составители, переводчики) которых (С. Кожевников, Н. Куракин, А. Любарская, М. Моценок, К. Петренко, Б. Рифтин, И. Токмакова, В. Туркин, Н. Ходза, Л. Чернова, И. Янин и другие) исходили из разных принципов художественной интерпретации китайских сказок. Изучение этих принципов заслуживает специального исследования.

В числе «сочинителей» «китайских сказок» можно назвать и пермского писателя Л.И. Кузьмина, создавшего в начале 1950-х гг. литературную сказку «Звезда счастья» (произведение сохранилась в рукописи), в которой описывается встреча в «Стране Счастья» «мудрого» Председателя Мао с «Великим Вождём Мира» (Сталиным), который дарит «Рубиновую Звезду Счастья», изменяющую к лучшему жизнь народа далёкой «восточной страны» [Абашева; Зырянова 2019: 82–83].

Тогда же публикуется ряд книг просветительского плана, в которых описывается современный Китай. Эти издания продолжили традиции «просветительской» литературы путешествий, которая создавалась в конце XIX – начале XX вв. В качестве примера сошлёмся на книгу Н.П. Кончаловской и Ю.С. Семёнова «Чжунго, нинь хао!», опубликованную в 1959 г., в которой описывалась поездка авторов в дружественный Китай и делалась попытка раскрыть некоторые особенности китайской культуры, а также изменения, происходящие в стране в

⁵⁰ Здесь перечислена только небольшая часть изданий китайских сказок, опубликованных в 1950-е гг.

результате социалистических преобразований [Кончаловская, Семёнов 1959].

Таким образом, можно отметить, что на протяжении 1950-х гг. в Советском Союзе резко возросло количество информации о культуре Китая, что должно было способствовать развитию «китайского текста» русской литературы. Однако ситуация сложилась по-другому, и этот процесс отложился на несколько десятилетий.

С началом Культурной революции диалог СССР и Китая существенно сократился, и это повлияло на образ Китая, представленный в художественной литературе и в обыденном сознании рядовых советских граждан. Большая часть книг о Китае, изданных в это время, носила заказной политической характер и касалась преимущественно событий Культурной революции (и к художественной литературе они отнесены быть не могут).

В качестве примера издания, имевшего определённый художественный потенциал, можно назвать публицистическую книгу П.П. Владимирова ⁵¹ «Особый район Китая» [Владимиров 1977], основанную на дневниковых записях автора, работавшего в Китае в 1942–1945 гг., подготовленную к печати его сыном – известным спортсменом и писателем Ю.П. Власовым (книга издавалась дважды – в 1973 и в 1977 г.).

3. «Новый диалог с Китаем» (1980-е – 1990-е гг.)

Третий период связан с постепенной нормализацией отношений между СССР (а в дальнейшем – Российской Федерацией) и Китаем, которая началась в конце 1970-х гг. (после завершения Культурной революции) и продолжалась на протяжении последующих двух десятилетий. В это время российские граждане вновь получили возможность посещать Китай и знакомиться с жизнью и культурой его народа. В России возобновилась

⁵¹ П.П. Владимиров (1905–1953) – дипломат, журналист, разведчик. В 1942–1945 гг. был представителем Коминтерна при ЦК КПК; в 1948–1951 гг. – генеральным консулом СССР в Шанхае.

активная публикация произведений классической и современной китайской литературы, научно-популярных исследований по китайской культуре и философии [Малявин 1992], а перестройка открыла доступ к ранее «забытой» литературе и истории русского восточного (китайского) зарубежья. В этот же период начали публиковаться мемуарные произведения бывших «харбинцев» и «шанхайцев», оказавшихся в СССР (ранее они не могли быть напечатаны по идеологическим соображениям).

Большой интерес у читателей в это время вызывали китайские единоборства и духовные практики. На эту тему, например, была издана серия научно-популярных книг известного российского востоковеда профессора А.А. Маслова, посвященная духовным традициям китайской цивилизации [Маслов 1990; Маслов 1996], которая была продолжена в 2000–2010-е гг. [Маслов 2003; Маслов 2004] или книги А.Н. Медведева и И.Б. Медведевой [Медведев, Медведева 2001].

Можно отметить публикацию приключенческой детективной повести журналиста и писателя А.М. Левина (кстати, много лет работавшего в дальневосточных странах) «Жёлтый дракон Цзяо» (1980; 1991), в которой описывалась деятельность китайской мафии («триады»), изданную в двух принципиально различавшихся версиях [Левин 1980; Левин 1991].

Теме освоения пространства Востока (Китая, Японии, Кореи) и истории Китая был посвящён исторический роман писателя Г.Д. Мельникова «В страну Восточную придя...» (1886–1989), в котором, в частности упоминался известный дипломат и востоковед начала XX в. – князь Э.Э. Ухтомский (сопровождая будущего Царя Николая II во время его путешествия в восточные страны).

В 1980–1990-е гг. стали активно издаваться научные исследования и популярные материалы, посвящённые истории Китая и литературе русского Зарубежья, а также многочисленные туристические «путеводители» – описания путешествий по стране, имеющие «прикладной» характер

(широкому распространению которых, в частности, способствовало развитие глобальной сети Интернет).

Основное содержание данного периода можно определить как количественное наполнение и качественное развитие представлений о Китае.

4. «Художественное представление» Китая (2000-е – 2010-е гг.)

На протяжении *четвёртого периода*, начавшегося в «нулевые» годы, продолжалось дальнейшее развитие тенденций, проявившихся предшествующий периода, чему способствовало появление художественных произведений, в которых был представлен художественный образ Китая, его пространство и история, а также жизнь русской эмиграции.

В это время активно издаются популярные исторические исследования, посвященные отдельным событиям истории Китая. В качестве примера сошлёмся на научно-популярные исторические исследования, посвящённые быту и нравам Китая, известных синологов В.Н. Усова [Усов 2000; Усов 2003; Усов 2004; Усов 2007; Усов 2014] и В.В. Малявина [Малявин 2008].

Публиковались в это время многочисленные книги о менталитете китайцев, традициях и особенностях культуры страны, адресованные широкому читателю работы. В качестве примера работ, основанных на глубоком понимании материала, можно назвать книги профессора В.В. Малявина [Малявин 2005; Малявин 2007].

В это время в литературу вошло новое поколение писателей, создававших *художественные* произведения о Китае и о русской восточной эмиграции (которые интересуют нас в первую очередь), в числе которых можно назвать В. Рыбакова, И. Алимова, А. Коростелёву, Е. Анташкевича, Э. Барякину и некоторых других.

Данный период оказался наиболее плодотворным для развития «китайского текста» русской литературы.

Если обратиться к произведениям, отнесённым нами к «китайскому тексту» в *жанрово-стилевом* аспекте, то представляется возможным выделить несколько разновидностей произведений, описывающих Китай. Эти «разновидности» связаны с разными жанрами и с разными (в том числе «внелитературными») функциями, обладают неодинаковой степенью художественности.

Назовём основные жанрово-стилевые разновидности произведений, включённых в «китайский текст».

К *первой разновидности* мы предлагаем отнести произведения, относящиеся к *жанру литературных мемуаров*. Большая часть таких произведений создавалась младшим поколением представителей русских диаспор в Шанхае и Харбине спустя несколько десятилетий после отъезда из страны (например, воспоминания профессора Г. Сильницкого «Осмысление прошлого» [Сильницкий 2019]); часть из этих воспоминаний была опубликована только в интернете (мемуары А. Титова «Здравствуй, Шанхай!» и «Временный рай»; книги О. Штифельмана «Крошка из Шанхая, или Маленький человек по пути в царство советское» и Г. Елисеева «Узоры судьбы»).

К *второй разновидности* мы предлагаем отнести произведения, в которых воссоздавалась жизнь русского анклава в Китае (написанные, как правило, в жанре *романа*). В качестве примера сошлёмся на произведения Э. Барякиной, Е. Анташкевича, Б. Акунина, которые были изданы в 2000–2010-е гг. (более подробно об этих произведениях мы будем говорить в дальнейшем).

К *третьей разновидности* мы предлагаем отнести произведения о Китае, создававшиеся *специалистами-синологами*, в которых чаще всего были представлены события «альтернативной» («потенциальной»)

истории. Такими произведениями можно можно назвать повести и романы, созданные известными российскими китаеводами И. Алимовым и В. Рыбаковым (анализ произведений которых будет предложен в дальнейшем), роман литовского исследователя буддизма В.Б. Коробова (создающего художественные тексты на русском языке) под названием «Дальневосточные экспедиции князя Э.Э. Ухтомского и тантрийские мистерии ni-kha-yung-slei' man-su-rob-ha (Из истории семиотических культов)» (2000), стилизующий формы исторического, религиоведческого и литературоведческого исследования, главным героем которого является российский учёный-востоковед и дипломат князь Э.Э. Ухтомский, якобы обнаруживший во время одной из своих восточных экспедиций мистический трактат под названием «Книга Юнглай Мансурова».

В эту группу можно включить роман писателя В. Антонова «Китайская петля» [Антонов 2002] и двухтомный роман А. Орлова «Харбинский экспресс» [Орлов 2008; Орлов 2009], трилогию В. Давыдова «Наследники по прямой» [Давыдов 2008]. Все эти произведения, созданные в 2000–2010-е гг., можно отнести к жанрам *«интеллектуально-детективного»* или *авантюрно-приключенческого* и *фантастического* романов (нередко – ко всем этим разновидностям одновременно).

К этой разновидности в ряде аспектов примыкают повести и романы писателей-постмодернистов В.Г. Сорокина и В.О. Пелевина, в которых нередко используются «открытые» и «скрытые» цитаты из китайских классических текстов, а также упоминания Китая или предметов, связанных с этой страной.

Названные нами основные жанровые разновидности «китайского текста» 2000–2010-х гг. не исчерпывают перечень создававшихся в этот период произведений на китайскую тему. Например, в качестве примера текста, не укладывающегося в предложенную типологию, можно привести исторические любовные и детективные романы писательницы

Е. Арсеньевой, в которых появляются необычные артефакты, связанные с Китаем (романы «Коллекция китайской императрицы. Письмо французской королевы» [Арсеньева 2014], «Клад маньчжурской принцессы» [Арсеньева 2018]; «историческая новелла» «Ядовитая орхидея» [Арсеньева 2007]).

Среди произведений, описывающих Китай, можно назвать также роман писателя В.В. Чекунова «Шанхай: Любовь подонка» [Чекунов 2010], описывающий любовную историю российского преподавателя русского языка как иностранного, работающего в Шанхае, книгу А.А. Коростелёвой «Цветы корицы, аромат сливы», в которой изображение жизни китайских студентов, оказавшихся в современной России, сочетается с описанием фантастических сцен в духе «альтернативной истории» [Коростелёва 2013], историко-приключенческую повесть Г.М. Литвинцева «Молодым не ходи в Гуандун» [Литвинцев 2017], детективную повесть Е.И. Савиной «Проклятие китайского колдуна» (2013) [Савина 2013], рассказ писателя и литературоведа А.Н. Варламова «Шанхай» (2004), роман писателя-постмодерниста В.Г. Сорокина «Лёд» (2002) (вошедший в состав так называемой «Ледяной трилогии»), выразившие некоторые идеи даосской философии, а также некоторые другие произведения, которые не укладываются полностью в предложенную классификацию.

В своей диссертации мы специально остановимся только на трёх основных разновидностях, поскольку именно они – с нашей точки зрения – представляют наиболее значимые и оригинальные литературные явления.

4.1. «Китайский текст» мемуарной литературы 1950–2010-х гг.

Как мы уже отмечали, большинство харбинских и шанхайских писателей после приезда в СССР прекратило литературное творчество; те, кому всё-таки удалось его продолжить, уже не обращались к теме Китая.

Исключение составляет небольшая группа писателей (таких, как, например, Вс.Н. Иванов [Иванов 1952; Иванов 1954] или Н.И. Ильина

[Ильина 1966]), которые оставили воспоминания о своей жизни в эмиграции (созданные преимущественно в 1950-е гг.), – правда, весьма неполные и содержащие подчёркнутые идеологизированные («советские») оценки.

Русские эмигранты (особенно представители молодого поколения) хорошо понимали, что история китайского русского зарубежья завершается и что будущее может быть связано либо с Советским Союзом, либо с какими-либо иными странами, расположенными в Европе (как идеал), Австралии, Северной или Южной Америке... Поэтому в 1940-е гг. Китай интересовал их в меньшей степени, чем раньше.

Представителей молодого поколения эмиграции не увлекала проблема сохранения ценностей русской культуры Серебряного века, Большинство представителей этого поколения не знало и не помнило Россию и русскую жизнь⁵². Китай, на территории которого они родились (или где прошла большая часть их жизни), был им хорошо знаком (в разных аспектах), но не представлял интереса в художественно-изобразительном плане, и – в отличие от старшего поколения писателей-эмигрантов – они не стремились его эстетизировать. Такое отношение к Китаю влияло на их восприятие жизни. В своих мемуарных произведениях они описывали преимущественно эпизоды собственной жизни или события в жизни русской диаспоры.

Большая часть воспоминаний о харбинской и шанхайской жизни была опубликована значительно позднее – в конце 1980-х гг. (период «перестройки») – или уже в «постсоветский» период, в 1990-е гг. Оставили воспоминания преимущественно те из эмигрантов, кому удалось дожить до «перестройки», однако в них по большей части описывались либо эпизоды эмигрантской жизни (осмысленные с «исторической дистанции»), либо

⁵² Харбинская и шанхайская поэтесса Ларисса Андерсен писала: Я думала, Россия — это книжки. / Все то, что мы учили наизусть. / А также борщ, блины, пирог, коврижки / И тихих песен ласковая грусть. / И купола. И темные иконы. / И светлой Пасхи колокольный звон. / И эти потускневшие погоны, / Что мой отец припрятал у икон. / Все дальше в быль, в туман со стариками. / Под стук часов и траурных колес. / Россия – вздох. / Россия – в горле камень. / Россия – горечь безутешных слез.

события, происшедшие с авторами после репатриации. Поскольку создатели таких произведений имели возможность рассматривать жизнь с временной дистанции, спустя несколько десятилетий после завершения истории «русского Шанхая» и «русского Харбина», тексты этих произведений отличались аналитизмом, точными интерпретациями прошедших событий.

Так, например, писатель Н.Ю. Янковский, арестованный в 1946 г. «за оказание помощи международной буржуазии», в 1991 г. опубликовал автобиографическую повесть «Долгое возвращение» [Янковский 1991]).

Переехавший в Советский Союз писатель Ин. Пасынков описал последние дни поэта А. Несмелова, являвшегося его сокамерником: «Внешний вид у всех нас был трагикомический <...>, а моральное состояние вам нечего описывать. Помню, как А.И. нас всех развлекал, особенно перед сном, своими богатыми воспоминаниями, юмором, анекдотами, и иногда приходилось слышать смех и оживление, хотя в некотором роде это походило на пир во время чумы...» [Несмелов 2006: 4.].

Бывший харбинский писатель М.П. Шмейссер [Шмейссер 2006], участник литературного кружка «Молодая Чураевка» и Литературно-художественного кружка при харбинском Объединении монархистов, живший после освобождения из сталинских лагерей в г. Свердловске (ум. в 1986 г.), писал по поводу своей жизни в СССР: «...Я фактически перестал быть поэтом и писателем. В 1945 году был репрессирован (как и Ачаир, и Несмелов), сначала был на Урале, потом в Воркуте, в 1954 году вышел из мест заключения, в 1957 году был реабилитирован... Видимо, лагерь был для меня слишком сильной психической травмой, от которой трудно было войти в состояние прежнего творческого настроения» [Шмейссер 1986: 78–79].

Определённая часть мемуарных произведений, созданных представителями более молодого поколения российских эмигрантов, была опубликована уже в 2000–2010-е гг. Среди них прежде всего следует

назвать книгу известного шанхайского врача профессора В.П. Смольникова, который переехал в Советский Союз в 1954 г. Его «Записки шанхайского врача», основанные на дневниковых записях, которые автор вёл в период своей жизни в Шанхае, содержали описание множества фактов городского быта Французской концессии и Международного Сеттльмента, проникнутое авторским ироничным взглядом на действительность. Работа над книгой была завершена в 1976 г., однако издана она была только в 2001 г. [Смольников 2001].

Некоторые из мемуаров были опубликованы только в интернете, – например, воспоминания «Узоры судьбы» Г. Елисеева⁵³ и «Крошка из Шанхая, или Маленький человек по пути в Царство Советское» О. Штифельмана⁵⁴. В 2010-е гг. была издана книга профессора Г. Сильницкого «Осмысление прошлого (четыре круга спирали одной жизни)», в одном из разделов которой («Первый круг. Русский Шанхай») описываются юношеские годы автора, проведённые в Шанхае [Сильницкий 2017: 5–38]. Во всех этих произведениях изображается жизнь русского Шанхая в 1940-е гг., однако эпизоды, связанные с Китаем и с «китайским аспектом» жизни русской эмиграции, присутствуют только в нескольких эпизодах.

Мемуарные произведения, затрагивающие жизнь в Китае, оставили некоторые представители последнего поколения русской эмиграции, оказавшиеся на Западе (преимущественно в США и во Франции). В качестве примера приведём воспоминания проживавшей во Франции О.И. Ильиной-Лаиль (младшей сестры Н.И. Ильиной, уехавшей в СССР) «Восточная нить» [Ильина-Лаиль 2003] и «Восток и Запад в моей судьбе» [Ильина-Лаиль

⁵³ См.: http://samlib.ru/g/georgij_n_e/uzory_sudby.shtml. (Дата обращения: 12.08.2019).

⁵⁴ См.: <https://www.russianshanghai.com/articles/post5340> (часть 1);
<https://www.russianshanghai.com/articles/post5707> (часть 2);
<https://www.russianshanghai.com/articles/post6491> (часть 3);
<https://www.russianshanghai.com/articles/post7125> (часть 4). (Дата обращения: 12.08.2019).

2007] или Е.А. Якобсон [Якобсон 2004]. Некоторые из них были тоже опубликованы только в интернете, – как, например, воспоминания проживавшего в США А. Титова – «Здравствуй, Шанхай! (Воспоминания шанхайского соотечественника)»⁵⁵, в которых описывалась шанхайская молодость автора, и «Временный рай»⁵⁶, в которых воспроизводилось юношеское восприятие пребывания на филиппинском острове Тубабао (и те, и другие мемуары размещены на Сайте Российского консульства в Шанхае⁵⁷).

Однако в этих мемуарах основное внимание уделяется описанию быта русских анклавов, а жизнь людей страны, в которой были расположены «островки русского рассеянья», затрагивалась в лучшем случае эпизодически.

Исключением (из известных нам источников) можно назвать, пожалуй, только книгу П. Гуляра (1901–1978) «Забытое королевство» [Гуляр 2012]. Пётр Гуляр (английский вариант фамилии – Goullart, Гулларт) родился в Москве, после событий 1917 г. переехал в Китай. Ему удалось хорошо овладеть китайским языком и несколькими его диалектами; он стал исповедовать религию даосов. П. Гуляр жил во многих провинциях Китая; в 1930–1940-е гг. он занимал ответственные должности в сети китайских индустриальных кооперативов, что позволило ему прекрасно понять особенности культуры Китая.

После 1949 г. П. Гуляр переехал в Сингапур, в котором прожил остаток жизни. В Сингапуре им был опубликован ряд этнографических работ, в которых изображалась жизнь обитателей Китая и Тибета. В книге «Забытое королевство» описывались провинции Лицзян и Сикан (в настоящее время – части провинции Юньнань) и населяющие её народы –

⁵⁵ См.: <http://dereksiz.org/aleksandr-alekseevich-titov-zdravstvuj-shanhaj.html>. (Дата обращения: 12.08.2019).

⁵⁶ См.: <https://www.russianshanghai.com/hi-story/now/post567>. (Дата обращения: 12.08.2019).

⁵⁷ См.: <https://rusconshanghai.mid.ru/vospominania-o-sanhae-aleksandra-titova>. (Дата обращения: 12.08.2019).

наси, ицзу, боа, мицьзя. Книга П. Гуляра отличалась точностью этнографических зарисовок, яркостью образов представителей местного населения.

Однако, скорее всего, эту книгу будет неправомерно относить к «китайскому тексту» русской литературы (хотя тематически она, несомненно, примыкает к нему), поскольку она была издана на английском языке (под названием “Forgotten Kingdom” [Goullart 1957]), а на русский переведена только в 2012 г. [Гуляр 2012].

Обратимся более подробно к анализу двух совершенно разных автобиографических изданий, воспроизводящих жизнь в Китае, – книге воспоминаний Е.А. Якобсон «Пересекая границы: Революционная Россия – Китай – Америка» [Якобсон 2004⁵⁸] и книги Д.Т. Зайцева «Повесть и житие Данилы Терентьевича Зайцева» [Зайцев 2015]. В этих мемуарах описывается примерно одно и то же время, и созданы они были приблизительно через 40 лет после отъезда из Китая.

Автор первой книги, Е. Якобсон (1913–2002), провела юность в Харбине, потом перебралась в Тяньцзинь (который характеризовался ею как «цитадель многонационального колониального правления»); в 1938 г. она переехала жить в Соединённые Штаты Америки. Е. Якобсон родилась в семье русской интеллигенции, и мемуары отразили точку зрения людей её круга на происходившие в русской эмигрантской общине события. Анализируемая книга изначально была написана и опубликована на английском языке [Yakobson 1994] (задуманный авторский перевод на русский язык не был завершён), однако мы сочли возможным рассмотреть её в нашей диссертации, поскольку в ней передаются типичные для русской китайской эмиграции представления.

⁵⁸ Книга изначально была написана и опубликована на английском языке [Yakobson 1994]; авторский перевод на русский язык не был завершён.

Автор второй книги, Д. Зайцев, родившийся в 1933 г. на территории Китая (в нынешней провинции Синьцзян, расположенной на северо-западе страны), принадлежал роду «кержаков» – старообрядцев, которые переехали из Керженца в Сибирь, потом – на Алтай, а в 1918 г. пересекли границу и оказались в Китае; оттуда – после начала построения в Китае социалистического общества – эмигрировали в Латинскую Америку, затем переехали в Северную Америку; после разрушения Советского Союза на несколько лет вернулись в постсоветскую Россию, на Дальний Восток, а потом, не ужившись, опять отбыли в Южную Америку – в Аргентину. В своей книге Д. Зайцев передал крестьянский взгляд на исторические события, в которые оказалась втянута его семья, и на страны, давшие ей прибежище.

Книга **Е. Якобсон** «Пересекая границы» является одной из лучших книг о жизни русских эмигрантов. Создавалась она спустя много лет после того, как автор покинула Китай, – в 1990-е гг., и поэтому содержала не только описание прошедших событий, но и аналитические размышления, объясняющие прошлое, а также изложение опыта культурной адаптации автора в разных странах.

Е. Якобсон воспроизвела типичные вопросы, стоявшие перед любым молодым русским человеком, находившим в ситуации эмигранта, живущего в Китае: «Что будет со мной дальше? В чем мой “долг перед государством”? Каким государством? И как насчёт “служения народу”? Какому народу? Стоила ли моя жизнь что-нибудь?» [Якобсон 2004: 92]. И далее приводится характеристика восприятия ей и её семьёй их положения в Китае: «Мы отдавали себе отчёт, что Тяньцзинь – только временная остановка на пути нашего “изгнания”» [Якобсон 2004: 94]. Аналогичным образом воспринимали данную ситуацию многие другие русские, оказавшиеся в конце 1930–1940-х гг. в Китае.

Мемуары Е. Якобсон интересны тем, что в них была описана жизнь не только русских анклавов, но и китайского населения.

В книге даётся точная сопоставительная характеристика отношений, возникавших между русским и китайским населением Харбина и Тяньцзиня: «В Харбине наши контакты с китайцами ограничивались общением со слугами-китайцами и редкими выходами за пределы русского города, чтобы посмотреть на празднование китайского Нового года. В Тяньцзине мы жили в близком соседстве с местным населением; иностранные кварталы были только маленькими островками в большом городе. У наших домов на обочине улицы сидели рикши, в ожидании пассажиров обедая или обмениваясь новостями и слухами. Китайские торговцы носили свои товары в больших корзинах, свисающих с длинной палки, которую они держали на плече. Завидев потенциального покупателя, они мгновенно раскладывали свои товары. Портные, сапожники, парикмахеры и гадалки занимались своим бизнесом во дворах и в переулках иностранных кварталов» [Якобсон 2004: 92–93].

Описывает Е. Якобсон и Пекин – город, где ей часто приходилось бывать, в который она «влюбилась»: «Мне нравилась суэта городских торговых центров, каждая улица имела своё лицо и своё назначение: улица тканей, улица драгоценностей, улица кухонных принадлежностей, улица готовой одежды... Улицы с ресторанами ещё издали манили восхитительными ароматами специй. Там подавали лучшую еду в мире!» [Якобсон 2004: 53].

Е.А. Якобсон раскрывает некоторые интересные особенности жизни местного населения, – например, систему китайской медицины: «Богатые китайские семьи нанимали врача для поддержания здоровья всех членов семьи, в том числе и слуг. Врачу платили по договорённости, он мог сам выбирать время своих визитов, и, если семья оставалась здоровой, его контракт возобновлялся на следующий год. В какой-то мере он сам

становился членом семьи, его приглашали на семейные праздники: свадьбы, Новый год...» [Якобсон 2004: 94].

Интересно описана попытка издания в Тяньцзине ежемесячного журнала на русском языке (с интернациональной редакцией), названного «Китайский вестник», основной задачей которого ставилось знакомство «русских читателей с разными сторонами жизни Китая, его историей, культурой и обычаями» [Якобсон 2004: 100]. Главным редактором издания стал известный журналист и писатель Вс.Н. Иванов (о некоторых аспектах деятельности которого уже сообщалось выше). Журнал был закрыт после публикации нескольких первых номеров, поскольку его редколлегия превратилась в место сбора представителей международных шпионских организаций (центром деятельности которых был город Тяньцзинь).

Журнал должен был рассматривать, в частности, политические аспекты современной жизни Китая, которые могли заинтересовать русское население города. Е. Якобсон сообщает о том, что работала над статьёй о современных китайских студентах и об их отношении к политике Чан Кайши, «ставящей целью развитие страны через индустриализацию, сотрудничество с Западом и постепенную демократизацию» [Якобсон 2004: 106].

Е. Якобсон отмечает, что в описываемый ею период «атмосфера китайского общества» «была наэлектризована беспокойством и неуверенностью» и что ей (здесь автор мемуаров говорит от лица всей русской эмиграции) постоянно «хотелось крикнуть: “Стойте! Остановитесь! Не повторяйте наших ошибок! Мы знаем, что принесёт революция вашей стране, вашему народу!”» [Якобсон 2004: 108].

В то же время Е. Якобсон указывает на «блаженную слепоту», которая «застилала» русской эмигрантской общине взгляд на мир, совершенно не учитывавший фактор наличия мировых кризисов, войн и революций, и «отчаяние», которое охватило людей, «оказавшихся в безвыходном положении», когда Тяньцзинь был занят японскими войсками: граждане

других государств «могли вернуться из Китая в свои страны, а нам ехать было некуда, у нас не было “родины”» [Якобсон 2004: 128].

Мемуары Е. Якобсон отличаются не только точностью передачи фактов жизни русской общины, но и своеобразным «интеллектуализмом». Писательница стремилась рассматривать события, происходившие в жизни её поколения и русской общины, в контексте последующего исторического развития России и Китая, и оценить их с исторической дистанции.

Совершенно другой характер имеет книга **Д.Т. Зайцева**, написанная в начале 2010-х гг., в которой изображена жизнь старообрядческой семьи, оказавшейся в Китае. Её название – «Повесть и житие Данилы Терентьевича Зайцева» – сразу же указывает на жанровый источник произведения – древнерусское «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное». С «Житием протопопа Аввакума» текст Д. Зайцева сближают *жанровые* особенности (это автобиографическое *житие*, сочетающее в себе одновременно черты жанров древнерусской *бытовой повести*, *исповеди* и *проповеди*), *стиль*, в котором церковно-славянский языковой пласт органично объединяется с разговорной народной речью, выраженная в тексте *позиция* автора-рассказчика – человека большой силы духа, отличающегося предельной честностью, великим трудолюбием и терпением, огромным упорством и силой воли.

В основу композиции «Повести и жития» Д. Зайцева, как и «Жития протопопа Аввакума», легло представление о том, что жизнь – это тяжёлый *путь* непрерывных испытаний, по которому человеку предстоит идти в течение всей жизни (отсюда вытекает общее – по преимуществу *трагическое* – авторское *мировосприятие*).

«Повесть и житие...» можно отнести к так называемой «наивной» литературе – разновидности «народной словесности», создающейся непрофессиональными авторами, использующими для своих текстов не литературный язык, а просторечие или диалект. «Читатели», на которых

ориентированы «наивные тексты» – ближайшее окружение автора (в ситуации с Д. Зайцевым – это 11 детей и 15 внуков)

«Наивная литература» воспроизводит жизненные ситуации, вытекающие из личного опыта и переживаний создателя произведения; тексты обычно выражают *народную* точку зрения (нередко непосредственно связанную с фольклором) и использует фольклорные по своей природе сюжетные ситуации и образы. С одной стороны, она часто воспроизводит «бродячие» («мировые») образы и сюжеты; с другой стороны, – разрушает устойчивые стереотипы и стабильные художественные структуры⁵⁹.

Автором-создателем таких произведений, как правило, является человек, который хочет поделиться с читателем «жизненным опытом» и взглядами на события, в которые он был вовлечён обстоятельствами жизни. Основная тема (предмет исследования) «наивной литературы» – «жизнеописание» автора (автобиография, случаи из жизни, авторские наблюдения, изображение отдельных обрядов).

«Наивная литература» по своей природе антиномична и нередко основана на антитезах: стилевых противоречиях, контрастных эмоциях, противоположных по своему содержанию событиях.

Все эти особенности ярко выражаются в произведении Д. Зайцева.

Жизнь людей воспринимается как череда трагических событий, причины которых не имеют рационального объяснения: это некий «произвол» «высших сил» в отношении множества людей, который мешает нормальному существованию людей: «Было это в 1934 году, маме был год, дунганы начали мстить русским, за то что русски освободили китайцев. И вот набегают дунганы на деревню Чинкур. Баба Евдокея высаживала хлеб в печь, увидела сдалека пыль и догадалась, что это дунганы, схватила коня, маму под мышку и убежать, за ней ишо один дед. А остальных в деревне

⁵⁹ Более подробно о художественных особенностях литературы такого типа см. статью: Кондаков Б.В., Красноярова А.А. «“Наивная литература” как фактор литературного процесса [Кондаков, Красноярова 2016].

всех заказнили, больших и маленьких, и всё сожгли. Русские за это обиделись и давай их выслеживать и бить. Обчим, спокойно не жили: хлеб сеяли, а винтовки всегда под боком были» [Зайцев 2015: 23].

Или ещё одно описание происшедших событий: «Однажды советские пригласили наших старообрядцев на охоту, в эту группу попали троя наших – наш деда Мартивьян и ишо два мужика. Ушли и больше никогда не вернулись, и советские также – вот и догадывайся, что с ними получилось» [Зайцев 2015: 23].

Подход автора к описанию событий по своей сути оказывается космополитическим. Люди оцениваются независимо от их национальности. Описание бытовых подробностей («высаживала хлеб в печь») сочетается с рассказом о гибели большого количества людей. При этом автор не выделяет какой-то специфической «русской» («старообрядческой») точки зрения: он передаёт «общенародную» позицию и описывает «беда», которые одинаковы как для русского, так и китайского населения, которое пытается вместе обороняться от общих врагов (например, дунган, «кабиевцев», «советских», «фунфузов», «каргизинов» во главе с бандитом Оспаном и др.), мешающих мирной жизни обоих народов.

Вот как Д. Зайцев рассказывает о событиях 1933 г.: «...Начин войны, дунганы с Китаем. У дунганов план был завоевать у китайцев провинцию Синьцзян, особенно Горный Алтай. Стали наступать на город Шарасума, по пути к городу каки деревни попадали китайски, вырезали всех, женчин и детей <...> Начальник города дутун знал, что китайцам с дунганами не справиться, так как оне невоисты. Обратился к нашим старообрядцем отстоять свой город, так как оне хорошие охотники, только оне могут помогчи. Послал отряд к русским старообрядцам с просьбой подать руку в беде. <...> Один раненый коя-как добрался до нас и сообчил, что дунганы за своим следом ничего не оставляют. / – Дутун с просьбой к вам: помогите прогнать дунган. Ежлив оне нас победят, всему населению будет беда и вам, русским, ета же судьба» [Зайцев 2015: 22].

При этом показывается, что не только китайцы просят у русских помощи, но и русские не хотят воевать с китайцами («с китайцами не хотим враждовать»).

Главный критерий, из которого исходит автор при оценке событий, – соотносённость их с «добрым» («честным», справедливым) отношением к людям и с «правдой». «Советские» не нравятся ему прежде всего тем, что обманывают людей (утверждая, что у них «свобода» и люди живут в довольстве) и злом, которое они творят по отношению к народу: «В деревнях получились две партии: красные и белые. У красных была власть, и оне творили что хотели, грабили, били, издевались – над своими же. Мужики были на войне, жёны одне дома, и красны что хотели, то и творили» [Зайцев 2015: 21]. Аналогичные критерии используются при оценке исторических событий, – например, «коллективизации» или войн, очевидцем которых он оказался («Ета война была нечестна...»).

«Повесть и житие» Д. Зайцева – произведение, органично связанное с русской народной культурой и передающее народный взгляд на события, происходившие в Китае в середине XX в., и на его население. При всех жанровых и стилевых отличиях этого текста от мемуаров Е. Якобсон, мы можем обнаружить и некую *ценностно-смысловую общность* произведений, которая проявляется в стремлении дать объективную оценку прожитым событиям – исходя из полученного в последующие годы опыта, постоянным интересом к жизни китайского народа.

4.2. Харбин и Шанхай в русской литературе 2000–2010-х гг.

В 1990–2000-е гг., после того, как тема русской эмиграции стала открыта для объективного научного исследования и в России были опубликованы многие художественные произведения, созданные в Китае, а также связанные с эмиграцией исторические документы, появились многочисленные исторические, культурологические и литературоведческие исследования, посвящённые этой теме.

Помимо этого, можно отметить, что русское восточное зарубежье в 2000–2010-е гг. само стало особым предметом литературно-художественного изображения.

В числе книг, изданных на эту тему, можно назвать исследование Н.Д. Старосельской «Повседневная жизнь “русского” Китая» [Старосельская 2006] (её можно отнести к жанру «популярного исторического сочинения»), авантюрно-приключенческий роман А.Ю. Орлова «Харбинский экспресс» (в двух книгах) [Орлов 2008; Орлов 2009], роман Б. Акунина [выступающего под псевдонимом «Анна Борисова»] «Vremena Goda» [Борисова 2011], роман Э.В. Барякиной «Белый Шанхай» [Барякина 2010; Барякина 2017; Барякина 2018], роман Е.М. Анташкевича «Харбин» [Анташкевич 2012] и связанный с ним тематически роман «33 рассказа о китайском полицейском поручике Сорокине» [Анташкевич 2013].

К этим произведениям примыкает романная трилогия В. Давыдова «Наследники по прямой» (2008), состоящая из трёх приключенческих романов: «Киммерийская крепость», «Всем смертям назло» и «Предначертание», в ряде глав которой описывается жизнь русских городов и посёлков, расположенных вдоль КВЖД, где оказывается главный герой цикла Гуров («Гур») ⁶⁰.

Все данные произведения имеют ряд общих художественных особенностей.

Во-первых, их авторы широко используют документальные материалы, мемуары русской эмиграции и исторические сочинения. Среди героев произведений появляются – наряду с вымышленными – реальные исторические персонажи: «Вождь Октябрьской революции» В.И. Ленин;

⁶⁰ Этот цикл романов одновременно можно отнести к третьей выделенной нами разновидности текстов – произведениям «альтернативной истории» (хотя его автор не является учёным-синологом). Существенным отличием данного романного цикла от произведений писателей-«синологов» является и то, что в них не описывается *прошлое* Китая.

губернатор полосы отчуждения КВЖД генерал Д.Л. Хорват; основоположник русского фашизма, организатор Всероссийской фашистской партии (ВФП) в Маньчжурии К.В. Родзаевский; представитель Коминтерна в Китае, политический советник ЦИК Гоминьдана (1923–1927) М.М. Бородин [Грузенберг] и его жена Ф.С. Бородина; писатель-натуралист полковник Н.А. Байков; журналист и писатель Вс.Н. Иванов; генерал-губернатор Маньчжурии «старый маршал» Чжан Цзолин и его сын – «молодой маршал» Чжан Сюэлян и др.

Поскольку история Китая второй половины XIX – первой половины XX вв. (впрочем, как и история русской эмиграции) плохо известна современным читателям, писателям, обратившимся к этой теме, неизбежно приходится делать «вставки» (отступления), в которых предлагаются исторические пояснения, воспроизводится «фон» – контекст воссоздаваемых событий.

Во-вторых, в этих произведениях описание событий 1920–1930-х гг. (а иногда и более ранних), как правило, сочетается с изложением некоторых событий, которые происходили в более поздние периоды (в 1950-е, 1970-е, 1980-е и 1990-е гг.), что позволяет предложить читателю современную оценку событий (то есть произведения имели два – и иногда и больше – временных «слоя», которые «накладываются» друг на друга).

В-третьих, рассматриваемые произведения имеют разветвлённый сюжет, позволявший рассматривать их как авантюрно-приключенческие романы, написанные на историческую тему. Так, например, в романе А. Орлова «Харбинский экспресс» описывается, как в годы Гражданской войны ссыльный врач П. Дохтуров вместе со спутниками-авантюристами ищет в Маньчжурии таинственное китайское средство от всех болезней – «панацею», за которым также охотятся советские, японские и китайские спецслужбы. В романе А. Борисовой [Б. Акунина] “Vremena Goda” описывается, как главная героиня – Сандра – и мудрый китаец Ван Ин

(«Иван Иванович») ищут так называемый «ян-шень» – «жизнецвет», который позволяет людям обрести физическую и духовную силу.

В-четвёртых, в данных романах сталкивается несколько контрастных точек зрения, которые связаны с определённой интерпретацией описываемых событий: «правда» белогвардейцев и жителей дореволюционной России (которую представлял, например, Харбин), «правда» «революционной России» (Советского Союза), «правда» китайского населения, взгляд на исторические события современной «постсоветской» России... Такое столкновение разных – порой диаметрально противоположных – позиций, ни одна из которых, как правило, не заглушается доминирующим «голосом автора», позволяет читателю делать самостоятельные умозаключения и предлагать собственную оценку персонажей и их поступков.

В-пятых, в этих произведениях присутствует несколько типов художественного пространства: революционная и послереволюционная Россия – Москва, Санкт-Петербург (Петроград), Сибирь, Дальний Восток; русские «анклавы» в Китае (Харбин с несколькими расположенными на КВЖД «русскими» городами – Цицикаром и Мукденом, – и Шанхай); собственно Китай (за пределами иностранных концессий), который представлен через описание природы и культуры страны, изображение многочисленных представителей китайского народа, описание бытовых реалий.

Большую роль в романах играют размышления о национальной специфике – «тайне» китайской культуры и истории – в сопоставлении с культурой русской и европейской, которые представлены либо от лица автора, либо через размышления одного из героев.

Вот, например, какие мысли об особенностях китайской культуры высказывает один из героев романа А. Борисовой “Vremena Goda”:

«Да, Маньчжурия – временное, марионеточное государство, не более чем плацдарм для завоевания японцами всего Китая. И очень хорошо, и

отлично, – говорил он, иронически улыбаясь. – Пускай самураи нас завоюют, этому не нужно противиться. На самом деле, уступив их петушиному наскоку, мы сами их завоюем. Мы, китайцы, утопим их в своем необъятном теле, поглотим своим безбрежным, как океан, духом, растворим в своей великой культуре. Всякий раз, когда Срединная Империя начинала чахнуть, она получала инъекцию свежей варварской крови. Нас завоевали монголы – и где они? Стали китайцами. Завоевали маньчжуры – и тоже обкитаились. Аристократия завоевателей породнилась с нашей, наш язык стал их языком, наша культура – их культурой. Мы всех их проглотили и переварили. То же будет и с Японией. Истинный наш враг – Мир Запада. Он нам противоположен во всем. Он сто лет вырывает куски из нашего тела, а теперь через коммунистическую идеологию пытается проникнуть в нашу душу. Без брака с Японией мы в этой великой борьбе не устоим. Поднебесная – великая самка, и она нуждается в сильном самце. Но это самка богомола. Когда ее оплодотворят, она съедает и поглощает своего любовника» [Борисова 2011: 55–56].

Обратимся к исследованию двух произведений, созданных примерно в одно и то же время и описывающих приблизительно один и тот же исторический период, – роману **Э. Барякиной «Белый Шанхай»** и роману **Е. Анташкевича «Харбин»**. Оба писателя обратились к событиям, происходившим в начале прошлого столетия, которые соединили судьбы русских людей, оказавшихся в Китае.

Завязка событий, описываемых в обоих романах, происходит в России, а в Шанхае или Харбине разворачивается их основное действие. В романах показаны два главных культурных центра в Китае – Шанхай и Харбин. Обращение к изображению именно этих городов закономерно, поскольку в них объединились судьбы населения России и Китая, пересеклись геополитические проблемы, имеющие значение для всего мира.

К началу XX в. Шанхай был городом с многомиллионным многонациональным населением, крупнейшим международным торговым и промышленным центром, в котором переплетались экономические и политические интересы разных стран – Великобритании, Франции, США, Японии, Германии и Китая. В 1920-е гг. в Шанхае имелось большое количество международных компаний, которые конкурировали между собой, что неминуемо приводило к конфликтам на межнациональной почве. Можно отметить, что в 1920–1930-е гг. и Шанхай, и Харбин стали центрами деятельности разнообразных разведывательных служб – Советского Союза, Великобритании, Японии, Франции, Китая и некоторых других.

Харбин изначально создавался как международный русско-китайский город, крупнейший транспортный узел и промышленный центр, появление которого – по замыслу создателей – должно было способствовать развитию как России, так и Китая (в дальнейшем он попал в сферу интересов Японии). Помимо русского и китайского населения, в городе проживали представители иных национальностей – маньчжуры, японцы, корейцы и некоторые другие.

Харбин был городом с абсолютно уникальной историей, который пропитан «русским духом» и сохранил национальный образ жизни, идеалы и веру – вплоть до момента своего исчезновения (в качестве «русского» города) в середине 1950-х гг. Харбин стал «островом спасения» для многих русских людей, выброшенных судьбой со своей родины, – и одновременно «анклавом» русской культуры на Востоке. Его не коснулись события Первой мировой войны, российских революций и Гражданской войны, – и не случайно его жители называли город и российскую «полосу отчуждения» КВЖД «счастливой» или «блаженной» «Хорватией» (это название было производным от фамилии генерала Д.Л. Хорвата – Управляющего (Временного правителя) КВЖД).

В начале XX в. Харбин стал важнейшим центром русского восточного зарубежья: после событий Октябрьского переворота 1917 г. в этот город

приехало огромное количество русских беженцев; само понятие «российское восточное зарубежье» сформировалось как результат возникновения и существования русского Харбина.

В обоих романах центральное место занимает описание *города* как центра геополитических интересов разных стран и пересечения судеб разных людей (что подчёркнуто названиями произведений).

Автор первого произведения – романа «Белый Шанхай» – русскоязычная писательница Э.В. Барякина, в настоящее время проживающая в США.

Интерес к Китаю возник у Э. Барякиной не случайно. Её муж Пол был правнуком русской эмигрантки; к шанхайской эмиграции принадлежала другая родственница её мужа – Е. Фауст, супруг которой также был русским эмигрантом. Заинтересовавшись темой русской эмиграции, Э. Барякина начала переписку с женой русского консула в Шанхае, а затем неоднократно приезжала в Китай и опрашивала потомков эмигрантов о жизни их родителей⁶¹. Она тщательно изучала архивные материалы, связанные с русской эмиграцией в Шанхае, знакомилась с материалами, хранящимися в библиотеках Москвы, Нью-Йорка, Лос-Анджелеса, Сиднея⁶².

Результатом её многолетней работы стал роман «Белый Шанхай»⁶³, позднее включенный в состав трилогии «Грозная эпоха», повествующей о событиях первой половины XX в. и о русских людях, брошенных в

⁶¹ См.: Эльвира Барякина: Американская мечта. Интервью. Люди и события. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://interviiewmg.ru/944/>. (Дата обращения: 19.06.2019).

⁶² См.: Биография Эльвиры Барякиной. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kiel.ru/archives/1198>. (Дата обращения: 19.06.2019).

⁶³ В период с 2010 по 2018 гг. роман «Белый Шанхай» публиковался несколько раз в существенно различающихся редакциях.

водоворот истории ⁶⁴. В дальнейшем произведение было издано в Великобритании (2013) и Польше (2017).

Роман «Белый Шанхай», с одной стороны, развивает традиции европейского приключенческого романа XIX в., с другой стороны, связан с современной массовой европейской и североамериканской литературой; в нём можно увидеть черты жанра «любовного» романа, найти признаки «личного» дневника («бытового» жанра, особо популярного в XIX в.) и отдельные элементы, идущие от детективного романа. Можно провести и некоторые параллели с российской литературой, – например, с романом-эпопеей «Хождение по мукам» А.Н. Толстого, повестью А.И. Куприна «Яма».

Российская литературная критика практически не заметила роман. Отдельные читательские отклики (преимущественно анонимные) появились лишь в интернете⁶⁵.

Название романа «Белый Шанхай» определяет основное *место* действия («жемчужина Востока» – город Шанхай) и *ракурс* его описания (с точки зрения «белой эмиграции»). Автор точно воспроизводит исторические события, на фоне которых разворачивается основная сюжетная линия романа, – прибытие в Шанхай в ноябре 1922 г. и в сентябре 1923 г. эскадр контр-адмиралов Старка и Безуара, а также остатков дальневосточной флотилии, на которых находилось несколько тысяч российских эмигрантов, оказавшихся в тяжелейшем положении (гораздо

⁶⁴ В 2011 г. был издан роман-«приквел» «Аргентинец», повествующий о Гражданской войны в России, сюжетно предшествующий роману «Белый Шанхай». Заключительная часть трилогии – роман «Князь советский» – был опубликован в 2016 г.

⁶⁵ См., например: Русские создали в Китае свой Вавилон. Сайт Утро.ру. Автор первой книги о белогвардейских эмигрантах в Шанхае Эльвира Барякина рассказала “Утру” об уникальном мире, открывшемся ей в процессе поиска материалов для романа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://utro.ru/articles/2010/03/12/879720.shtml>. (Дата обращения: 07.07.2019); Рецензии на книгу «Белый Шанхай: LiveLib [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.livelib.ru/book/1000334982-belyj-shanhaj-elvira-baryakina>. (Дата обращения: 04.07.2019).

более тяжёлом, чем в Харбине) и вынужденных в борьбе за жизнь конкурировать с китайцами в сфере самого неквалифицированного труда.

Историческая ситуация, сложившаяся в Шанхае, чётко обозначена автором на обороте обложки романа: «Белые люди не подчинялись китайским законам, они создали в Азии почти Париж, почти Нью-Йорк, почти Вавилон».

Читатель имеет возможность воссоздать в своём сознании картину шанхайской жизни и погрузиться в атмосферу трагических событий прошлого – жизнь русских людей, оставивших Родину и всё самое дорогое, что у них было, и отправившихся в неизвестность. Образ города возникает в сознании читателя через изображённые в романе «знаковые» исторические события и объекты шанхайской культурной жизни (улицы, отели, магазины и некоторые другие), а также отдельные детали жизни его обитателей.

Вот как вводится в роман исторический контекст событий, объясняющих подоплёку шанхайской экономики: «...Большинство миллионных состояний в Шанхае нажиты преступлением. В начале прошлого века английские купцы завезли в Китай индийский опиум и сделали всё, чтобы пристрастить местных жителей к зелью. Когда император попытался ввести запрет на торговлю наркотиками, англичане прислали флот и разгромили его армии. Китай был вынужден подписать неравноправные договоры: иностранцам позволялось ввозить опиум, устраивать концессии и управлять ими по собственному разумению. Так Шанхай из рыбацкой деревни превратился в богатую полуколонию» [Барякина 2019: 12]. Такого рода пояснения исторической ситуации – кстати, не всегда точные (например, в данном случае воспроизводится расхожее представление о том, что до появления «европейцев» Шанхай был всего-навсего «рыбачьей деревней», что не соответствует истине) – больше напоминают фрагмент из энциклопедической статьи или учебника истории советской эпохи.

Возможно, такие «просветительские» – не «художественные» по своей природе – отступления являются «данью» современной системе образования, которая не формирует у учащихся системного представления о ходе исторического развития разных стран, и современному «клиповому» сознанию, в соответствии с которым история представляется единым слабо дифференцированным пространством, в котором не устанавливаются причинно-следственные связи между отдельными событиями.

Читатель обнаруживает в романе точные «зарисовки» жизни Шанхая 1930-х гг.: описание архитектуры, уличной жизни и домашнего быта его обитателей. Впрочем, автор, не претендует на полную историческую достоверность и не ставит перед собой цель представить абсолютно точное описание города. Тем не менее, некоторые выразительные штрихи дают представление об его атмосфере: «Над черепичными крышами виднелись плакаты на английском <...>. Заводские трубы, цеха, строительные краны <...>. Справа показался железный мост и многоэтажные здания с куполами, башнями и колоннами. Фонари на набережной всё ещё горели, и их огни отражались в бесчисленных окнах» [Барякина 2019: 15].

В глазах прибывших из России беженцев, находящихся на пароходе, вставшем на якорь в реке Хуанпу, Шанхай представлялся роскошным, величественным, оживлённым городом: по набережной едут автомобили последних марок, прогуливается множество богато одетых людей. В городе находятся европейские дома, в которых расположены офисы компаний; сады и парки, созданные на европейский манер; витрины магазинов поражают блеском.

Рядом с «роскошным» европейским Шанхаем расположен совершенно иной город, в котором окажутся усталые, голодные и больные беженцы, находящиеся на вышедших из строя, непригодных для дальнейшего плавания кораблях, вынужденные ожидать разрешения сойти на берег, чтобы стать частью «другого» Шанхая.

В соответствии с традицией русской литературы Шанхай представлен как «город контрастов», как «Вавилонская блудница», – где немыслимое богатство переплетается с нищетой, европейское и американское – с традиционным китайским, современность – с глубокой архаикой, нравственность – с развращённостью. Воспроизведённые в романе «китайские» реалии шанхайской жизни, – иглотерапия, продажа опиума, «лотосовые» ножки китаянок, рикши, своеобразный уличный шум и иные подробности, создающие «национальный колорит», – чаще всего не имеют прямого отношения к основному сюжету, в центре которого сложные эпизоды жизни главных героев, происходящие на фоне исторических событий, образуют общий фон, без которого было бы невозможно соотнести место действия с какой-либо определённой страной.

Э. Барякина избегает пространных описаний. Упоминания знаковых объектов, основных районов и улиц Шанхая, лаконичные зарисовки быта его обитателей, эпизодические описания внешнего вида и поведения представителей русской эмиграции и китайцев, наверное, не смогут удовлетворить читателя, который никогда не был в Китае и не знает особенностей жизни этой страны. Однако для тех, кто когда-то жил или сейчас живёт в Китае, таких точечных «штрихов» может оказаться вполне достаточно для того, чтобы позволить своему воображению «дорисовать» недостающие элементы городской среды – облик шанхайских улиц, городские постройки, интерьер помещений, а также и внешний облик персонажей.

Китайцы появляются в романе не часто: они фигурируют преимущественно как второстепенные, незначительные персонажи, действующие, в основном, за рамками основной сюжетной линии.

С первых страниц романа читатель узнаёт о повседневной жизни китайского населения и может составить представление о внешнем виде людей: «Из печных труб поднимался бурый дымок, по заиндевело́й мостовой катили автобусы и одноместные коляски, запряженные людьми.

Рикши – в ватных куртках, стёганных штанах и тапочках – подхватывали тонкие оглобли и неслись рысцой, ловко обгоняя «ломиков» – тяжело нагруженные одноколёсные тачки <...>. Китайские служащие в почти одинаковых синих кафтанах и чёрных атласных шапочках спешили в конторы и лавки. Рабочие снимали с фонарных столбов еловые ветки, перевязанные красными лентами, – католическое Рождество уже прошло. Мимо проскакал отряд чернобородых конников в синих мундирах и атласных тюрбанах [полицейских-сикхов, привезённых из Индии. – А.К.] <...>» [Барякина 2109: 16].

В принципе такой подход к изображению исторических событий соответствует и целям автора (раскрыть жизнь русской «восточной» эмиграции через события, происходящие в личной жизни персонажей), так и ситуации, в которой находились жители расположенных на территории Шанхая «международного сэттелмента», руководимого англичанами, и «французской концессии» (в которой по преимуществу и проживало русское население), обладавшими правом экстерриториальности (то есть не должны были подчиняться китайским законам и соблюдать китайские обычаи): «Белые люди <...> создали в Азии почти Париж, почти Нью-Йорк, почти Вавилон»⁶⁶.

Основная сюжетная линия романа связана с двумя главными героями – Климом Роговым и его женой Ниной. Особенностью произведения является сложность и запутанность сюжета (что характерно для приключенческих повестей и романов), в который включаются разнообразные микросюжеты, ответвляющиеся от основной линии, связанные с новыми местами свершающихся событий и с новыми персонажами. Действие романа разворачивается стремительно, и отдельные эпизоды не всегда последовательно вытекают один из другого.

⁶⁶ См.: Биография Эльвиры Барякиной: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kiel.ru/archives/1198>. (Дата обращения: 19.06.2019).

Второстепенные персонажи романа – чех Иржи Лабуда, потерявшая всех своих родных девочка Ада, содержательница борделя Марта, кадет Феликс, отец Серафим, журналистка англоязычной газеты «Ежедневные новости Северного Китая» Эдна Бернар и её муж Даниэль Бернар, жена состоятельного шанхайского адвоката Тамара, Рой Андерсен и некоторые другие – соотнесены с «дополнительными» сюжетными линиями. Характеры второстепенных персонажей стремительно изменяются, – как изменяются и окружающие их «декорации». Таков, например, Даниэль Бернар, изысканный и воспитанный джентльмен, обладающий безупречными манерами, в середине повествования неожиданно оказывающийся расчётливым и эгоистичным негодяем, или чех Иржи, который из скромного и застенчивого юноши постепенно трансформируется в циничного и похотливого человека – скрытого воздыхателя Нины.

Главный герой романа – журналист («репортёр») Клим Рогов. Общительность и способность к выживанию позволяют ему быстро ориентироваться в сложившихся обстоятельствах и находить способы устройства своей судьбы, несмотря на неожиданно возникающие трудные обстоятельства. Уверенность, остроумие, самоирония, талант и «везение» – вот его главные помощники.

Жена Клина – Нина Васильевна Купина – помимо эффектной внешности – также имеет способность к выживанию в трудных обстоятельствах. Она обладает решительным и бескомпромиссным характером; расставшись с мужем, она выбирает жизнь авантюристки, стремясь легко и быстро получать деньги, необходимые для роскошной жизни. Поэтому не случайно то, что «пёстрый» облик Шанхая начала прошлого столетия показан глазами Нины: «Народищу! И все галдели, ели, тащили поклажу – кто на тачке, кто на коромысле. Мужчины в юбках, в коротких куртках, некоторые одеты по-человечески: в пальто и шляпы. Нищие – один страшнее другого: голые, безрукие, слепые. Женщины шли

странной, вывороченной походкой. <...> Почти у всех вместо ног – копытца» [Барякина 2019: 3].

Главную героиню ошеломляет богатство и деловитость респектабельного Шанхая, которой «поначалу» «казался Нине чуть ли не сказочным царством» [Барякина 2019: 40]: «По Нанкин-роуд гуляла нарядная публика, а в гигантских витринах красовались манекены в умопомрачительных платьях. <...> Это был европейский город – если не считать вывесок с иероглифами, рикш и прохожих, тащивших уток в клетках, то связки капусты на бамбуковых коромыслах!» [Барякина 2019: 19]. Упоминание иероглифов («китайских закорючек») и «рикш» становится постоянной эмблемой, напоминающей о принадлежности города Китаю.

Глазами главного героя романа Клина представлены социальные изменения, происходящие в городе под воздействием эпохальных исторических событий, – например, синхайской революции: «Шанхай изменился так, что его не узнать. Новые дома, вывески, государственные флаги... Авто невиданных марок, люди другие. Раньше, до революции 1911 года, мужчины в Китае носили косы – знак верности маньчжурской династии. Сейчас все острижены, молодые богачи одеты по моде. Едут на рикшах, тросточки вертят, перед дамами шляпы-федоры снимают. <...> американцы и японцы выстроили множество фабрик; со всего Китая понаехали мигранты – искать лучшую долю. В Шанхае трудно, но в других провинциях еще хуже: после свержения императора страна раскололась на феодальные княжества. У правительства в Пекине – ни денег, ни власти. В каждом городе свой воинский начальник; междуусобице конца-края не видать <...> Прежний Шанхай исчез...» [Барякина 2019: электронный ресурс].

Читатель имеет возможность узнать о подробностях происходящего из небольших комментариев-зарисовок, что которые дают возможность погрузиться в атмосферу трагичной реальности, ставшей последствием

кровавой гражданской войны, заставившей русских людей бросить всё самое дорогое, что у них было, – прежде всего, свою Родину – и отправится в неизвестность. Трагизм ситуации – в соответствии с традициями русской литературы – смягчается шутливо-ироничным тоном, передающим позицию автора и героев романа.

«Роскошный» Шанхай не хотел принимать беженцев по разным причинам: «...Русских в городе уже больше шести тысяч: к тем, кто прибыл на кораблях Старка, прибавились беженцы, доехавшие до Шанхая на поезде. <...> Власти совершенно не знают, что с ними делать. Они учредили Бюро и отправили телеграмму в Австралию с просьбой принять нас. Но из этой затеи ничего не вышло: лицам, не имеющим средств к существованию, въезд в Австралию воспрещён» [Барякина 2019: 32].

Драматичное описание жизни русских беженцев погружает читателя в атмосферу безысходной нищеты и унижительного прозябания, опрокидывающих надежды эмигрантов на «лучшее будущее» вне России:

«Самое трудное в эмиграции – начать с нуля. Кому какое дело, что на родине ты был генералом или известным драматургом? Жизнь отбрасывает тебя на начало игры, к желторотым юнцам, которые к тому же намного лучше разбираются в местном языке и обычаях... Увы, предъявить людям нечего, и ты теряешь ценность не только в общественных, но и в собственных глазах» [Барякина 2019: 32].

Автор точно передаёт общее состояние и настроение русских людей (увиденных также глазами Нины), силою исторических обстоятельств оказавшихся в Шанхае: «Нина моментально вычисляла в толпе своих – оборванных, потерянных – и каждый раз отворачивалась и переходила на другую сторону улицы. Не дай бог кто-нибудь узнает. Она никогда не заговаривала на людях по-русски ... <...>. Жалость пополам с досадой и старанием отмежеваться: “Я не с вами”. А других “наших” нет и, верно, никогда не будет. Стыдно за свою бестолковую нацию! Войну проиграли; в

Китае, где белая кожа расценивается как дворянство, и то не устроились» [Барякина 2019: 13].

Писательница отмечает характерную для русских заниженную самооценку, отличавшую их от представителей других народов, оказавшихся в Шанхае: выраженное в словах «остаться незамеченным для соотечественников»: «Со всей Россией так, со всеми русскими. Скучаешь по “нашим”? Вот они, получите: на Северной Сычуань-роуд у благотворительной кухни семьсот человек с мисками стоят – в затылок друг другу. Китайцы на них пальцами показывают: как так – белые и бедные?» [Барякина 2019: электронный ресурс].

Весь этот точно представленный в романе «национальный колорит» сочетается с передачей некоторых деталей «европейской» специфики города: «Белая кожа – вот наш паспорт <...>. Тут даже кредит дают под честное слово белого человека. Но боюсь, все это скоро закончится» [Барякина 2019: 17].

«Белые люди» всегда воспринимались китайцами богатыми, успешными, на них всегда ровнялись и стремились подражать им. А прибывшие на кораблях беженцы, тоже белые люди, представляли жалкое зрелище. Они пополнили низший слой населения, претендуя на любые заработки, лишь бы не умереть от голода на чужбине. В глазах этих людей не было «величия», «уверенности» в себе и своих действиях, а также «твёрдости», что совершенно не соотносилось с тем, как представляло «белых людей» китайское население. Появление «белых беженцев» вызвало большой резонанс не только среди европейцев, проживавших на территории Шанхая, – немцев, французов, чехов, англичан, – но и среди индусов и самих китайцев, которые сразу стали относиться к русским как к «низшему» (относительно них) классу и нещадно эксплуатировать их на самых тяжёлых и малооплачиваемых работах – наряду со «своими» бедняками.

Определённый жанровый эклектизм романа дополняется стилевой эклектичностью: стилизации под литературу начала XX в. («Наружность у

него была такая: высотой почти до уха отца Серафима, плечи широкие, но костлявые. Лицо – как если бы князь обеднел да поизносился. Не настоящий, конечно, а из тех, что на плакатах рисуют и в синематографе показывают» [Барякина 2010: 4]), сочетаются с несколько «вульгарными» описаниями в стиле начала XXI в. («Лемуана не занимал этот мышинный цирк. Он купил себе новые, настоящие протезы, а для маньчжура – стеклянный глаз, снял дом на улице Короля Альберта и нанял двух горничных – японку семнадцати лет и белобрысую шведку с грудями, как тыквы» [Барякина 2010: 94]; «Феликс поднялся с пола, вытер кровь ладонью: – Это Ада всё устроила? – Нет, папа Римский» – рявкнул Коллор. – он так жаждет спасти твой зад, что заплатил мексиканскому консулу и священнику, который будет тебя венчать» [Барякина 2010: 737-738].

Безусловно, все описываемые в романе события и ситуации, на первый взгляд, кажущиеся разрозненными, совершенно не связанными между собой, имеют свою логику. Неожиданные изменения, происходящие в характерах героев, показывают, насколько сложными и трагичными были исторические обстоятельства, переворачивавшие жизнь людей.

Адекватному выражению этой мысли способствует «кинематографический» принцип «монтажа» сюжетной линии, используемый при организации композиции романа: фрагментарные описания сцен, быстро сменяемые «кадры» хроники событий прошлого столетия выглядят не столько как реальные события, сколько как «шлейф» памяти.

Автор второго произведения, выбранного нами для подробного анализа, – романа «Харбин» – писатель Е.М. Анташкевич, бывший сотрудник органов безопасности, много лет проработавший в Управлении КГБ СССР по Хабаровскому краю, хорошо знакомый с Китаем и знающий

китайский язык⁶⁷. Идея создания романа возникла у автора, когда будущий писатель познакомился с архивными документами о русских эмигрантах в г. Хабаровске. Как признавался писатель, Харбин привлёк его в первую очередь тем, что он был городом «с оживлённой человеческой русской жизнью»⁶⁸.

Роман «Харбин», образно определённый писателем как «легенда-биография», – так же, как и роман «Белый Шанхай», – основан на исторических событиях первой половины XX в. Роман состоит из трёх сюжетно связанных между собою книг (частей) – «Путь», «Нашествие», «Освобождение». Роман имеет признаки романа-эпопеи, описывающего жизнь отдельных людей на фоне эпохальных событий,; в то же время в нём есть жанровые признаки «*семейной саги*», «*военного дневника*», черты *приключенческого* («*шпионского*») романа, а также *детектива*.

Объёмный текст романа «Харбин» обусловлен стремлением автора детально раскрыть исторические события и создать документально точные описания трагических страниц истории.

Хронологически действие романа охватывает более полувека – с самого начала XX в. до начала 1950-х гг. (и даже 2000-е гг., к которым могут быть отнесены главы, в которых описывается рассказчик – бывший офицер КГБ, через восприятие которого переданы некоторые события). Место действия – огромная территория России (Петербург, Москва, Сибирь, Хабаровск) и Северного Китая – Маньчжурия (Харбин, Цицикар, Сахалян). «Эпической» можно назвать и систему образов произведения: это несколько десятков людей, среди которых русские офицеры-белогвардейцы, красноармейцы, партизаны, «белочехи», сибирские крестьяне, русские

⁶⁷ Роман Анташкевича «Харбин», получивший премию ФСБ, вышел в России. РИА НОВОСТИ Культура. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20120305/584967423.html>. (Дата обращения: 14.06.2019).

⁶⁸ См.: Возвращение человечности. Интервью с Евгением Анташкевичем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.xn--80addcmkyodjr9a.xn--p1ai/articles/161-vozvrashchenie-chelovechnosti-intervyu-s-evgeniem-antashkevichem.html>. (Дата обращения: 21.06.2019).

беженцы (во всём их многообразии), представители спецслужб Советского Союза, Японии и Китая, люди, принадлежание к разным сословиям китайского общества. Косвенно в романе присутствуют и «главные виновники» исторической драмы – Сталин, Колчак, Чан Кайши, Микадо. Хотя они и не появляются в качестве персонажей романа, однако они присутствуют опосредованно – как идеологи и «зачинщики» происходящих исторических коллизий.

В романе не только воспроизведены исторические события первой половины двадцатого века, но и показаны психологически достоверные картины жизни русской эмиграции, раскрыты характеры героев, их оценка происходящих событий и душевные переживания. Многие из персонажей являлись реальными людьми или имели известных прототипов: «В легенде-биографии “Харбин” придуманными являются лишь некоторые персонажи, но и то не полностью, поскольку в их историях использованы фрагменты жизни многих реальных людей, описавших события тех лет в мемуарах; а также тех – и это сделано с их ведома и согласия, – кто родился и вырос в Маньчжурии, в Харбине и ныне здравствует в Москве, в России и не только» [Анташкевич 2012: 2].

Так же, как и роман Э. Барякиной, роман Е. Анташкевича не был замечен российским литературоведением и критикой. Немногочисленные отзывы о романе (тоже преимущественно анонимные) можно найти лишь на сайтах любителей чтения⁶⁹ и в отдельных СМИ, в которых произведение сопоставлялось с такими эпопеями, как «Война и мир» Л. Толстого, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Жизнь Клима Самгина» М. Горького, а также с некоторыми зарубежными «семейными сагами»⁷⁰. При этом особо

⁶⁹ См.: <https://www.labyrinth.ru/reviews/goods/324902/> [Электронный ресурс]. (Дата обращения: 08.07.2019); Сайт Литрес [Электронный ресурс]: <https://www.litres.ru/evgeniy-antashkevich/harbin/otzivi/>. (Дата обращения: 08.07.2019).

⁷⁰ См.: Евгений Анташкевич – современный писатель, которого критика ставит в один ряд с русскими классиками. Рецензии на произведения // Правопрядок-Щит: [Электронный ресурс]: <https://mofsb.ru/nash-fsbuk/pisatel-evgenij-antashkevich/recenzii-na-proizvedeniya/> (Дата обращения: 08.07.2019).

подчёркивалось, что роман «Харбин» – произведение о «русском мире» во всех его многообразных проявлениях, *созданном на чужбине*: «...Главный герой книги – это Грусть. Грусть о тех тысячах людей, которым по воле объективных или случайных обстоятельств пришлось оторваться от родной земли и оказаться в странном, загадочном городе Харбине»⁷¹.

Е. Анташкевич сравнил «китайский город» Харбин «со сказочным исчезнувшим градом Китежем», поясняя, что это «неточное» в «строго научном смысле» сравнение, <...> возникло уже у «первостроителей, русских беженцев и уроженцев этого города в их следующем беженстве и рассеянии по всему свету» [Анташкевич 2019: 16]. Такое идеализированное и романтическое восприятие Харбина сохранялось до недавнего времени – как эмигрантами и их потомками, так и китайцами, – которые нередко стремятся посетить этот город для того, чтобы увидеть русские (или «европейские») кварталы и ощутить «дух» иного времени.

Писатель ярко передал атмосферу города, используя символический образ «Вавилонского столпотворения» (в отличие от Шанхая, представленного в романе Э. Барякиной в виде «Вавилонской блудницы»): «В Харбине мирно слились две нации – русские и китайцы. К русским примыкали украинцы, татары, грузины, армяне, евреи, литовцы, латыши, эстонцы, а китайцев было просто очень много. Для русских весь Восток был на одно лицо: что китайцы, что корейцы, а для китайцев, кроме них самих, все были русские. Особняком жили только японцы» [Анташкевич 2012: 352]. Подобное «смещение народов», как свидетельствует дальнейшая история города, впоследствии привело к ситуации разделения зон политического влияния и власти, что непосредственно отразилось на жизни диаспор.

Исторически точным является описание архитектурного облика города: «Когда сорок лет назад русские инженеры планировали Харбин, они выстроили его центральную улицу – Большой проспект – по длинной

⁷¹ Там же.

плоской возвышенности, протянувшейся на несколько километров параллельно основной магистрали – КВЖД. Улицы, расположенные поперёк проспекта, спускались с одной стороны к вокзалу и железной дороге, а с другой – к мелкой и извилистой речке Мацзягоу» [Анташкевич 2012: 353].

Автор сопоставляет облик Харбина с традиционными пейзажами русских городов, особо обращая внимание на присутствие православных храмов: «...Над горизонтальной линией мостовой пряничной горкой возвышался деревянный, сложенный из брёвен собор с многими главками, высоким шатром и золотыми крестами» [Анташкевич 2012: 147]. Именно это сходство больше всего поражает одного из главных героев романа – Кузьму Ильича Тельнова, приехавшего в Китай вместе со своим покровителем Александром Адельбергом: «Свят, свят! Господи, спаси и помилуй! Разве же это Китай? Это ж Россия-матушка! Калуга! Тверь! Понюхайте! Пахнет пирогами... с капустой!» [Анташкевич 2012: 147]⁷².

Повседневная жизнь жителей Харбина раскрыта через большое количество точных зарисовок: «Он жил обычной жизнью, жизнью этого города, с самого своего основания абсолютно свободного в быте и нравах, наполненного предпринимательством, искусством, наукой, культурой и политикой. Со стороны могло показаться, что Харбин вообще располагался на какой-то отдельной планете, без войн, революций, восстаний и других потрясений. Харбинцы ели, спали, ходили на работу, мирно выпивали и покуривали в многочисленных кафе и ресторанах и ни с кем особо не конфликтовали; их дети учились в гимназиях, праздновали Рождество и Пасху и смотрели американское кино» [Анташкевич: 2012: 352].

⁷² Похожее описание Харбина можно прочитать в книге А. Борисовой [Б. Акунина] “Vremena Goda”: «...Мы попали в Харбин, одно из самых удивительных мест на свете, город-парадокс, историческое и географическое недоразумение. Будто из тела России кто-то вырезал гигантскими ножницами кусок кустодиевского холста с русскими домами, церквями, двумястами тысяч людей, и шутки ради пришил эту яркую заплату на блеклый китайский халат. Или, того чуднее, зачерпнул из Леты ковш давно утекшей воды, и посреди выжженной революциями пустыни вдруг зацвела-заблестала лужица прежней, мирной, благополучной жизни [Борисова 2011: 51].

Однако, как подчёркивает автор, это было лишь «внешнее», поверхностное впечатление о Харбине и его жизни; в реальности русские люди воспринимали город иначе:

«Все мы в глубине души считаем Харбин захолустьем.

По количеству жителей это небольшой русский город.

Богатствами своими, однако, он поспорит с любым прежним большим.

Начать считать одних миллионеров – пальцев не хватит.

Подобно глубинам моря, Харбин умеет скрывать свои сокровища» [Анташкевич 2012: 232].

Главной особенностью жизни города, отличавшей его от всех «российских» городов, была зависимость от политической ситуации («Депрессия в Харбине понятие не экономическое, а психологическое»): «резкий, пронизывающий ветер политических тревог» приводил к тому, что город стремительно беднел; улучшение политической ситуации он как бы мгновенно богател: «...заполняют подписные листы щедрыми даяниями сиротам и бездомным, заполняют рестораны, штурмуют прилавки» [Анташкевич 2012: 232].

В романе хорошо переданы экзистенциально наполненные размышления русских людей, оказавшихся на чужбине. Пожалуй, наиболее точно передаёт их мысли философская сентенция: «Мы – странники на земле. Вот бы научиться этому мудрому бесстрастию странника...» [Анташкевич 2012: 259].

Чувство изоляции от Родины и связанная с этим потребность русского человека замкнуться в кругу близких людей, сократив до минимума общение с внешним миром, определяется автором через точный образ-понятие «комнатные люди»: «...Это мы, – думал Александр Петрович, – ...не отстают от своих маленьких компасиков, игнорируя бушующую «магнитную бурю». И беспомощно блуждают: такие жалкие-жалкие... <...> Жалкие комнатные люди!»! <...> Мы продолжаем жить нашими старыми

ориентирами, это и есть наши те самые «компасики»! <...> ...Жили себе и жили, как наши предки, как деды и прадеды, а в результате...» [Анташкевич 2012: 279; 280; 281].

Главными героями первых двух частей романа являются полковник Александр Петрович барон фон Адельберг, потомственный остзейский дворянин, возвращающийся домой в Харбин через Сибирь и Маньчжурию, и таёжный знахарь Михаил. Оба образа созданы в реалистической традиции, с большим количеством ярких подробностей.

В романе отсутствует описание внешности героя: его портрет читатель создаёт в своём воображении постепенно, на протяжении всего романа; при этом воспроизводится не столько его внешность, сколько внутренние, личностные качества: «Всю жизнь, сколько он себя помнил, он старался держаться независимо: особенно ни с кем не сближался, но и в помощи никому не отказывал» [Анташкевич 2012: 139]. В характере героя подчёркивается сдержанность и рассудительность: он внимателен к окружающим людям, умеет мгновенно «считывать» их намерения и последующие поступки, осторожен и немногословен, что характеризует его как опытного разведчика. Образ Адельберга раскрывается преимущественно через *внутренний монолог*.

Читатель постепенно понимает аристократичность интеллекта Адельберга, делает вывод об умении выразительно читать стихи, рассуждать о литературе, точно оценивать происходящие события. Взгляды людей его поколения раскрываются через беседы с женой Анной, в которых в полной мере раскрывается боль русских офицеров, ставших очевидцами начавшейся после революции вакханалии, и запутавшихся в политических интригах: «...Повсеместно разлилась остервенелость, а многие шли служить к большевикам. Отрабатывали жизнь? Или верили в светлое будущее? Бог их разберёт! А может, так и надо, может, перебесится народ, да и начнёт строить новую жизнь, какую-то, ведь люди же когда-то напьются крови...» [Анташкевич 2012: 159].

Жена Адельберга – Анна Ксаверьевна Радецкая, мечтавшая о карьере балерины Мариинского театра, – выйдя замуж, посвятила свою жизнь мужу. Они недолго жили в Петербурге, а потом уехали в Харбин, где Адельбергу предложили стать главой отдела агентурной разведки. Через четыре года полковник уезжает на войну с Германией, и Анна остаётся одна. «Она родила сына и терпеливо ждала возвращения мужа, который смог вернуться в Харбин после долгих, полных тревоги одиннадцати лет мучительного ожидания (последние четыре года она вообще перестала получать от него письма).

Образ героини создан с большой симпатией, и это не случайно, так как в нём выражается истинная женская сущность. Святость её души спасает мужа от неизбежной, казалось бы, гибели. В романе Анна часто выражает *эмоциональный* взгляд на события, который нередко оказывается очень точным. Интересно описано её восприятие жителей Харбина: «Большую часть своей жизни она прожила в городе, разделённом на три части, две равные друг другу русские: одна – русская, другая – русская советская, и третья – китайская. Китайцев в Харбине было намного больше, чем всех вместе взятых русских, но по своей значимости в жизни города все они были для неё на одно лицо, но оказалось, что она не различает и русских, они тоже казались для неё на одно... только вот – лицо ли?...<...> На одно политическое лицо! То есть она не может на харбинской улице отличить простого русского от русского советского! <...> А кто их может различить?» [Анташкевич 2012: 279]. И отмеченный ею разлад между «русскими» и «советскими» персонажами нередко оказывается более важным, чем различие между лицами «русскими» и «китайскими».

В романе есть и другие важные для понимания произведения персонажи. Это, например, бывший телеграфист Тельнов, ставший в Харбине членом семьи Адельбергов. В образе этого персонажа выразился идеал русского православного человека с его исконно человеколюбивым

сознанием. Эту мысль отчётливо формулирует Анна: «У него душа хорошая» [Анташкевич 2012: 375].

Образ Сашика – сына полковника Адельберга и Анны (о судьбе и жизни которого подробно рассказывается во второй и третьей книгах, где он становится главным героем) – позволяет читателю раскрыть систему ценностей представителей «молодого» поколения русской эмиграции, которое не знало дореволюционной России и не участвовало в событиях Гражданской войны. Сашик стремится связать своё будущее с родиной своего отца, ставшей Советским Союзом, сохраняя при этом этические ценности своей семьи.

Большое значение в романе имеет образ таёжного байкальского травника Михаила, который является носителем традиционных народных ценностей (в их «сибирском» варианте). Свойственный ему гуманизм несовместим с новыми «общественными» идеалами, что вынуждает его жить отдельно от других людей, в лесу: «...Отказало ... общество в сожительстве <...> Батюшка сказывал обществу, что рядом со святой церковью не должно быть знахарей, что с чёртом они водятся!» [Анташкевич 2012: 79-80]. Поступки Михаила наполнены истинной заботой о людях, его речь естественна и передаёт всю полноту его души: «Ослаб ты совсем! Как с Байкала-т пришли – так ты три седмицы в себя не приходил. У меня уж и опаска появилась, что помрёшь <...> Ты, Петрович, покамест молчи, тебе гуторить не надо. Ты покуда в бреду металси, много чего наговорил [Анташкевич 2012: 73].

Образы всех этих героев играют важную роль в романе: благодаря им сюжетная линия развивается и углубляется, а главные персонажи, в свою очередь, раскрываются перед читателями как состоявшиеся личности, жизнь которых наполнена смыслом, важными целями и ответственностью – не только за себя, но и за других. Эти люди, стремящиеся во что бы то ни стало сохранить личную порядочность – вопреки «общественным» обстоятельствам – и избегающие при этом громких слов и заявлений,

оказываются истинными русскими патриотами, – в отличие от представителей разных разведывательных служб, якобы действующих в интересах абстрактного и «безличного» государства.

Появляются в романе и персонажи-китайцы (хотя они и не выходят на первый план). Как и представители русского населения, они могут обладать разными характерами и выражать противоположные начала: быть связанными и с добром, и со злом.

В романе «Харбин» представлены две дополняющие друг друга системы ценностей, раскрывающие сущность русской ментальности.

Первая из них связана с верой в Божественное провидение и поддержку. Носителями её в романе являются истинный православный верующий Кузьма Ильич Тельнов и знахарь Михаил, органично связанный с миром природы (обоих героев объединяют жизнелюбие и человеколюбие, благородство, искренность и открытость, глубокая вера в существование добра и справедливости, духовное «сопричастие» с Богом).

Вторая система ценностей связана с воплощением гармонии между мужским и женским началами в их единстве и неразрывности. Эта система ценностей лучше всего выражена в жизни супругов Адельбергов: у мужа – это ярко выраженная мускулиность, харизма, твёрдость характера, решительность, стремление двигаться вперёд, рассудительность, разумная осторожность, гибкость ума; у жены – нежность, мягкость, спокойствие, умение принимать жизнь таковой, какую ей уготовила жизнь, стойкость по отношению к ударам судьбы (но не бессловесность!), преданность мужу (к которому она питает глубокое уважение и любовь) и семье, приветливость по отношению к окружающим – наряду с силой духа и материнской верой. Интересно отметить, что эта система ценностей оказывается соотносима с ценностями, важными для китайской культуры (представление о необходимости гармонии между «мужским» и «женским» началами – «ян» и «инь»).

Китай «входит» в роман Е. Анташкевича и опосредованно, через сопоставление с Россией. Китай – как и Россия – показан в качестве страны с тяжёлой судьбой, народ которой вынужден страдать от гражданской войны, охватившей всю страну, от действий «маршалов»-милитаристов, развязавших кровавую междоусобную войну, от разбойников-хунхузов, от японских захватчиков, отделивших Маньчжурию от Китая, от действий «своих» капиталистов – экономических угнетателей народа.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что роман Е. Анташкевича «Харбин» является художественно-документальным описанием судьбы русского человека, в котором выразилось характерное для русской культуры *соборное начало*, понимаемое как принятие жизни представителей других национальностей, их картины мира, способа жизни и верований, стремление жить в мире и согласии с другими народами – без кровопролития и раздоров.

Романы «Белый Шанхай» и «Харбин» имеют много общих особенностей.

Основное место действия обоих произведений – два основных культурных центра русского зарубежья, расположенных на территории Китая – Шанхай и Харбин – и одновременно два города, в которых пересекались разнообразные интересы многих государств – Китая, Советского Союза, Японии, Великобритании, Соединённых Штатов Америки.

Авторы обоих романов обращаются к драматическим событиям 1920–1930-х гг., создавая целостную исторически правдивую картину жизни русских эмигрантов, а также происходившие с ними события; для обоих писателей характерно стремление глубоко раскрыть мысли и чувства героев.

Оба писателя описывают трудности жизни русских эмигрантов, стремятся раскрыть различные способы «вживания» в чужую среду;

показать необратимость происходящих изменений. В романах рассматриваются последствия вынужденной изоляции от Родины и процесс смирения с ролью «чужого» в новой стране. Писатели показывают стремление русских воссоздать на территории Китая свой «мир» (либо совсем маленький, личный, – мир семьи и ближайших друзей, либо более широкий, включающий «общину»), своё изолированное пространство и защитить его от вторжения внешних сил (в том числе и от своих соотечественников), сохранив его самобытность.

«Маленький», «комнатный», «семейный» мир, создаваемый героями романов – вопреки историческим обстоятельствам – оказывается для человечества ценнее и важнее, чем мнимыми интересами государств, партий, наций (за которыми на самом деле чаще всего стоят выдаваемые за высокие «государственные цели» корыстные интересы конкретных людей, присвоивших себе право говорить от имени «большинства»).

Л. Баракина и Е. Анташкевич передают растерянность людей, которые оказались на чужбине, раскрывают их психологическое состояние и остроту переживаний, показывают, как они, с одной стороны, пытаются сохранить себя и свои ценности, а с другой стороны, – измениться, чтобы выжить в новых условиях. Время не позволяет им допустить ни минуты промедления, поэтому события сменяются быстро, как в калейдоскопе, и так же быстро герои должны приниматься судьбоносные решения. При этом авторы стремятся сохранять нейтральную, несколько отстранённую от героев позицию, позволяющую читателю делать собственные выводы, исходя из современных представлений об истории России и Китая.

В романах, помимо главных персонажей, с которыми связана основная сюжетная линия, появляется множество персонажей второстепенных, с каждым из которых соотнесена дополнительная сюжетная линия, ответвляющаяся от главной. Эти персонажи представляют как русское население Шанхая и Харбина, так и китайское население регионов, а также многочисленных представителей других стран. Можно

отметить некоторую близость отдельных образов, например, «иных», «идеальных» персонажей, не созданных для жизни в мире насилия, зла, предательства и лицемерия (Митя, принявший имя Сяо Сэн, – в романе Э. Барякиной и Михаил – в романе Е. Анташкевича).

Оба романа обладают сложной, неоднозначной жанровой природой. Произведения можно определить как исторические романы, имеющие документальную основу, в которых события из жизни главных героев протекают на фоне грандиозных исторических перемен. Некоторое сходство романов можно обнаружить на уровне сюжетов, в основе которых используется ситуация потери / расставания – обретения героями друг друга (Клим и Нина; Александр Петрович и Анна Ксаверьевна).

Большое место в произведениях занимают транслируемые персонажами размышления автора о судьбе русских людей, о причинах их исторической отверженности от горячо любимой Родины. Воспроизведение психологической и душевной драмы персонажей предполагает необходимость понимания читателем сути происходящих исторических событий и умение учитывать их контекст, углублённо и внимательно читать текст «между строк», открывать в репликах героев и комментариях к ним скрытый смысл. Романы лишь слегка приоткрывают завесу истории – одну из возможных дверей в прошлое, которая для каждого читателя оказывается «своей» – в зависимости от его личного опыта.

В обоих романах явственно выражается мысль о значимости и ценности каждой уникальной человеческой жизни – независимо от национальности, подданства (гражданства), политических взглядов, философских представлений, религии.

Сравнивая романы «Белый Шанхай» и «Харбин», можно отметить, что они в ряде аспектов *дополняют* друг друга и позволяют представить целостную картину судеб русской «восточной» эмиграции.

Если, например, Э. Барякина описывает судьбы и жизнь персонажей, принадлежащих преимущественно к «среднему» («третьему») сословию, то

Е. Анташкевич – к высшему. В романах показаны два разных способы «вхождения» русских людей в культуру другой страны и других народов, которые можно условно обозначить как «шанхайский» и «харбинский». «Шанхайский» способ был связан с «отвоёвыванием» себе места среди чужих культур, «харбинский» – с борьбой за сохранение традиционного русского уклада, сохранявшегося в городе на протяжении всего периода его «русской истории».

В «Белом Шанхае» сильнее выражена авторская ирония, что способствует возникновению у читателя впечатления о кажущейся поверхностности, лёгкости и «несерьёзности» текста; в «Харбине» текст, идущий от автора, более серьёзный и вдумчивый, изложение событий отличается обстоятельностью, наличием философских отступлений.

Герой романа А. Борисовой [Б. Акунина] мудрый китаец Ван Ин («Иван Иванович») характеризует XX в. как «эпоху Твердых Истин», которые не могут уживаться одна с другой, «а это всегда заканчивается большой кровью», поэтому «лучше жить в эпоху Мягких Истин, ибо они всегда между собой договорятся» [Борисова 2011: 97].

Как показывают романы «Белый Шанхай» и «Харбин», люди разных национальностей и сословий, будучи предоставлены сами себе, легко могут договориться друг с другом и мирно жить рядом, принося пользу и лично себе, и своим странам. Одновременно тексты романов демонстрируют, что если то или иное государство (через своих военных и дипломатических представителей, политиканов или спецслужбы) начинает вмешиваться в жизнь людей, стремясь уложить её в рамки определённой «идеи», то это моментально и неотвратимо уничтожает людей – морально или физически, – губит их «маленький» мир, разрушает отношения взаимопонимания и доверия, сложившиеся между разными народами, экономику государств и, в конечном итоге, наносит огромный реальный вред любой стране и её населению, во имя «интересов» которого безличное «государство» якобы действует.

Таким образом, два художественных произведения, созданных примерно в одно и то же время представителями разных поколений писателей, во многом дополняют друг друга и предоставляют читателю возможность создать собственную картину жизни русской эмиграции в Китае, мысленно реконструировав события прошлого и действия их участников.

Художественные произведения, изображающие жизнь в Шанхае и Харбине, представляют особый вариант «китайского текста» русской литературы. На первом плане в этих произведениях оказывается описание жизни русской эмиграции, в то время как Китай остаётся преимущественно общим «фоном» описываемых событий. По сути такую разновидность «китайского текста» можно называть его «русским вариантом».

Если применительно к русской литературе конца XVIII – первой половины XIX вв. мы говорили о «китайском контексте» русской литературы, в качестве которого выступали исследования первых российских синологов и некоторые «нехудожественные» источники информации о Китае, то применительно к произведениям русской литературы начала XXI в., описывающим русскую эмиграцию, можно сказать, что изображение Китая в этих романах оказывалось «контекстом» русской жизни, воссозданного в них «русского мира».

В то же время нужно отметить, что изображение Китая в этих произведениях было не просто «фоном» (местом действия). «Русский мир» в этих произведениях неизбежно сравнивался с аналогичным «Китайским миром», и такое сопоставление позволяло ставить проблемы межкультурной коммуникации, национальной специфики, позволяло делать историко-философские умозаключения о судьбах разных народов и общих закономерностях исторического развития.

4.3. «Китайский текст» российских синологов

Как мы уже отмечали в разделах 2.1 (««Китайский текст» и «китайский контекст» русской литературы XIX в.») и 2.2 (««Китайский текст» в русской литературе 1880–1910-х гг.»), в процессе формирования «китайского текста» большую роль играли научно-популярные исследования синологов XVIII–XIX вв. (А.Л. Леонтьева, о. Иакинфа [Бичурина], Архимандрита Палладия [Кафарова], И.А. Гашкевича, А.А. Татаринова, М.Д. Храповицкого, академика В.П. Васильева) и выполненные ими переводы классических китайских текстов (книг Лаоцзы, Конфуция, Менцзы и других древних мыслителей, художественных произведений китайской литературы и фольклора), а также описания путешествий по Китаю и прилегающим к нему регионам, которые оказывали воздействие на процесс формирования представлений русского народа о Китае и способствовали развитию «китайского текста».

Деятельность российских синологов способствовала популяризации представлений о Поднебесной, формировала принципы перевода и интерпретации китайских текстов, которые существенно отличались от художественных произведений русских писателей, создававшихся в рамках европейской художественной традиции. Информация о Китае и китайской культуре входила в сознание российских читателей, писателей и критиков и создавала разветвлённый «китайский контекст».

Аналогичная ситуация воспроизводилась и в «китайском тексте» XX века. В этот период, как мы показали в главе 3 (««Китайский текст» в русской литературе 1920–1930-х гг.»), в литературе сформировался сложный и многообразный «китайский текст». Факторами, обусловившими его быстрое развитие, стали возникновение в Китае «русского города» Харбина, а также революции и гражданские войны, которые на протяжении первой четверти века сотрясали как Россию, так и Китай.

Вторая мировая война и приход к власти Коммунистической партии (1948) способствовали экономическому взаимодействию между Советским Союзом и Китаем, усилению взаимного интереса народов друг к другу, а также расширению культурного обмена.

Как мы уже отмечали, в 1950 – начале 1960-х гг. на русском языке были опубликованы многочисленные произведения китайской литературы, – как классические, так и современные.

В свою очередь, в 1950-е годы на китайский язык были переведены произведения классиков советской литературы. Много информации об этом содержится в китайских источниках. «Быстрое распространение советской литературы в 1950 гг. тесно связано с литературной политикой первых лет Китая, которая была основана на выступлении Мао Цзедуна на Совещании по вопросам литературы и искусства в Яньане в мае 1942 г. Чэнь Наньсянь назвал и охарактеризовал критерии оценок произведений литературы: политика – первична, литературность – вторична <...>. Ученый полагал, что такой псевдолитературоведческий принцип усиливал политический утилитаризм в подходе к явлениям литературы и серьезно ослабевал их эстетическую значимость <...>. Благодаря этим исследованиям выяснилось, что ценностные ориентации советской «красной классики» согласуются с общей идеологией двух стран, т.е. все это во многом определялось потребностями идеологии», – отмечает современный китайский литературовед [Ян Янь 2016: 53].

Особой популярностью в Китае пользовался роман Н. Островского «Как закалялась сталь» («Поистине рекордным стал издательский тираж этого произведения в Китае в 1950 гг. по сравнению с другими произведениями советской “красной классики” – 8 млн. экземпляров» [Юй Цзя 2005: 6], и это можно объяснить тем, что утверждение такого типа литературного героя полностью «отвечало потребностям китайской литературы» [董晓 – Дун Сяо 2009: 38]). Огромными тиражами издавались

«Мать» М. Горького, «Разгром» и «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Железный поток» А. Серафимовича, «Тихий Дон» М. Шолохова.

Публикация произведений советской литературы (относившихся к «социалистическому реализму») и её «яркий революционный пафос» способствовали тому, что она «оказала заметное воздействие на китайскую литературу», в результате чего в ней сформировалось похожее явление – китайская «красная классика». В «красную классику» вошли такие произведения писателей, как «трилогия “Красный утес” («红岩») Ло Гуанбина (罗广斌) и Ян Ияня (杨益言) (1957), “Реет красное знамя” («红旗谱») Лян Бина (梁斌) (1958) и “Красное солнце” («红日») У Цяна (吴强) (1959) и др.» [Ян Янь 2016: 53].

В 1950–1960-е гг. под влиянием творчества советских писателей (особенно М.А. Шолохова) в китайской литературе активизировалась «деревенская» тематика, что привело к появлению таких произведений, как «Реет красное знамя» Лян Бина (1958), «Красный женский отряд» («红色娘子军») Лян Синя (梁信) (1958), «История создания нового дела» («创业史») (Т. 1) Лю Цина (柳青) (1960) и др.» [Ян Янь 2016: 53].

События Культурной революции и последовавшее после этого охлаждение отношений между Советским Союзом и Китаем в 1960-е – первой половине 1970-х гг. затормозили процесс взаимодействия культур и формирования «китайского текста» русской литературы. Политические разногласия, естественно, воздействовали на культурное общение, которое существенно сократилось. Однако это не повлияло на личный интерес, проявляемый «советскими» людьми, к Китаю и китайской культуре, – по крайней мере, повлияло в меньшей степени, чем это можно было бы ожидать в такой ситуации. Для многих российских читателей жизнь китайского народа была интересна ещё и потому, что события, которые они

наблюдали в Китае, во многом походили на те, что происходили в самом СССР на протяжении предшествующих десятилетий.

После нормализации отношений между Россией и Китаем в 1990–2000-е гг. культурные контакты между странами восстановились; возобновилась работа над переводом произведений китайской литературы – как древней, так и современной, – а также переиздание классических переводов, выполненных в 1950-е гг.

Все эти факторы, с одной стороны, способствовали росту интереса к культуре Китая со стороны широких читательских кругов Советского Союза (России), а, с другой, – быстрому развитию синологии, совершенствованию мастерства художественного перевода.

В 1980–1990-е гг. большой интерес у российских читателей вызвали переводы детективных произведений нидерландского писателя, учёного-востоковеда и дипломата Роберта ван Гулика (1910–1967). Им был создан цикл из 19 произведений о знаменитом китайском Судье Ди⁷³. В него вошли повести «Смерть под колоколом» или «Убийство на улице Полумесяца» (1958), «Золото Будды» (1959), «Убийство в Цветочной лодке» (1960), «Убийства гвоздями» (1961), «Монастырь с привидениями» (1963), «Императорская жемчужина» (1963), «Лакированная ширма» (1964), «Красный павильон» (1964), «Призрак в храме» (1966), «Убийство в Кантоне» (1966), «Ожерелье и тыква-горлянка» (1967), «Поэты и убийцы» (1968) и некоторые др., а также сборники рассказов «Обезьяна и тигр» (1965), «Судья Ди в деле» (1967), созданные в 1950–1960-е гг. (первое произведение цикла – повесть «Убийство на улице Полумесяца» – была написана в 1949–1950 гг.).

⁷³ Судья Ди, Ди Жэньцзе [狄仁傑] – известный государственный деятель Китая, живший в VII в. в эпоху Тан. Его деятельность описана в китайском детективном романе неизвестного автора XVIII в. эпохи Мин «Ди Гун Ань» [狄公案 – Dì Gōng Àn]. Этот роман в 1949 г. был переведён Р. ван Гуликом на английский язык под названием “An Celebrated Cases of Judge Dee” («Знаменитые дела судьи Ди»).

Роберт ван Гулик, с одной стороны, следовал принципам организации художественного текста, привычным для европейских читателей (в том числе традициям «массовой» литературы), а, с другой стороны, успешно совмещал их с приёмами, характерными для традиционного китайского литературного повествования. При этом в художественных произведениях писатель следовал собственным научным увлечениям.

Для произведений Р. ван Гулика о Судье Ди было характерно использование исторических фактов и обращение к образам реальных исторических персонажей. Писатель прекрасно знал религиозные и философско-этические представления китайцев, особенности национального быта и следовал традициям китайской литературы и искусства (например, использовал сложный разветвлённый сюжет). С другой стороны, писатель воспроизводил не конкретное историческое, а «обобщённое» художественное время, в котором совмещались черты нескольких исторических эпох (Тан и Мин), а реально существовавшие исторические лица действовали наравне с придуманными «типичными» персонажами.

Глубокое понимание писателем китайской истории, культуры и литературы, менталитета, знание национальных реалий, умение построить детективный сюжет (соблюдая при этом традиции китайских детективных произведений XVI–XVIII вв.), яркие образы персонажей (таких, как Судья Ди Жэньцзе, Советник Хун Лян, «люди из зелёного леса» Ма Жун и Цзяо Тай, «гость рек и озёр» Дао Гань) стали причиной, обусловившей популярность его произведений и рост интереса к Востоку в целом и конкретно – к культуре и искусству Китая – у читателей из Великобритании, США, Франции⁷⁴ и некоторых других стран⁷⁵. Его

⁷⁴ Французский писатель Ф. Ленорман в 2000-е гг. продолжил серию произведений о судье Ди. Им были написаны повести «Замок Чоу-ань» (2003), «Расследует госпожа Ди» (2004), «Смерть повара» (2005), «Китайская медицина для убийц» (2007) и другие произведения.

⁷⁵ Украинские писатели-фантасты Д.Е. Громов и О.С. Ладыженский, пишущие на русском языке под псевдонимом Генри Лайон Олди, в 1996 г. опубликовали роман

произведения формировали «китайский текст» в европейской литературе, а в дальнейшем – и в России (в которой, правда, эти романы были опубликованы тремя десятилетиями позже).

Все эти факторы в совокупности способствовали тому, что в начале XXI в. в России стали появляться повести и романы, развивавшие традиции «китайского текста», заложенные романами Роберта ван Гулика.

В результате в русской литературе сформировалась особая разновидность «китайского текста», которую составили художественные произведения, созданные российскими учёными – филологами и историками (чаще всего востоковедами).

Их произведения были основаны на глубоком знании традиционной китайской литературы, истории и культуры (и на этом основании могут быть признаны в определённой степени «элитарными»); однако одновременно их можно рассматривать как создания «коммерческой» литературы, ориентированной, в первую очередь, на массового читателя (таким же качеством обладает, например, творчество Б. Акунина, в котором глубокое понимание истории русской и японской культур органично совмещается с приёмами «массового» искусства). Наличие сложного разветвлённого сюжета, основанного на исторических событиях, сочетающегося с игровыми элементами, организованными в форме квеста, использование фантастики и игры с читателем, яркий и выразительный язык персонажей, система многочисленных экзотических «китайских» деталей формируют особый «китайский» художественный мир, способствующий максимальному погружению читателя в сюжет и помогающий ему представить себя непосредственным участником событий.

«Мессия очищает диск», одним из главных персонажей которого является Судья Бао (包拯 – Bāo Zhěng, Бао Чжэн) по прозвищу «Драконова Печать» – реально существовавший государственный деятель эпохи Сун (XI в.), обожествлённый после смерти как «Бао Гун» (Князь Бао) и ставший Судьёй Загробного мира. Судья Бао является героем ряда китайских детективных произведений XIII–XIX вв. В образе Судьи Бао в произведениях Олди можно обнаружить влияние традиции, идущей от произведений Р. ван Гулика.

К числу таких произведений могут быть отнесены, например, роман Д.Е. Косырева⁷⁶ [литературный псевдоним – «Мастер Чэнь»] «Любимая мартышка дома Тан» (2006 г.) [Косырев 2012], роман А.А. Коростелевой «Цветы корицы, аромат сливы» (2009; опубликован в 2013 г.) [Коростелёва 2013], циклы произведений, созданные известными российскими востоковедами-синологами и переводчиками, докторами наук И.А. Алимовым и В.М. Рыбаковым.

Авторы этих текстов, в которых отчётливо проявляется связь с современным литературным процессом (например, в них использован ряд принципов, характерных для постмодернизма, оказывавшего сильное воздействие на российский литературный процесс в 1990–2000-е гг.), в ряде аспектов следовали поэтике, реализующейся в самой китайской словесности, которая всегда отличалась акцентированием историко-философской проблематики, высокой степенью «литературности» (проявляющейся, в частности, в широком использовании разнообразных культурных аллюзий, цитат из философских, исторических и литературных прозаических и поэтических текстов, обращением к фантастике).

В этих произведениях развивалась традиция, сформировавшаяся в русской литературе на протяжении последней трети XIX в., когда китайский текст нередко создавался под непосредственно воздействием исследований российских востоковедов и сделанных ими переводов китайских классических текстов. Другим источником такого типа поэтики можно назвать созданные в 1920–1930-е гг. произведения российских писателей-эмигрантов, использовавших некоторые традиционные для китайской литературы образы и сюжеты, – например, А.П. Хейдока (сборник «Звёзды Манчжурии»).

⁷⁶ Д.Е. Косырев [литературный псевдоним – Мастер Чэнь] (р. 1955 г.) – российский востоковед, журналист, создатель нескольких серий произведений историко-детективной и историко-приключенческой литературы.

Особое место в «китайском тексте» начала XXI в. занимают произведения, написанные И. Алимовым и В. Рыбаковым. Созданные ими произведения позволяют увидеть многие характерные особенности «китайского текста» русской литературы начала XXI в. Поэтому в своей диссертации мы остановимся на них более подробно.

К числу их произведений относится так называемый «Ордусский цикл» повестей (авторы называют их «романами») под общим названием «Плохих людей нет (Евразийская симфония)» (2000–2005), созданный (в соавторстве) И. Алимовым и В. Рыбаковым, опубликованный под литературным псевдонимом «Хольм ван Зайчик» [Зайчик 2000; Зайчик 2001; Зайчик 2001; Зайчик 2001; Зайчик 2004; Зайчик 2005], а также написанные И.А. Алимовым цикл повестей «О чём умолчал Пу Сун-Лин» (“You Know My Name”; “Romeo is bleeding”; “Real Love”; “Coming To The East”; “A fifteen minutes intermission”, 2004–2008) и романная трилогия «Дракон» (2010–2011) [Алимов 2010; Алимов 2011; Алимов 2011], подготовленная в рамках «межавторского» проекта «Этногенез».

Как мы уже отмечали, художественные произведения, созданные писателями-востоковедами, часто развивают проблематику их научных исследований. Так, в серии «Плохих людей нет (Евразийская симфония)» используются результаты теоретических исследований В.М. Рыбакова, посвящённые китайской бюрократии династии Тан, а также осуществлённый им перевод на русский язык танского кодекса «Тан люй шу и» (唐律疏議 – Táng lǜ shū yì – «Уголовные установления Тан с разъяснениями») [Рыбаков 1999; Рыбаков 2001; Рыбаков 2005; Рыбаков 2008; Рыбаков 2009; Рыбаков 2013; Рыбаков 2013; Рыбаков 2015].

Повесть «Дело лис-оборотней» (включённая в серию «Плохих людей нет»), а также написанный И. Алимовым цикл «О чём умолчал Пу Сун-Лин», тесно связаны с проводившимися их автором научными исследованиями фольклорных и литературных текстов сунского Китая

[Алимов 1993; Алимов 2008] (например, в «Деле лис-оборотней» появляется «девятихвостая лиса» – персонаж китайского фольклора).

В сознании подготовленного читателя псевдоним авторов «Хольм ван Зайчик» явно ассоциируется с указанным выше автором серии детективов о Судье Ди – Робертом ван Гуликом. Хольм ван Зайчик выступает в произведении и как самостоятельный персонаж – автор-составитель цикла – наподобие пушкинского Белкина («Повести Белкина») или щедринского Летописца («История одного города»). Зайчик характеризуется в качестве «удивительного еврокитайского писателя» и «великого гуманиста» – «голландца по происхождению», «русского по умонастроению», «китайца по языку своих сочинений», труды которого пользуются в Китае «всеобщей любовью и уважением». Хольм ван Зайчик – знаток и коллекционер китайских древностей: в его библиотеке, например, сохранилась 22-ая глава «Шао Мао» книги Конфуция «Лунь Юй» («Суждения и беседы»), считающаяся утраченной ещё во времена царствования Императора Цинь Ши-хуанди (秦始皇帝 – Qín Shǐ Huáng-dì)⁷⁷, и даже 23-я глава (данных о существовании которой вообще не имеется), фрагменты текста которых используются в качестве эпитафий к отдельным книгам⁷⁸.

В произведениях, вошедших в «Ордусский цикл», существуют и другие указатели (как правило, иронически осмысленные) на его связь с циклом ван Гулика. Например, в одной из повестей цикла, имеющей название «Дело судьи Ди» (по имени главного героя произведений нидерландского писателя), основным персонажем оказывается «славный кот» по имени «Судья Ди», который к тому же является ещё и «императорским чиновником» и имеет заслуженные награды («Судья Ди» появляется также в других произведениях цикла).

⁷⁷ В Предисловии к книге сообщается, что, по свидетельству древних комментаторов, 22-ая глава была написана Учителем «собственноручно за несколько месяцев до кончины» и содержала «квинтэссенцию конфуцианской мудрости» [Зайчик 2000].

⁷⁸ Здесь и далее нами приводятся цитаты из вступления «От редактора» (по имени «Ольга Трофимова»), которые характеризуют «Ордусский цикл» и его автора – Хольма ван Зайчика. Различия во вступлениях к разным книгам цикла незначительны.

Такого рода аллюзии, вызывающие у квалифицированного воспринимающего разнообразные ассоциации с прошедшими и современными событиями, погружают его в «смеховую» атмосферу постмодернистского карнавала.

«Ордусский цикл» – так же, как и произведения ван Гулика, можно отнести к произведениям детективного жанра. Если в произведениях нидерландского писателя главными постоянными персонажами являются Судья Ди и его помощники Хун Лян, Ма Жун, Цзяо Тай и Дао Гань, то в «Ордусском цикле» функцию главного героя выполняют «сыскарь» Багатур Лобо (Баг), имеющий прозвище «Тайфэн», и учёный-законник («минфа», то есть «проникший в законы») Богдан Рухович Оуянцев-Сю, которые расследуют совершающиеся в стране «человеконарушения».

«Ордусский цикл» состоит из трёх томов («цзюаней»⁷⁹). Первая («детективная») цзюань включает произведения «Дело жадного варвара» (2000), «Дело незалежных дервишей» (2001), «Дело о полку Игорева» (2001); Вторая («мистическая») цзюань объединяет повести «Дело лис-оборотней» (2001), «Дело победившей обезьяны» (2003), «Дело судьи Ди» (2003); Третья («этическая») цзюань содержит повесть «Дело непогашенной луны» (2005).

Каждое из этих названий в постмодернистском ключе указывает на связь с тем или иным произведением китайской или русской литературы («Дело лис-оборотней» – на новеллы Пу Сунлина; «Дело победившей обезьяны» – на классический роман «Путешествие на Запад» и многочисленные китайские фольклорные тексты о Царе Обезьян и об обезьянах вообще, а также на книгу Р. Ван Гулика «Гиббон в Китае: Эссе на

⁷⁹ Цзюань [卷 – juàn] кусок шёлка (свиток), который в Древнем Китае до изобретения бумаги использовался как материал для записи текстов и одновременно как особая единица измерения текста. Слово «цзюань» может быть переведено на русский язык как «том», «часть», «глава» книги (или не переводиться вообще). В современном китайском языке иероглиф 卷 используется не только в функции глагола или существительного, но и в функции «счётного слова» при обозначении количества «рулонов», «свёртков», «катушек», книг, томов, тетрадей, файлов и т. д.

темы китайских преданий о животных»; «Дело непогашенной луны» – на «Повесть непогашенной Луны» Б. Пильняка; «Дело о полку Игореве» – на древнерусский памятник «Слово о полку Игореве» и т. п.) или пародийно намекают на исторические ситуации XX в. («Дело жадного варвара», «Дело незалежных дервишей»). Историко-культурные параллели могут быть найдены между персонажами произведений «Ордусского цикла» и литературными героями (а также историческими лицами) недавнего времени.

«Ордусский цикл» может быть отнесён к числу произведений так называемой «альтернативной истории» – разновидности фантастической литературы, в которой изображается *«потенциальная»* реальность, основанная на допущении (гипотезе), согласно которой в один из переломных моментов истории («точке развилки»; «точке бифуркации») история пошла по другому пути (одним из основоположников произведений «альтернативной истории» является русский писатель-эмигрант М.К. Первухин).

Авторы «Ордусского цикла» исходят из фантастического допущения о том, что Государство Чингиз-хана, объединившее в XIII в. Китай, Древнюю Русь и ряд других государств того времени, не развалилось в XIV–XV вв. (как это произошло на самом деле), а в результате продолжительного прогрессивного развития превратилось в современное передовое государство Ордусь (название, производное от слов «Орда» и «Русь») «евразийского» типа (отсюда название цикла «Евразийская симфония»): «История этой удивительной страны началась в шестидесятих годах тринадцатого века, когда Александр Невский и его побратим, сын Батые Сартак, вступивший после смерти отца на ордынский престол, договорились о партнёрском объединении Святой Руси и Золотой Орды ради блага населяющих их народов, дабы взросло их чаяниями единое правовое государство, где царить будет единственно диктатура закона». В центре этого государства находится «Цветущая Средина (собственно

Китай), по окраинам – семь улусов, окрест – варварские страны»; у него имеются три столицы: «Ханбалык [прототипом которого является Пекин. – А.К.] на востоке, Каракорум в центре и Александрия Невская [прототипом которой является Санкт-Петербург. – А.К.] на северо-западе». «Синкретическое вероисповедание под сенью этического учения Конфуция: православие, ислам, буддизм, даосизм, иудаизм мирно уживаются на обширных землях славной империи»⁸⁰.

В культуре Ордуси соединились национальные особенности России и Китая (а также некоторых тюркских народов), выразившиеся в принципах государственного устройства, правовых положениях, философско-этических принципах, бытовых традициях, менталитете и т. п.: «Именно эта культура – культура уважительности к иному, культура способности всё считать родным и всё приспособлять для пользы народа – к двадцатому веку сделала Ордусь величайшим, богатейшим и гуманнейшим государством мира. Оно раскинулось от сияющих тропиков Индокитая и Тайваня до холодных вод Суомского залива» [Зайчик: Дело жадного варвара].

Как мы уже отмечали ранее, одна из существенных особенностей «китайского текста» русской литературы заключалась в том, что писатели, используя экзотический «восточный» материал, рассматривали его через призму актуальных проблем российского общества (связанных с осознанием национальных особенностей культуры, интерпретациями перспектив её развития и способов совершенствованием существующей общественной системы). В первую очередь, это осмысление места российской цивилизации в системе координат «Запад – Восток», проблема выживания и взаимного поглощения цивилизаций и культур, соотношение «глобалитета» и «локалитета», перспективы развития общества в условиях глобализации.

⁸⁰ Здесь также приводятся цитаты из вступления «От редактора».

Поэтому вполне закономерным оказывается тот факт, что произведения, образующие «китайский текст» русской литературы, нередко обращались к «альтернативной» («потенциальной») истории и оказывались предметом актуальных дискуссий. Не стали исключением в этом плане и рассматриваемые произведения. Особенно много разнообразных откликов получил «ордусский» цикл (и особенно вошедшая в него повесть «Дело о полку Игореве»), в котором своеобразно представлена концепция совместного «евразийского» пути развития России и Китая.

Так, с точки зрения Е. Чудиновой, опубликовавшей статью «Вышел зайчик клеветать» (статья датирована 24.08.2015), цикл «Хольма ван Зайчика» «Ордусь» – и, прежде всего, повесть «Дело о полку Игореве» – это попытка разрушения русской культуры изнутри, «историческая ложь», которая «не способствует мирному сосуществованию, а лишь плодит новые беды», предлагающая русскому читателю «опасный тезис» о допустимости «пренебрежения к русской культуре» «всему русскому и христианскому» [Чудинова 2018].

Противоположную мысль утверждал Д. Юрьев в статье «Еврабия против Ордуси» (статья датирована 28.08.15): «...Мир Ордуси» – это никакой не китайский, мусульманский или ордынский мир. Это – мир, отформатированный по-русски, мир, построенный по лекалам, которые Вячеслав Рыбаков издавна прикладывает к “русской цивилизации”», а весь цикл следует рассматривать не как «альтернативную историю», а в качестве способа выражения особого «альтернативного мироощущения», которое является альтернативой мироощущения, характерного для тоталитарного общества, – «тех, кто знает, как надо» [Юрьев 2018].

Одна из существенных особенностей «китайского текста» русской литературы XXI в. – сложная, многослойная организация художественного пространства-времени, которое становится одним из основных способов

выражения авторской позиции. Периоды жизни героя произведения в процессе развития сюжета обретают ценностный смысл.

«Игорь Алимов, знаток китайской истории и культуры, использует мистические приключения в ориентальном ключе как декорацию для притчи: в сладкой оболочке подаётся горькая пилюля. Так, центральные персонажи цикла рассказов “О чем умолчал Пу Сун-Лин” в разных обстоятельствах покидают правильный путь (по большому счету, отходят от духа Традиции). И забавные перипетии любовных связей во всех случаях приводят их к весьма неприятному финалу. Чем больше они удаляются от верного маршрута, тем горшее воздаяние их ждёт. Все они вовлекаются в чудо, так или иначе попросившись с нравственной ответственностью, и чудо, не имеющее благой христианской природы не приносит им ничего хорошего», – отмечает современный литературовед Д.М. Володихин [Володихин 2007: 1064].

В отличие от традиционного жанра исторического романа, в котором обычно изображается какой-либо конкретный исторический период (пусть даже и соотнесенный с современностью), произведения, включающие китайский текст, обращаются к истории китайской культуры в целом, без установления конкретных хронологических границ.

Реальное историческое время, прошлое и современность сочетаются с фантастикой; культурные реалии Древнего и современного Китая; действительные факты переплетаются с фантастикой и вымыслом, современный сюжет и образы накладываются на традиционные для китайской культуры литературные и мифологические образы и сюжеты. «Сериальность» книг позволяет читателю глубоко погрузиться в мир китайских древностей, соотнося события минувшего с современными. Символические встречи, разговоры и события втягивают читателя в мир загадок, ответ на которые он пытается найти как вместе с главным героем, так и самостоятельно, применяя метод дедукции. Визуальные

характеристики художественного мира произведений несут эмоционально-оценочную нагрузку, передающую авторское отношение к Китаю.

Примером такого сложно организованного «китайского текста» может служить трилогия И.А. Алимова «Дракон», созданная в рамках «межавторского цикла-проекта» «Этногенез»⁸¹.

В тексте трилогии изображение современного Китая накладывается на ключевые эпизоды его прошлого, которые связываются сквозным сюжетом, отражающим события жизни главного героя – Константина Чижикова.

Описание переходов главного героя из одного пространства и времени в другое (Россия – Китай; современный Пекин – Древний Чанъань) символизирует его духовное становление, а художественное пространство создаётся посредством зарисовки достопримечательностей, воспроизведения деталей городских пейзажей, предметов одежды и быта.

Изучение «китайских текстов» русской литературы начала XXI века предоставляет читателю уникальную возможность осмысления истории Китая, понимания некоторых закономерностей развития как китайской, так и русской культуры, специфики функционирования их идеологем.

Все произведения автора основаны на глубоком знании китайской истории и культуры и одновременно ориентированы на самый широкий круг читателей. Наличие ярких изобразительных элементов, игра с читателем, сюжет в форме квеста, визуальная составляющая фактически не доминирует над вербальной информацией о происходящем в произведении позволяют читателя максимально погрузиться в разворачивающиеся события так.

И.А. Алимов часто воспроизводит образы, сюжеты и символы, восходящие к китайской мифологии: духов, тигров, дракона, цилиня, птицы

⁸¹ Трилогия включает следующие произведения: «Дракон. Наследники Жёлтого императора» (2010) [Алимов 2010], «Дракон-2. Назад в будущее» (2011) [Алимов 2011], «Дракон-3. Иногда они возвращаются» (2011) [Алимов 2011].

феникс и, конечно же, способной принимать человеческий облик девятихвостой белой лисы. «Первоначально появление девятихвостой лисы считали счастливым предзнаменованием исключительно для владетельных родов, но после Тан за белой лисой в народной фантазии сохранилось по-прежнему свойство быть добрым вестником – уже для любого человека. Другое дело – фея-лиса. Она способна приносить человеку и беду, и добро, её образ противоречив. Если ей приносить жертвы, то она может помочь, может отблагодарить за справедливое к ней отношение... как правило, она не в ладах с человеком» [Алимов 2008: 53–54].

В трилогии историческое время гармонично совмещается с многослойным пространством культурных реалий древнего и современного Китая; реальность исторических фактов сочетается с фантастикой. Воспроизводя художественный мир Китая с древних времён до наших дней, писатель маркирует его описаниями многочисленных предметов искусства (древних антикварных вещей), что создаёт эффект таинства и наполняет происходящее сакральным смыслом. «Сериальность» книг позволяет читателю погружаться в мир китайских древностей, соотнося факты и традиции минувшего с современными событиями. Множество символических встреч, разговоров и событий втягивают читателя в мир загадок, ответы на которые читатель может находить как в диалоге с главным героем, так и самостоятельно, применяя метод дедукции.

Синтез культурологических, исторических, языковых и смысловых детализаций, визуальные атрибуты образа древнего Китая (талисманы, иероглифы, рукописи), сакральное значение которых уходит вглубь Древнего Китая, позволяют отнести эту трилогию к разновидности «китайского текста», культурно-исторический контекст которого частично также выражен текстуально.

Как мы уже отмечали, циклы, созданные И. Алимовым и В. Рыбаковым, выражают *постмодернистское* восприятие культуры Китая. В их художественной форме использованы приёмы, характерные для

постмодернизма (обращение к «готовым» художественным образам и деталям, «мозаичность» представленной картины мира, ироническая репрезентация действительности, игра с читателем и реинтерпретация, употребление аллюзий, заимствованных из других текстов, синкретизм, совмещение в одном тексте противоречащих друг другу стилевых принципов и другие).

Основываясь на этих признаках, можно предположить, что многообразная история и культура Китая оказываются подходящим материалом для постмодернизма. Исторические ситуации, мифологические и исторические образы, извлечённые из связанного с ними культурного контекста и помещённые в парадоксальную реальность современной маргинальной действительности, способность к достижению консенсуса с любой – даже самой далёкой – культурой, создают широкое поле для их многообразных художественных и обыденных интерпретаций, для интеркультурного диалога.

Необычная (и даже абсурдная, разрушающая представления «здорового смысла») с позиции представителей традиционной культуры Запада (в том числе и России) логика культуры Востока и созданные в её рамках тексты, в рамках постмодернистского мышления становятся источником объединяющим и структурирующим началом, позволяющим «подставить под лишённые смысловой нагрузки фрагменты чужой культуры свой Смысл, свою Сущность, свою Волю»⁸².

Созвучными с некоторыми принципами постмодернизма оказываются отдельные представления буддизма (например, идея «переселения душ») и парадоксы философии даосизма, раскрывающей сущность взаимного превращения противоположных начал Вселенной.

⁸² См.: Корнев, С. Восточный постмодернизм: Логика абсурда и «мышление между строк». — URL: <http://old.russ.ru/journal/kritik/98-06-16/kornev0.htm> (дата обращения: 20.07.2019). — Текст : электронный.

Поэтому не случайно сюжетные ситуации, образы и стили, соотнесённые с культурой Китая, нередко используются в произведениях русских писателей-постмодернистов, которые не являются по своей профессиональной деятельности синологами (хотя они и связаны в своих жизненных интересах с Востоком).

В рассказе В. Сорокина «Сoncretные», действие которого происходит в будущем, стилизуется молодёжный жаргон, где русские слова соединяются с английскими и китайскими словами, а также лексическими, словообразовательными, грамматическими и синтаксическими конструкциями: «Не надо делать минус-позит, не надо иметь плюс-плохо! Не надо делать чукоу! Надо делать жукоу! Надо иметь плюс-директ на ваньшан! Чтобы было похорошо-на-ваньшан, а не похорошо-на-байтянь! Не надо иметь вамбандан в плюс-позите! Надо иметь по-правильное бу-цо!» [Сорокин 2000: 75]. Китай в качестве особого «аспекта» интерпретируемого будущего России показан в повестях В. Сорокина «День опричника» [Сорокин 2009], «Метель» [Сорокин 2010], «Теллурия».

В рассказе («китайской народной сказке») В. Пелевина «СССР Тайшоу Чжуань» [Пелевин 2003] использован текст и сюжет известной новеллы китайского писателя эпохи Тан Ли Гунцзо [李公佐] «Правитель Нанькэ» [南柯太守传] (в дальнейшем интерпретированном китайским драматургом Таном Сяньцзу и в японской версии рассказа под названием «Сон Акиносукэ») и (частично) новеллы XVII в. «Сюцай в царстве теней». Обращение к известным текстам китайской культуры и связанным с ним читательским ассоциациям используется для выражения актуального исторического и политического содержания, соотнесённого в произведении с ситуациями, хаорактеризующими жизнь России в 1990-е гг. Аналогичные функции выполняет обращение к теме и образам Китая в других произведениях В. Пелевина, – например, в рассказе «Нижняя тундра», романе «Числа» [Пелевин 2003] или в романе «Священная книга оборотня» [Пелевин 2005].

4.4. Выводы

В 1940–2010-е гг. «китайский текст» русской литературы продолжал развиваться. Однако в этот период его структура и особенности функционирования существенно изменялись.

Основные особенности «китайского текста» на этом этапе развития можно свести к следующим:

1. После завершения истории русской восточной эмиграции «китайский текст» русской литературы опять стал «однопоточным». Жизнь русских анклавов в Харбине и Шанхае оказалась объектом историко-философских размышлений в научных исследованиях и в мемуарных текстах, а также предметом художественного изображения в повестях и романах.

2. В истории развития «китайского текста» в русской литературе после 1940 г. можно выделить следующие периоды: 1) 1940-е гг., главным содержанием которых являлось завершение литературы русской восточной эмиграции; 2) 1950-е гг., во время которых в рамках советской литературы происходило знакомство с китайской культурой (через посредство переводов разнообразных «текстов культуры» и отдельных «просветительских» произведений); 3) 1980–1990-е гг., когда вновь стали издаваться переводы китайской литературы (преимущественно современной) и было продолжено создание разнообразных «просветительских» произведений (травелогов, научно-популярной «исторической» и «прикладной» литературы) о Китае. Особо выделяется последний – *четвёртый* – период (2000–2010-е гг.), отмеченный появлением большого количества произведений, отнесённых нами к «китайскому тексту».

3. В 2000–2010-е гг. в русской литературе сформировался развёрнутый *художественный* образ Китая, включающий его пространство и историю, а также жизнь русской восточной эмиграции. В диссертации

выделяется несколько жанрово-стилевых вариантов «китайского текста», созданных в этот период: литературные мемуары представителей младшего поколения «харбинцев» и «шанхайцев»; приключенческие романы и повести о жизни «белой» эмиграции; произведения о Китае, создававшиеся специалистами-синологами в форме «альтернативной» истории; любовно-исторические романы на тему истории Китая; повести и романы о жизни современных китайских студентов, написанные преподавателями русского языка как иностранного, и некоторые другие.

4. Для «китайского текста» мемуарной литературы 2000–2010-х гг. в его двух рассмотренных в диссертации вариантах – «интеллигентском» (Е. Якобсон) и «народном» (Д. Зайцев) – характерно стремление передать объективную оценку пережитым событиям (исходя из исторического опыта, полученного в последующие годы), в том числе – событиям, происходившим в жизни китайского народа, а также интерес к накопленному эмигрантами опыту *транскультурной коммуникации*.

5. В исторических приключенческих романах о жизни «белого» Харбина и Шанхая широко использовались разнообразные исторические источники; среди персонажей произведений появляются – наряду с вымышленными – многочисленные реальные исторические лица. Для этих произведений характерно воспроизведение «экзистенциального» сознания русских эмигрантов, в котором сталкиваются две контрастные ценностно-смысловые системы («эмигрантская» и «советская»), оценить «верность» которых (в соответствии с современными критериями) предлагается самому читателю. В этих произведениях содержатся размышления о национальной специфике русской и китайской национальной культуры (в сопоставительном плане) и о роли «русских анклавов» в процессе сохранения и развития культуры. Другая важная особенность произведений этой группы – то, что в них показывается процесс создания русскими эмигрантами – вопреки историческим и экономическим обстоятельствам – «семейного» («комнатного») мира, который сталкивается с губительной

силой общественных «идей», с безличными и абстрактными «интересами государства», безжалостно разрушающего «маленький» мир человека и, в конечном итоге, губящего его.

6. Произведения о Китае, опубликованные писателями-синологами в 2000–2010-е гг., создавались в рамках русской традиции художественных переводов и интерпретаций китайских текстов; они способствовали дальнейшей популяризации представлений о Китае. Данные тексты, выполненные с использованием постмодернистских художественных принципов («игра с читателем», «коллаж» художественных текстов, совмещение разных временных «слоёв»), с одной стороны, можно отнести к «романам культуры» (в данном случае – культуры «восточной», китайской), с другой стороны, – к произведениям «альтернативной» истории.

7. В исследуемый период русские писатели, используя экзотический «восточный» (точнее, «китайский») материал, рассматривали его через призму актуальных проблем российского общества (связанных с осознанием национальных особенностей культуры, перспектив её развития и способов совершенствования существующей общественной системы, а также с решением экономических проблем). Они стремились осмыслить место российской цивилизации и её перспективы в системе культурных координат «Запад – Восток».

8. Важнейшие проблемы, поставленные в рамках русского «китайского текста» 1940–2010-х гг., – транскультурная коммуникация и критический анализ опыта межкультурного диалога, накопленного русскими людьми в течение XX в.

9. «Китайские тексты», созданные в 2000–2010-е гг., формировали в русской культуре новый «китайский контекст», который предоставлял российскому читателю возможность понять Китай, его неповторимую философско-этическую систему и культуру, осмыслить его историю (в сопоставлении с историей и культурой России).

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Продланное в диссертации исследование истории формирования «китайского текста» в русской литературе XIX–XXI вв. позволяет прийти к следующим **выводам**:

1. В русской литературе существовала традиция обращения к мотивам, образам и сюжетам, соотносившимся с китайской культурой, которая в XVIII в. привела к формированию «китайского контекста», а в середине XIX в. – «китайского текста», который, с одной стороны, способствовал формированию в общественном сознании *представлений о Китае* (или «образа Китая»), с другой – становился способом размышлений о судьбе России и её месте в системе мировой цивилизации.

2. На протяжении XVIII–XIX вв. в российском обществе постоянно возрастал интерес к философии, культуре и искусству Китая, что было обусловлено как географическим соседством двух стран, так и политическими целями российского государства. В конечном итоге это стало одной из основных причин формирования в русской литературе «китайского текста».

3. Китайская культура привлекала российских писателей и читателей духовными ценностями, высокими нравственными принципами, глубиной философской мысли, обращением к исследованию истинного предназначения человека, размышлениями о природе добра и справедливости, которые имели многовековую традицию в Китае.

4. «Китайский текст» русской литературы был органичной частью русской культуры и наследовал традиции русской классической литературы «Золотого» и «Серебряного» веков.

5. «Китайский текст» русской литературы активно взаимодействовал с разными литературными направлениями: романтизмом, символизмом, акмеизмом, футуризмом, социалистическим реализмом, постмодернизмом.

Основную роль в нём играли *реалистические* традиции русской литературы.

6. В истории развития «китайского текста» русской литературы можно выделить несколько этапов: 1860–1910-е гг., 1920–1930-е гг., 1940–2010-е гг. Для каждого из этих этапов были характерны свои особенности.

7. В русской литературе первой половины XX в. «китайский текст» существовал в двух разновидностях – «советской» и «эмигрантской». Общим для них был традиционный для русской литературы интерес к жизни народа и к духовной культуре страны. В «советском» варианте «китайского текста» большее внимание обращалось на идеологические проблемы и изображение революционного движения народных масс; в «эмигрантском» варианте – на нравственно-философские и культурологические проблемы.

8. «Китайский текст» русской литературы находился в постоянном взаимодействии с «китайским контекстом», с переводами китайской классической словесности. Большую роль в формировании «текста» и «контекста» играла деятельность российских синологов и путешественников-естествоиспытателей.

9. Основными жанрово-стилевыми разновидностями (формами) «китайского текста» русской литературы стали: описания путешествий (травелоги), создававшиеся, как правило, в *очерковой* форме; разнообразные интерпретации классических текстов китайской культуры; «этюды» и «трактаты» о национальной специфике Китая; *мемуары* о жизни русских людей в Китае; *историко-приключенческие романы* о жизни русских диаспор в Харбине и Шанхае; *любовные исторические романы* о персонажах китайской истории; *приключенческие повести* и *романы* в форме «альтернативной истории». Существует также ряд промежуточных форм.

10. «Китайский текст» русской литературы сформировал систему символов, которые в рамках русской культуры стали связываться с Китаем.

11. «Китайский текст» русской культуре был соотнесён с проблемами межкультурной коммуникации и транскультурного диалога, с постановкой и решением проблемы понимания – непонимания, возникающей между отдельными людьми и народами.

12. «Китайский текст» русской литературы (начиная с первых десятилетий XIX в.) был ориентирован на активное взаимодействие с «массовой» литературой.

13. «Китайский текст» русской литературы был направлен на решение ряда «прикладных» задач (в сфере политики, туризма, сохранения здоровья и т. п.).

14. Развитие «китайского текста» русской литературы способствовало разрушению европоцентристских представлений и стало важной частью размышлений о перспективах развития России.

В качестве возможных **перспектив** дальнейшего исследования заявленной в диссертации темы можно назвать следующие:

1. Анализ «китайского контекста» русской культуры второй половины XVIII – первых десятилетий XIX в. (малодоступных произведений и переводов первых российских синологов).

2. Исследование особенностей «китайского текста» в русской литературе «второго» и «третьего» ряда.

3. Анализ художественно-публицистических произведений (травелогов) XIX–XXI вв., описывающих путешествия в Китай (в том числе размещённых в интернете).

4. Дальнейшее исследование темы Китая в произведениях писателей русской восточной эмиграции (в том числе в архивах Харбина и Шанхая).

5. Углублённое исследование истории «китайского текста» в связи с общими закономерностями развития направлений и стилей русской литературы XIX–XX вв.

6. Изучение взаимодействия «китайского текста» литературы с русским постмодернизмом конца XX – начала XXI вв. (в частности, с творчеством В. Пелевина и В. Сорокина).

7. Исследование переводов произведений китайской литературы на русский язык как части «китайского текста» русской литературы и её контекста.

8. Изучение «детского» варианта «китайского текста» русской литературы (в том числе переложений китайских сказок).

9. Сравнение «китайского текста» русской литературы с другими «национальными» вариантами гипертекста («итальянским», «французским», «германским», «американским» и т. п.).

10. Сопоставление русского варианта «китайского текста» с его европейскими и американскими версиями.

11. Сопоставление «китайского текста» русской литературы XX в. с «китайским текстом» литературы китайской эмиграции конца начала XXI в.

12. Исследование новых произведений, относящихся к «китайскому тексту», которые неизбежно будут появляться в русской литературе XXI в.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ⁸³

Исследования на русском языке:

1. **Абашев, В. В.** Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. — Пермь : Издательство Пермского университета, 2000. — 404 с. — Текст : непосредственный.
1. **Абашева, М. П., Зырянова, А. И.** Проба пера: о неопубликованной сказке Льва Кузьмина «Звезда счастья» / М. П. Абашева, А. И. Зырянова. — Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Российская зарубежная филология, 2019. — Т. 11. — Вып. 1. — С. 81–89.
2. **Агеносов, В. В.** Литература русского зарубежья: (1918–1996) / В. В. Агеносов : учебное пособие для студентов педагогических вузов и учащихся средних учебных заведений. — Москва : Терра спорт, 1998. — 540 с. — Текст : непосредственный.
3. **Айзикова, И. А.** Переводы «восточных сказок» Жуковским в «Вестнике Европы» / И. А. Айзикова. — Текст : непосредственный // Проблемы литературных жанров: Материалы V научной межвузовской конференции. 15–18 октября, 1985 г. — Томск : Издательство Томского университета, 1987. — С. 25–26.
4. **Алексеев, А. Д.** Литература русского зарубежья. Книги 1917–1940. Материалы к библиографии / А. Д. Алексеев ; под редакцией К. Д. Муратовой. — Санкт-Петербург : Наука, 1993. — 202 с. — Текст : непосредственный.
5. **Алексеев, В. М.** В старом Китае. Дневники путешествий. 1907 г. / В. М. Алексеев. — Москва : Издательство Восточной литературы, 1958. — 312 с. — Текст : непосредственный.

⁸³ Фамилии и имена авторов, а также названия источников приводятся в современной транслитерации.

6. **Алексеев, В. М.** Китайская литература / В. М. Алексеев; составитель М. В. Баньковская. — Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1978. — 596 с. — Текст : непосредственный.
7. **Алексеев, В. М.** Китайская народная картина. Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях / В. М. Алексеев; предисловие Б. Л. Рифтина и М. Л. Рудовой ; комментарии Б. Л. Рифтина; АН СССР. Институт народов Азии. — Москва : Наука, 1966. — 260 с. — Текст : непосредственный.
8. **Алексеев, В. М.** Китайский и корейский фонды / В. М. Алексеев // Азиатский музей Российской Академии наук, 1818–1919 : Краткая памятка. — Санкт-Петербург, 1920. — С. 44–65. — Текст : непосредственный.
9. **Алексеев, М. П.** Пушкин и Китай / М. П. Алексеев // Пушкин в странах зарубежного Востока : сборник статей. — Москва : Наука, 1979. — С. 55–92. — Текст : непосредственный.
10. **Алексеев, М. П.** Пушкин и Китай / М. П. Алексеев // Пушкин и мировая литература. — Ленинград : Наука, 1987. — С. 314–350. — Текст : непосредственный.
11. **Алимов, И. А., Хисматулин, А. А.** Сосуды тайн. Туалеты и урны в культурах народов мира / И. Алимов, А. Хисматулин. — Санкт-Петербург : Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2002. — 176 с. — Текст : непосредственный.
12. **Алимов, И. А.** You Know My Name (из цикла «О чем умолчал Пу Сун-лин») / И. А. Алимов. — Текст : непосредственный // Новые легенды. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2004. — С. 147–174.
13. **Алимов, И. А.** Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая / И. А. Алимов. — Санкт-Петербург : Наука, 2008. — 283 с. — Текст : непосредственный.

14. **Алимов, И. А.** Дракон. Книга 1: Наследники Жёлтого императора / И. А. Алимов. — Москва : Этногенез и др., 2010. — 288 с. — (Серия «Проект Этногенез»). — Текст : непосредственный.
15. **Алимов, И. А.** Дракон. Книга 2: Назад в будущее / И. А. Алимов. — Москва : Этногенез и др., 2011. — 256 с. — (Серия «Проект Этногенез»). — Текст : непосредственный.
16. **Алимов, И. А.** Дракон. Книга 3: Иногда они возвращаются / И. А. Алимов. — Москва : Этногенез и др., 2011. — 256 с. — (Серия «Проект Этногенез»). — Текст : непосредственный.
17. **Алимов, И. А.** Китайский культ лисы и «удивительная встреча в Западном Шу» Ли Сянь-Миня / И. А. Алимов // Петербургское востоковедение. — Вып. 3. — Санкт-Петербург, 1993. — С. 228–254. — Текст : непосредственный.
18. **Алимов, И. А.** О чем умолчал Пу Сун-лин: 1. Romeo is bleeding; 2. Real Love / И. А. Алимов // Новые легенды-2005 / [ред. О. Трофимова]. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2005. — 701 с. (Мистика & фантастика). — Текст : непосредственный.
19. **Алимов, И. А.** О чем умолчал Пу Сун-лин : Coming To The East / И. А. Алимов // Мифотворцы: портал в Европу. — Киев, 2006. — Текст : непосредственный.
20. **Алл, Н.** Русская поэзия Китая : антология / Н. Алл. — Москва : Время, 2001. — 826 с. — Текст : непосредственный.
21. **Амфитеатров, А. В., Дорошевич, В. М.** Китайский вопрос / А. В. Амфитеатров, В. М. Дорошевич. — Москва : Типография Товарищества И. Д. Сытина. — 1901. — 176 с. — Текст : непосредственный.
22. **Анташкевич, Е. М.** 33 рассказа о китайском полицейском поручике Сорокине. — Текст : непосредственный / Е. М. Анташкевич. — Москва : Центрполиграф, 2013. — 523 с. — Текст : непосредственный.

23. **Анташкевич, Е. М.** Град Китеж в Китае / Е. М. Анташкевич. — Текст : непосредственный // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая : материалы международной научной-практической конференции, посвящённой 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае (Харбин, 16–18 июня 2018 г.) / ответственный редактор Ли Яньлин; редакторский коллектив : А. М. Буяков, С. Ю. Еремин, А. А. Забияко, И. К. Капран, М. Б. Сердюк; перевод на китайский язык; литературный редактор Чжоу Синьюй и др. — Владивосток : Издательство ВГУЭС, 2019. — С. 16–20.
24. **Анташкевич, Е. М.** Харбин : роман. / Е. М. Анташкевич. — Москва : ЗАО Издательство Центрополиграф, 2012. — 783 с. — Текст : непосредственный.
25. **Антонов, В. С.** Китайская петля : авантюра / В. С. Антонов.— Санкт-Петербург : Изд. Дом «Крылов», 2002. — 384 с. — (Мужской клуб: Историческая авантюра). — Текст : непосредственный.
26. **Арденс, Н. Н.** Народные рассказы / Н. Н. Арденс. — Текст : непосредственный // Творческий путь Л. Н. Толстого. — Москва : Издательство АН СССР, 1962. — 670 с.
27. **Арнольдov, Л. В.** Из страны Белого солнца: этюды о Китае / Л. В. Арнольдov. — Шанхай : Книгоиздательство А. П. Малых и В. П. Камкина, 1934. — 438 с. — Текст : непосредственный.
28. **Арнольдov, Л. В.** Китай, как он есть. Быт и политика. Наблюдения, факты, выводы / Л. В. Арнольдov. — Шанхай : Русская типография «График», 1933. — 372 с. — Текст : непосредственный.
29. Арсений Несмелов: материалы к творческой биографии: в 3 томах / А. Несмелов; составители и комментарии А. А. Забияко, В. А. Резвого, Г. В. Эфендиевой]. — Т. 1: В художественном мире харбинских писателей. — Благовещенск : Издательство АмГУ, 2015. — 348 с. — Текст : непосредственный.

30. **Арсеньев, В. К.** Китайцы в Уссурийском крае: очерк историко-этнографический / В. К. Арсеньев. — Текст : непосредственный // Записки Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества. — Хабаровск : Тип. канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1914. — Т. X. — Вып. 1. — 203 с.
31. Архив востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 107. — Текст : непосредственный.
32. **Асмус, В. Ф.** Мировоззрение Толстого / В. Ф. Асмус // Лев Толстой : в 2 кн. / АН СССР. Институт мировой литературы имени А. М. Горького. — Москва : Издательство АН СССР, 1961. — Кн. 1. — С. 35–102. — (Лит. наследство; Т. 69). — Текст : непосредственный.
33. **Ачаир, А. А.** Мне кто-то бесконечно дорог... : стихотворения / А. А. Ачаир. — Москва : Янус-К, 2009. — 427 с. — Текст : непосредственный.
34. **Бабель, И. Э.** Собрание сочинений. Т. 1. / И. Э. Бабель. — Москва : Время, 2006. — 576 с. — Текст : непосредственный.
35. **Бажанов, Е. П., Дацышен, В. Г., Денисов, А. И.** и др. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Е. П. Бажанов, В. Г. Дацышен, А. И. Денисов ; под общей редакцией А. В. Лукина. — Москва : Весь мир, 2013. — 704 с. — Текст : непосредственный.
36. **Байков, Н. А.** У костра / Н. А. Байков. — Тяньцзинь : Наше Знание, 1939. — 243 с. — Текст : непосредственный.
37. **Байков, Н. А.** Чёрный капитан. Маньчжурская роман-быль из жизни замурцев по охране Китайской Восточной железной дороги 1901–10 гг. — 2-е издание — Бризбен / Н. А. Байков. — Австралия : Издательство Н. А. Байкова, 1959. — 163 с. — Текст : непосредственный.

38. **Балакшин, П. П.** Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение Белой Эмиграции на Дальнем Востоке / П. П. Балакшин. — Т. 1. — 2 издание. — Сан-Франциско — Париж — Нью-Йорк : Сириус, 1958. — 430 с. — Текст : непосредственный.
39. **Балакшин, П. П.** Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение Белой Эмиграции на Дальнем Востоке. — Т. 2. — 2-е издание / П. П. Балакшин. — Сан-Франциско — Париж — Нью-Йорк : Сириус, 1959. — 374 с. — Текст : непосредственный.
40. **Балакшин, П. П.** Эмигрантская литература // Калифорнийский альманах. — Сан-Франциско : Литературно-художественный кружок, 1934. — 176 с. — Текст : непосредственный.
41. **Бальмонт, К. Д.** Гимны, песни и замыслы древних / К. Д. Бальмонт. — Санкт-Петербург : Пантеон, 1908. — 192 с. — Текст : непосредственный.
42. **Бальмонт, К. Д.** Китайская грёза / К. Д. Бальмонт // Собрание сочинений : в 7 томах. — Т. 5. — Москва : Книжный клуб Книговек, 2010. — С. 62. — Текст : непосредственный.
43. **Бальмонт, К. Д.** Китайское небо / К. Д. Бальмонт // Собрание сочинений: в 7 т. — Т. 5. — Москва : Книжный клуб Книговек, 2010. — С. 61. — Текст : непосредственный.
44. **Барсов, К. А.** Китай и китайцы : очерк / К. А. Барсов. — Москва : М. В. Клюкин, 1905. — 48 с. — Текст : непосредственный.
45. **Барт, Р.** Избранные работы: Семиотика. Поэтика : перевод с французского / Р. Барт ; составитель, общая редакция и вступительная статья Г. К. Косикова. — Москва : Прогресс, 1989. — 615 с. — Текст : непосредственный.
46. **Барякина, Э. В.** Белый Шанхай (2010) / Э. В. Барякина. — Текст : электронный. — URL: <http://litru.ru/?p=144345>. (дата обращения 26.14.2019).

47. **Барякина, Э. В.** Белый Шанхай / Э. В. Барякина. — [Б. м.]: ЛитРес : Самиздат, 2018. — 288 с. — Текст : непосредственный.
48. **Барякина, Э. В.** Белый Шанхай / Э. В. Барякина. — Москва : РИПОЛ классик, 2010. — 720 с. — Текст : непосредственный.
49. **Баскер, М.** Гумилёв, Рабле и «Путешествие в Китай». К прочтению одного прото-акмеистического мифа / М. Баскер. — Текст : непосредственный. // Н. Гумилёв и Русский Парнас : материалы научной конференции 17–19 сентября 1991 г. — Санкт-Петербург : Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, 1992. — С. 5–24.
50. **Бедный, Д.** Собрание сочинений: в 5 томах / Д. Бедный. — Т. 3: Стихотворения, эпиграммы, басни, поэмы, сказки. 1921–1929. — Москва : Гослитиздат, 1954. — 414 с. — Текст : непосредственный.
51. **Белинский, В. Г.** Китай в гражданском и нравственном отношении. Сочинение монаха Иакинфа / Белинский В. Г. — Текст : непосредственный // Собрание сочинений: в 9 томах. — Т. 8. — Москва : Художественная литература, 1982. — С. 595–599.
52. **Белкин, Д. И.** Концепция Востока в творчестве Пушкина : автореферат дисс. ... к. филол. н. / Д. И. Белкин. — Москва, 1970. — 164 с. — Текст : непосредственный.
53. **Белкин, Д. И.** О поэтике «китайского анекдота» А. С. Пушкина / Д. И. Белкин. — Текст : непосредственный // Болдинские чтения. — Горький : Волго-Вятское книжное издательство, 1988. — С. 86–96.
54. **Белозубова, Н. И.** Проза А. П. Хейдока в контексте литературы дальневосточного зарубежья: виды и образы пространства: дисс. ... к. филол. н. / Н. И. Белозубова. — Благовещенск, 2009. — 176 с. — Текст : непосредственный.
55. **Белозубова, Н. И., Титова, К. А.** Жанр «страшной истории» в русской и китайской национальной картине мира / Н. И. Белозубова, К. А. Титова. — Текст : непосредственный // Вестник Бурятского государственного университета. — 2015. — Вып. 10 (1). — С. 123–128.

56. **Белый, А.** Крещёный китаец : роман / А. Белый. — Москва : Панорама, 1992. — 235 с. — [Репринт с издания 1927 г.]. — Текст : непосредственный.
57. **Беляев, В. А.** Голубая звезда : пьеса в 4 действиях, 9 картинах, с прологом: По мотивам китайских народных сказок / В. А. Беляев. — Москва : Искусство, 1954. — 88 с. — Текст : непосредственный.
58. **Бичурин, Н. Я.** [Иакинф]. Китай. Его жители, нравы, обычаи, просвещение / Н. Я. Бичурин. — Москва : Изд-во «Э», 2016. — 448 с. — (Великие путешествия). — Текст : непосредственный.
59. **Бичурин, Н. Я.** [Иакинф]. Неизвестный Китай. Записки первого русского китаеведа / Н. Я. Бичурин. — Москва : Эксмо, 2017. — 370 с. — Текст : непосредственный.
60. **Бичурин, Н. Я.** [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — Т. 1 / Н. Я. Бичурин. — Москва; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1950. — 471 с. — Текст : непосредственный.
61. **Бичурин, Н. Я.** Китай в гражданском и нравственном состоянии / Н. Я. Бичурин. — Москва : Восточный Дом, 2002. — 432 с. — Текст : непосредственный.
62. **Борисова, А.** [Акунин Б.]. Vremena Goda / А. Борисова. — Москва : Издательство АСТ, Астрель, 2011. — 478 с. — (Эксклюзивная новая классика). — Текст : непосредственный.
63. **Борисова Анна** [Акунин Б.]. Vremena goda / А. Борисова. — Москва : АСТ Жанры, 2014. — 478 с. — (Борис Акунин: проект «Авторы»). — Текст : непосредственный.
64. **Братья Лю.** Китайские народные сказки : [Для младшего возраста] / под редакцией Эми Сяо; иллюстрации Н. Кочергина. — Москва; Ленинград : Детгиз, 1951. — 72 с. — Текст : непосредственный.

65. Бродячий торговец и змея: китайская сказка : [Для детей] : иллюстрации Е. Соловьева. — Омск : Книжное издательство, 1959. — 15 с. — Текст : непосредственный.
66. Брюсов, В. Я. Китайские стихи. — Текст: электронный. — URL: <https://russian-poetry.com/kitajskie-stixi/> (дата обращения: 20.08.2019).
67. Буганов, А. В. Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание / А. В. Буганов. — Москва : Ин-т этнологии и антропологии, 1992. — 207 с. — Текст : непосредственный.
68. Букчин, С. В. Влас Дорошевич. Судьба фельетониста / С. В. Букчин. — Москва : Аграф, 2010. — 701 с. — Текст : непосредственный.
69. Булгаков, М. А. Дьяволиада : рассказы / М. А. Булгаков. — Москва : Недра, 1925. — 160 с. — Текст : непосредственный.
70. Булгаков, М. А. Записки на манжетах. Рассказы и фельетоны / М. А. Булгаков. — Санкт-Петербург : Лениздат-классика; ИГ Лениздат, 2013. — С. 224. — Текст : непосредственный.
71. Бунин, И. А. Сны Чанга / И. А. Бунин // Полное собрание рассказов в одном томе. — Москва : Изд-во «Альфа-книга», 2018. — С. 480–489. — Текст : непосредственный.
72. Бутковский, Г. А. Порт-Артур. Осада : роман. — 2-е издание, исправленное / Г. А. Бутковский. — Москва : Молодая гвардия, 1935. — 274 с. — Текст : непосредственный.
73. Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае / Ван Чжичэн; перевод с китайского; предисловие, послесловие Л. П. Черниковой. — Москва : Русский путь; Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2008. — 576 с. — Текст : непосредственный.
74. Ван Чжичэн. Харбин – вторая Родина русских эмигрантов / Ван Чжичэн. — Харбин, 2010. — 303 с. — Текст : непосредственный.

75. **Ван Яминь, Го Инин.** Харбинская русская эмигрантская литература в Китае / Ван Яминь, Го Инин. — Текст : непосредственный // Русский язык в Китае. — 2005. — № 2. — С. 53–56.
76. **Васильев, В. П.** Открытие Китая и др. : статья академика В. П. Васильева / В. П. Васильев. — Санкт-Петербург : Издание журнала «Вестникъ всемирной истории», 1900. — 164 с. — Текст : непосредственный.
77. **Васильев, В. П.** Очерк истории китайской литературы: из «Всеобщей истории литературы», издаваемой В. Ф. Коршем и К. Л. Риккером) / В. П. Васильев. — Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1880. — 163 с. — Текст : непосредственный.
78. **Васильев, В. П.** Очерки истории китайской литературы. Переиздание на русском и китайском языках / В. П. Васильев ; перевод на китайский язык Яня Годуна. — Санкт-Петербург : Институт Конфуция в СПбГУ, 2013. — 334 с. — Текст : непосредственный.
79. **Васильев, В. П.** Религии Востока: конфуцианство, буддизм, даосизм / В. П. Васильев. — Москва : Книга по Требованию, 2012. — 185 с. — Текст : непосредственный.
80. **Васильев, В. П.** Современное положение Азии. Китайский прогресс. Речь, подготовленная заслуженным профессором В. П. Васильевым для прочтения на акте 8 февраля 1883 г. в Санкт-Петербургском университете / В.П. Васильев. — Санкт-Петербург, 1883. — 24 с. — Текст : непосредственный.
81. **Васильев, Л. С.** Древний Китай. — Т. 1 / В. П. Васильев. — Москва : издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. — 378 с. — Текст : непосредственный.
82. **Виленский (Сибиряков), В. Д.** За Великой Китайской стеной: люди, быт и общественность / В. Д. Виленский (Сибиряков). — Москва : Издательство «Девятое января», 1923. — 108 с. — Текст : непосредственный.

83. **Виленский (Сибиряков), В. Д.** Сунь-Ят-Сен. «Отец китайской революции» / В. Д. Виленский (Сибиряков). — Москва : Красная новь, 1924. — 183 с. — Текст : непосредственный.
84. **Володихин, Д. М.** Интеллектуальная фантастика : монография и статьи / Д. М. Володихин. — Москва : ИПО, 2007. — 233 с. — Текст : непосредственный.
85. **Воробьева, Л. В.** Лондонский текст в творчестве Е. И. Замятина как смоделированное пространство / Л. В. Воробьев. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. — № 308. — Март. — Томск : ТГУ, 2008. — С. 15–18.
86. Восток в русской литературе XVIII – начала XX века. Знакомство. Переводы. Восприятие. — Москва : ИМЛИ РАН, 2004. — 256 с. — Текст : непосредственный.
87. Всадник на зелёном коне: китайские сказки, легенды, басни : литературный перевод и обработка С. Е. Кожевникова и Р. И. Линецкой; иллюстрации И. В. Титков. — Новосибирск : Книжное издательство, 1957. — 212 с. — Текст : непосредственный.
88. **Гагарский, М. В.** Лиса-оборотень : пьеса-сказка для театра кукол в 3 действиях, 5 картинах : по мотивам китайской народной сказки / М. В. Гагарский; ответственный редактор М. Королев. — Москва : Отделение распространения драматических произведений ВУОАП, 1959. — 38 л. — Текст : непосредственный.
89. **Ганаева, Е.** Приключения Тяньтая, или Портрет девушки из дворца : по мотивам китайской сказки / Е. Ганаева. — художник Чернобровкина Мария. — Саратов : КУБиК. — 12 с. — Текст : непосредственный.
90. **Гарин-Михайловский, Н. Г.** Собрание сочинений : в 5 томах. — Т. 5: По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову. Вокруг света. Корейские сказки. Сказки для детей. Пьесы. Воспоминания, статьи. 1894–1906 / Н. Г. Гарин-Михайловский. — Москва : Государственное

- издательство художественной литературы, 1958. — 719 с. — Текст : непосредственный.
91. **Гаспаров, Б. М.** Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. — Москва : Новое литературное обозрение, 1996. — 351 с. — Текст : непосредственный.
92. **Георгиев, С. Г.** Запахи миндаля : роман в коротких историях и притчах / С. Г. Георгиев; художник А. Грэфенштейн. — Екатеринбург : СФЕРА, 1997. — 159 с. — Текст : непосредственный.
93. **Георгиевский, С. М.** Принципы жизни Китая / С. М. Георгиевский. — Москва : Книга по требованию, 2011. — 535 с. — Текст : непосредственный.
94. **Глаголева, И. К.** Китайская классическая литература. Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке / И. К. Глаголева. — Москва : ВНБИЛ, 1986. — 324 с. — Текст : непосредственный.
95. **Го Можо.** Избранные сочинения: стихи, рассказы, пьесы, статьи / Го Можо : перевод с китайского; вступительная статья и общая редакция Н. Федоренко; примечание В. Петрова. — Москва : Гослитиздат, 1955. — 468 с. — Текст : непосредственный.
96. **Голичер, А.** [Arthur Holitscher]. Мятежный Китай / А. Голичер. — Москва; Ленинград : Государственное издательство, 1927. — 155 с. — Текст : непосредственный.
97. **Головин, С. А.** Российская духовная миссия в Китае : исторический очерк / С. А. Головин. — Благовещенск : Издательство БГПУ, 2013. — 284 с. — Текст : непосредственный.
98. **Головчинер, В. Е.** «Рычи, Китай!» С. Третьякова как публицистическая разновидность эпической драмы / В. Е. Головчинер. — Текст : непосредственный // Эпическая драма в русской литературе XX века. — Томск, 2001. — С. 56–75.

99. **Головчинер, В. Е.** Сергей Третьяков – учитель Бертольда Брехта / В. Е. Говчинер — Текст : непосредственный // Сибирский филологический журнал. — 2014. — Вып. 2. — С. 118–125.
100. **Гончаров, И. А.** Фрегат «Паллада». Очерки путешествия : в 2 томах. / И. А. Гончаров ; подготовка издательства Т. И. Орнатская. — Ленинград, 1986. — 880 с. — (Литературные памятники). — Текст : непосредственный.
101. **Гордлевский, В. А.** Избранные сочинения. Т. 2: Язык и литература / В. А. Гордлевский. — Москва : Издательство восточной литературы, 1961. — 560 с. — Текст : непосредственный.
102. **Горький, А. М.** История русской литературы : отрывок / А. М. Горький. — Текст : непосредственный // А. С. Грибоедов в русской критике : сборник статей ; составитель, вступительная статья и примечание А. М. Гордина. — Москва : Гослитиздат, 1958. — 320 с.
103. **Горький, А. М.** Лето / М. Горький. — Текст : непосредственный // Собрание сочинений: в 30 томах. Т. 8: Повести (1907–1909). — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1951. — С. 379–498.
104. **Гошкевич, И.** Хонкон : из записок русского путешественника / И. Гошкевич. — Текст : непосредственный // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. — Т. III. — Санкт-Петербург : В типографии Главного Штаба Его Императорского Величества по Военно-учебным заведениям, 1857. — С. 393–409.
105. **Громыко, М. М., Буганов, А. В.** О воззрениях русского народа / М. М. Громыко, А. В. Буганов. — Москва : Пальмникъ, 2000. — 541 с. — Текст : непосредственный.
106. **Гроссе, Л. В.** Я, вы и он: роман из жизни шанхайских эмигрантов / Л. В. Гроссе. — Шанхай : [Б. и.], 1930. — 342 с. — Текст : непосредственный.

107. **Гуадалупи, Дж.** Открытие Китая. Тайны Поднебесной империи / Дж. Гуадалупи. — Москва : АСТ, Астрель, 2004. — 336 с. — Текст : непосредственный.
108. **Гуляр, П.** Забытое королевство / П. Гуляр ; перевод с английского А. Пономарёвой. — Москва : Астрель, 2012. — 396 с. — Текст : непосредственный.
109. **Гумилёв, Н. С.** Собрание сочинений : в 3 томах / Н. С. Гумилёв. — Москва : Художественная литература, 1991. — Т. 3. — 430 с. — Текст : непосредственный.
110. **Гумилёв, Н. С.** Собрание сочинений : в 3 томах / Н. С. Гумилёв. — Москва : Олма-Пресс, 2000. — Т. 1. — 512 с.; Т. 2. — 448 с.; Т. 3. — 512 с. — Текст : непосредственный.
111. **Гумилёв, Н. С.** Фарфоровый павильон : китайские стихи. — 2-е издание, дополнительное / Н. С. Гумилёв. — Петроград : Мысль, 1922. — 30 с. — Текст : непосредственный.
112. **Гурьян, О. М.** Рассказы Мей Лин : [Для дошкольного возраста] / О. М. Гурьян; рисунки Т. Ерёминой. — Москва : Детгиз, 1957. — 32 с. — Текст : непосредственный.
113. **Давыдов, В. А.** [Гольдман Д. А.]. Всем смертям назло / В. А. Давыдов [Д. А. Гольдман]. — Санкт-Петербург : Ленинградское издательство, 2008. — 476 с. — (Цикл Вадима Давыдова «Наследники по прямой»). — Текст : непосредственный.
114. **Давыдов, В. А.** [Гольдман Д. А.]. Киммерийская крепость / В. А. Давыдов [Д. А. Гольдман]. — Санкт-Петербург : Ленинградское издательство, 2008. — 541 с. — (Боевая фантастика); (Цикл Вадима Давыдова «Наследники по прямой»). — Текст : непосредственный.
115. **Давыдов, В. А.** [Гольдман Д. А.]. Предначертание / В. А. Давыдов [Д. А. Гольдман]. — Санкт-Петербург : Ленинградское изд-во, 2008. — 542 с. — (Цикл Вадима Давыдова «Наследники по прямой»). — Текст : непосредственный.

116. **Далецкий, П. Л.** На сопках Манчжурии : роман в 2 томах / П. Л. Далецкий. — Ленинград : Советский писатель, 1951. — Т. 1. — 639 с. — Т. 2. — 676 с. — Текст : непосредственный.
117. **Данилевский, Н. Я.** Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский ; составитель и комментарий Ю. А. Белова; ответственный редактор О. Платонов. — Москва : Институт русской цивилизации, 2008. — 816 с. — Текст : непосредственный.
118. Дао Дэ Цзин // Из книги мудрецов: проза Древнего Китая / Дао Дэ Цзин; составитель И. Лисевич. — Москва : Художественная литература, 1987. — 352 с. — Текст : непосредственный.
119. Дело «харбинцев». Репрессии среди русских эмигрантов из Китая // Словесница искусств. Региональный культурно-просветительский журнал. — Текст: электронный. — URL: <http://www.slovoart.ru/node/1185>. (дата обращения: 10.08.2019).
120. **Деменова, А. А.** Образ С. П. Дягилева в мемуарах XX века / А. А. Деменова. — Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2010. — № 5. — С. 156–164.
121. **Демидова, Н. Ф., Мясников, В. С.** Первые русские дипломаты в Китае / Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. — Москва : Наука, 1966. — С. 87–91. — Текст : непосредственный.
122. **Добель, П. В.** Путешествия и новейшие наблюдения в Китае, Маниле и Индокитайском архипелаге, бывшего Российского Генерального Консула на Филиппинских островах, Коллежского советника Петра Добеля / П. В. Добель. — Ч. 2. — Санкт-Петербург : В типографии Н. Греча, 1833. — 272 с. — Текст : непосредственный.
123. **Достоевский, Ф. М.** Дневник писателя / Ф. М. Достоевский ; составитель, комментарии А. В. Белов; ответственный редактор О. А.

- Платонов. — Москва : Институт русской цивилизации, 2010. — 880 с.
— Текст : непосредственный.
124. **Достоевский, Ф. М.** Полное собрание сочинений : в 30 томах / Ф. М. Достоевский ; редактор В. Г. Базанов, ответственный редактор и др.. АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). — Т. 2: Повести и рассказы, 1848–1859 / редактор А. С. Долинин, Е. И. Кийко; примечания Н. М. Перлиной, Н. Н. Соломиной. — Ленинград : Наука, 1972. — 527 с. — Текст : непосредственный.
125. **Дябкин, И. А.** Религиозные коннотации образов Китая и китайцев в дальневосточном фольклоре / И. А. Дябкин. — Текст : непосредственный // Религиоведение. — 2013. — № 1. — С. 172–183.
126. **Дяо Шаохуа.** Харбинская «Чураевка» / Дяо Шаохуа. — Текст : непосредственный // Рубеж. — 2003. — № 4 (866). — С. 221–228.
127. **Дяо Шаохуа.** Художественная литература русского зарубежья в городе Харбине за первые 20 лет (1905–1925 гг.) / Дяо Шаохуа. — Текст : непосредственный // Россияне в Азии Торонто. — 1996. — Вып. 3. — С. 58–109.
128. **Жарикова, Е. Е.** Ориентальные мотивы в поэзии русского зарубежья Дальнего Востока : монография / Е. Е. Жарикова. — Комсомольск-на-Амуре : издательство Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета, 2007. — 116 с. — Текст : непосредственный.
129. **Житков, Б. С.** Джарылгач : рассказы и повести / Б. С. Житков. — Ленинград : Детская литература, 1980. — 333 с. — Текст : непосредственный.
130. **Житков, Б. С.** Избранное / Б. С. Житков. — Москва : Правда, 1985. — 463 с. — Текст : непосредственный.
131. **Житков, Б. С.** Урок географии с «заводом» / Б. С. Житков. — Текст : непосредственный // Пионер. — 1933. — № 23. — С. 6–9.

132. **Забияко, А. А.** Женьшень, тигр, священные места: мифологемы дальневосточного фронта в творчестве писателей-эмигрантов / А. А. Забияко. — Текст : непосредственный // Россия и Китай: социально-экономическое взаимодействие между странами и приграничными регионами. — Благовещенск : Амурский государственный университет, 2011. — С. 336–345.
133. **Забияко, А. А.** Меж двух миров: русские писатели в Маньчжурии : монография / А. А. Забияко. — Благовещенск : Амурский государственный университет, 2009. — 351 с. — Текст : непосредственный.
134. **Забияко, А. А.** Ментальность дальневосточного фронта. Культура и литература Русского Харбина : монография / А. А. Забияко. — Новосибирск : Изд-во Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. — 433 с. — Текст : непосредственный.
135. **Забияко, А. А.** Тропа судьбы Алексея Ачаира / А. А. Забияко. — Благовещенск : АмГУ, 2005. — 274 с. — Текст : непосредственный.
136. **Забияко, А. А.** «Четверть века беженской судьбы...»: художественный мир лирики русского Харбина / А. А. Забияко. — Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2008. — 427 с. — Текст : непосредственный.
137. **Забияко, А. П.** Русские Трёхречья: основы этнической самобытности / А. П. Забияко, А. А. Забияко / А. А. Забияко. — Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. — 340 с. — Текст : непосредственный.
138. **Зайденшнур, Э. Е.** Использование Толстым фольклора народов России в своём творчестве / А. А. Забияко; публикация О. А. Голиненко и Б. М. Шумовой // Неизвестный Толстой в архивах России и США. — Москва : АО «ТЕХНА-2», 1994. — С. 433–442. — Текст : непосредственный.

139. **Зайцев, Д. Т.** Повесть и житие Данилы Терентьевича Зайцева / Д. Т. Зайцев. — Москва : Альпина нон-фикшн, 2015. — 708 с. — Текст : непосредственный.
140. **Зайцев, И. М.** Четыре года в стране смерти / Д. Т. Зайцев. — Шанхай : Издание Дальневосточного Отдела Российской Всенародной Партии Националистов (Росснационалистов), 1936. — 144 с. — Текст : непосредственный.
141. **Зайчик Х. ван** [Алимов И. А., Рыбаков В. М.]. Дело жадного варвара : роман / Хольм ван Зайчик ; перевод с китайского и послесловие Е. И. Худенькова, Э. Выхристюк. — Санкт-Петербург : Азбука, 2000. — 280 с. — Текст : непосредственный.
142. **Зайчик Х. ван** [Алимов И. А., Рыбаков В. М.]. Дело лис-оборотней : роман / Хольм ван Зайчик ; перевод с китайского Е. И. Худенькова, Э. Выхристюк. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2001. — 346 с. — Текст : непосредственный.
143. **Зайчик Х. ван** [Алимов И. А., Рыбаков В. М.]. Дело незалежных дервишей : роман / Хольм ван Зайчик ; перевод с китайского Е. И. Худенькова, Э. Выхристюк. — Санкт-Петербург : Азбука, 2001. — 347 с. — Текст : непосредственный.
144. **Зайчик Х. ван** [Алимов И. А., Рыбаков В. М.]. Дело непогашенной луны : роман / Хольм ван Зайчик ; перевод с китайского Е. И. Худенькова, Э. Выхристюк. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2005. — 501 с. — Текст : непосредственный.
145. **Зайчик Х. ван** [Алимов И. А., Рыбаков В. М.]. Дело о полку Игорева : роман / Хольм ван Зайчик ; перевод с китайского Е. И. Худенькова, Э. Выхристюк. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2001. — 410 с. — Текст : непосредственный.
146. **Зайчик Х. ван** [Алимов И. А., Рыбаков В. М.]. Дело победившей обезьяны : роман / Хольм ван Зайчик ; перевод с китайского Е. И.

- Худенькова, Э. Выхристюк. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2004. — 315 с. — Текст : непосредственный.
147. **Зайчик Х. ван** [Алимов И. А., Рыбаков В. М.]. Дело Судьи Ди: [Роман] / Хольм ван Зайчик ; перевод с китайского Е. И. Худенькова, Э. Выхристюк. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2004. — 251 с. — Текст : непосредственный.
148. **Зет, Е.** Сказки китайские, бретонские, финляндские и рождественские рассказы / Е. Зет. — Екатеринослав : типо-лит. Губ. правл., 1897. — 26 с. — Текст : непосредственный.
149. **Зими́на, Н. Ю.** Формирование русской орнаментальной прозы как особой разновидности словесного искусства (об истоках русской орнаментальной прозы) / Н. Ю. Зими́на. — Текст : непосредственный // Вестник Иркутского государственного технического университета. — 2012. — № 3 (62). — С. 299–303.
150. **Золотарева, Т. И.** Маньчжурские были / Т. И. Золотарева. — Сидней : Харбинское и Маньчжурское историческое общество, 2000. — 267 с. — Текст : непосредственный.
151. Золотой фонарик: Рассказы, стихи, сказки китайских писателей : [Для младш. школьного возраста]. — Москва : Детгиз, 1959. — 176 с. — Текст : непосредственный.
152. **Зуев, А. В.** В борьбе за родину (Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом). 1918–1922 гг. Очерки / А. В. Зуев. — Харбин, 1937. — 132 с. — Текст : непосредственный.
153. **Иванов, В. В.** Бронепоезд 14-69 / В. В. Иванов. — Москва : Художественная литература, 1964. — 189 с. — Текст : непосредственный.
154. **Иванов, В. В.** Возвращение Будды. Чудесные похождения портного Фокина У. / В. В. Иванов. — Москва : Правда, 1991. — 480 с. — Текст : непосредственный.

155. **Иванова, М. В.** Из истории востоковедения в России (XVIII в. – 1917 г.) : учебное пособие / М. В. Иванова. — Томск : Издательство Томского политехнического университета, 2010. — 105 с. — Текст : непосредственный.
156. **Ильин, И. П.** Постструктурализм / И. П. Ильин. — Текст : непосредственный // Современное зарубежное литературоведение: концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. — Москва : Интрада-ИНИОН, 1999. — С. 97–105.
157. **Ильина, Н. И.** Возвращение : роман / Н. И. Ильина. — Москва : Советский писатель, 1969. — 381 с. — Текст : непосредственный.
158. **Ильина, Н. И.** Иными глазами : (Очерки шанхайской жизни) / Н. И. Ильина. — Москва : Саламандра, 2013. — 124 с. — Текст : непосредственный.
159. **Ильина-Лаиль, О.** Восток и Запад в моей судьбе / О. Ильина-Лаиль ; перевод с французского Т. А. Чеснокова. — Москва : Викмо-М, 2007. — 368 с. — Текст : непосредственный.
160. **Ильина-Лаиль, О.** Восточная нить: Ольга Ильина-Лаиль / О. Ильина-Лаиль ; перевод с французского Т. А. Чесноковой. — Санкт-Петербург : Звезда, 2003 (ИПК Бионт). — 283 с. — Текст : непосредственный.
161. Интервью и беседы с Львом Толстым : сборник ; составитель, вступительная статья и комментарии В. Я. Лакшина. — Москва : Современник, 1986. — 525 с. — Текст : непосредственный.
162. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги: 1896–1923 г. — Харбин : Правление Общества Китайской Восточной железной дороги : 1923. — 690 с. — Текст : непосредственный.
163. Исторический опыт взаимодействия культур. — Вып. 11 / под редакцией А. П. Забияко, А. А. Забияко ; перевод на китайский и английский Е. В. Сенина. — Благовещенск : Амурский государственный университет, 2015. — 423 с. — Текст : непосредственный.

164. История отечественного востоковедения до середины XIX в. / редакционная коллегия : А. П. Базиянц и др.; АН СССР, Институт востоковедения. — Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. — 435 с. — Текст : непосредственный.
165. **Каневская, Г. И.** Исход русских из Китая (по воспоминаниям русских австралийцев) / Г. И. Каневская. — Текст : непосредственный // Вестник ДВО РАН. — 2008. — № 2. — С. 125–132.
166. **Карпухин, О.** Русский исход в Китае / О. Карпухин. — Текст : непосредственный // Простор. — 1991. — № 11. — С. 163–170.
167. **Кафаров, П. И.** Комментарий архимандрита Палладия Кафарова на путешествие Марко Поло по Северному Китаю / П. И. Кафаров. — Текст : непосредственный. // Известия Императорского Русского географического общества. — Санкт-Петербург, 1902. — Т. 38: Географического известия. — С. 1–46.
168. **Кашталева, К. С.** «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник / К. С. Кашталева. — Текст : непосредственный. // Записки коллегии востоковедов. — Ленинград, 1930. — Т. V. — С. 243–270.
169. **Квитко, Д. Ю.** Философия Л. Н. Толстого / Д. Ю. Квитко. — Москва : Издательство Коммунистической академии, 1930. — 227 с. — Текст : непосредственный.
170. **Ким Рехо** [Ким Ле Чун]. «Неделание»: Лев Толстой и Лао-Цзы / Ким Ле Чун. — Текст : непосредственный // Проблемы Дальнего Востока. — 2000. — № 6. — С. 152–163.
171. **Ким Рехо** [Ким Ле Чун]. Байков Н. А. // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века : Энциклопедический библиографический словарь / Ким Ле Чун. — Москва : РОССПЭН, 1997. — С. 57–58. — Текст : непосредственный.
172. **Ким Рехо** [Ким Ле Чун]. К истории восприятия романа «Воскресение» в Японии / Ким Ле Чун. — Текст : непосредственный // Роман Л. Н.

- Толстого «Воскресение» : историко-функциональное исследование / АН СССР. Институт мировой литературы имени А. М. Горького. — Москва : Наука, 1991. — С. 165–188.
173. **Ким Рехо** [Ким Ле Чун]. Николай Байков. Судьба и книги / Ким Ле Чун. — Текст : непосредственный // Литературное обозрение. — 1993. — № 7/8. — С. 41–49.
174. **Кирмасов, Б. А.** Вклад первых российских переводчиков в становление отечественного китаеведения / Б. А. Кирмасов. — Текст : непосредственный // Среднерусский вестник общественных наук. — 2015. — № 3. — Т. 10. — С. 235–240.
175. Китайская классическая поэзия. (Эпоха Тан) : перевод с китайского; составитель, вступительная статья и общая редакция Н. Т. Федоренко. — Москва : Гослитиздат, 1956. — 431 с. — Текст : непосредственный.
176. Китайские легенды, сказки, басни, пословицы, поговорки : собрал и составил М. Моценок. — Пермь : Книжное издательство, 1958. — 263 с. — Текст : непосредственный.
177. Китайские народные сказки ; перевод с китайского и составитель Б. Рифтина. — Москва : Гослитиздат, 1957. — 192 с. — Текст : непосредственный.
178. Китайские народные сказки ; под редакцией Сяо Эми; иллюстрации Н. Кочергина. — Москва ; Ленинград : Детгиз, 1951. — 32 с. — Текст : непосредственный.
179. Китайские народные сказки ; рисунки Н. Кочергина. — Москва; Ленинград : Детгиз, 1953. — 62 с. — Текст : непосредственный.
180. Китайские сказки / иллюстрации Н. Мешкова. — Красноярск : Книжное издательство, 1959. — 96 с. — Текст : непосредственный.
181. Китайские сказки ; перевод К. Ф. Петренко; иллюстрации: Г. Г. Леви. — Иркутск : Книжное издательство, 1957. — 139 с. — Текст : непосредственный.

182. Китайские сказки ; перевод с китайского и обработка В. Туркина; иллюстрации Г. Меньшенина. — Владивосток : Примиздат, 1955. — 44 с. — Текст : непосредственный.
183. Китайские сказки ; перевод И. Янина; художник А. Коренев. — Южно-Сахалинск : Газета «Советский Сахалин», 1957. — 44 с. — Текст : непосредственный.
184. Китайские сказки ; иллюстрации из китайских изданий; составитель и перевод И. Янина. — Магадан: Книжное издательство, 1960. — 126 с. — Текст : непосредственный.
185. **Киш, Э. Э.** [Egon Erwin Kisch]. Разоблачённый Китай / Э. Э. Киш. — Москва : Госиздат, 1934. — 157 с. — Текст : непосредственный.
186. **Ключников, С.** Восточная ориентация русской культуры / С. Ключников. — Текст : непосредственный // Русский узел евразийства. — Москва : Беловодье, 1977. — С. 5–70.
187. **Кобзев, А. И.** Судьба «Да-сюэ» в России и на Западе : исследование и перевод / А. И. Кобзев. — Текст : непосредственный // Архив российской китаистики. — Т. 2. — Москва : Наука. Восточная литература, 2013. — С. 150–211.
188. **Кожевников, С. Е.** Девушка-павлин: Китайские сказки: [Для детей] / С. Е. Кожевников ; пересказ с китайского С. Кожевникова и Р. Линецкой; иллюстрации С. Калачев. — Новосибирск : Книжное изд-во, 1963. — 67 с. — Текст : непосредственный.
189. **Кондаков, Б. В., Красноярова, А. А.** «Наивная литература» как фактор литературного процесса / Б. В. Кондаков, А. А. Красноярова. — Текст : непосредственный // Казанская наука. — 2016. — № 6. — С. 31–33.
190. **Кондаков, Б. В., Красноярова, А. А.** Китайский контекст и китайский текст в русской литературе XIX века (к постановке проблемы) / Б. В. Кондаков, А. А. Красноярова. — Текст : непосредственный // Евразийский гуманитарный журнал. — 2017. — № 2. — С. 123–127.

191. **Кондаков, Б. В., Красноярова, А. А.** Китайский текст русской литературы (к постановке проблемы) / Б. В. Кондаков, А. А. Красноярова. — Текст : непосредственный // Казанская наука. — 2017. — № 9. — С. 34–38.
192. **Коновальчук, Ю. В.** Китайская тематика в творчестве А. С. Пушкина : статья первая / Ю. В. Коновальчук. — Текст : непосредственный // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. — 2009. — № 3. — С. 10–13.
193. **Конрад, Н. И.** Запад и Восток: Статьи / Н. И. Конрад. — Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1966. — 520 с. — Текст : непосредственный.
194. **Конрад, Н. И.** Толстой в Японии / Н. И. Конрад // Толстой и зарубежный мир. — Москва : Изд-во АН СССР, 1965. — С. 347–360. — Текст : непосредственный.
195. **Концова, Е. В.** Своеобразие поэтического «Востока» в литературе серебряного века: К. Бальмонт, Н. Гумилев, В. Хлебников : автореф. дисс. ... к. филол. н.: 10.01.01 / Е. В. Концова. — Воронеж. государственный университет. — Воронеж, 2003. — 22 с. — Текст : непосредственный.
196. **Концова, Е. В.** Своеобразие поэтического «Востока» в литературе серебряного века: К. Бальмонт, Н. Гумилев, В. Хлебников : дисс. ... к. филол. н.: 10.01.01. / Е. В. Концова. — Воронеж, 2003. — 196 с. — Текст : непосредственный.
197. **Копотилова, В. В.** Издание китайских произведений представителями российской общественности (конец XVIII – первая половина XIX вв.) / В. В. Копотилова. — Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. — 1998. — Вып. 2. — С. 60–64.
198. **Корецкий, А. П.** Эпопея русского эмигранта (без героики) / А. П. Корецкий. — Текст : непосредственный // Россияне в Азии.

- Литературно-исторический ежегодник. — Торонто. — 1996. — № 3. — С. 111–168.
199. **Коркунов, В. В.** На пути к «кимрскому тексту»: теория и практика / В. В. Коркунов. — Текст : непосредственный // Вопросы литературы. — 2014: — Ноябрь–декабрь. — С. 325–344.
200. **Корнев, В. И.** Буддизм – религия Востока / В. И. Корнев. — Москва : Знание, 1990. — 64 с. — Текст : непосредственный.
201. **Коростелёва, А. А.** Цветы корицы, аромат сливы / А. А. Коростелёва. — Москва, 2013. — Текст : непосредственный.
202. **Коростовец, И. Я.** Китайцы и их цивилизация / И. Я. Коростовец. — Санкт-Петербург : Издание книжного склада Н. Аскарханова, 1898. — 629 с. — Текст : непосредственный.
203. **Коростовец, И. Я.** Россия на Дальнем Востоке / И. Я. Коростовец. — Пекин : Творчество «Восточное просвещение», 1922. — 157 с. — Текст : непосредственный.
204. **Корсаков, В. В.** В старом Пекине: очерки из жизни в Китае / В. В. Корсаков. — Санкт-Петербург : Типография Санкт-Петербурга. Товарищество печатного и издательского дела «Трудь», 1904. — 360 с. — Текст : непосредственный.
205. **Корсаков, В. В.** Детский мир в Китае / В. В. Корсаков. — Текст : непосредственный // Вестник Европы. — 1901. — Т. III. — С. 217–226.
206. **Костарёв, Н. К.** Мои китайские дневники / Н. К. Костарёв ; под редакцией и с предисловием Л. Варшавского. — Ленинград : Прибой, 1928. — 2-е издание, пересмотренное и дополненное — Ленинград : Прибой, 1929. — 3-е издание — Москва; Ленинград : ОГИЗ; Государственное издание художественной литературы, 1931. — 4-е издание. — Ленинград : Изд-во писателей в Ленинграде, 1932. — 5-е издание. — Ленинград : Изд-во писателей в Ленинграде, 1935. — 214 с. — Текст : непосредственный.

207. **Косырев, Д. Е.** [псевдоним Мастер Чэнь]. Любимая мартышка дома Тан : роман / Д. Е. Косырев. — Москва : Астрель, 2012. — 505 с. — Текст : непосредственный.
208. **Котенёв, А. Я.** На сопках Маньчжурии : роман, повесть / А. Я. Котенёв. — Москва : Воениздат, 1985. — 463 с. — Текст : непосредственный.
209. **Кочубей, О. И.** Исход и возвращение...: русская эмиграция в Китае в 20-40-е годы / О. И. Кочубей. — Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 1998. — 225 с. — Текст : непосредственный.
210. **Кравцова, М. Е.** История культуры Китая : учебное пособие / М. Е. Кравцова. — Санкт-Петербург : Лань, 1999. — 416 с. — Текст : непосредственный.
211. **Крадин, Н. П.** Русские архитекторы и Харбин / Н. П. Крадин. — Текст : непосредственный // Дальний Восток: Проблемы развития архитектурно-строительного комплекса. — Хабаровск : Хворов, 2000. — С. 40–48.
212. **Краснов, П. Н.** Борьба с Китаем. Популярный очерк столкновения России с Китаем в 1901 г. / П. Н. Краснов. — Санкт-Петербург, 1901. — 126 с. — Текст : непосредственный.
213. **Краснов, П. Н.** На рубеже Китая / П. Н. Краснов. — Париж : Издание Главного Правления Зарубежного Союза Русских Военных Инвалидов, 1939. — 122 с. — Текст : непосредственный.
214. **Красноярова, А. А., Попкова, Т. Д.** Харбин и Шанхай в русской литературе 2000–2010-е гг. (романы Э. Барякиной «Белый Шанхай» и Е. Анташкевиа «Харбин») / А. А. Красноярова, Т. Д. Попкова. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — Т. 12. — Вып. 11. — С. 34–40.
215. **Крузенштерн, И. Ф.** Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805, и 1806 годах. — Ч. 2 / И. Ф. Крузенштерн. — Санкт-Петербург : В Морской Типографии, 1810. — 473 с. — Текст : непосредственный.

216. **Крузенштерн-Петерце, Ю. В.** Воспоминания / Ю. В. Крузенштерн-Петерце. — Текст : непосредственный // Россияне в Азии. — 1994. — № 1. — С. 17–132.
217. **Крылов, М. Н.** Символика Китая в современной русской литературе / М. Н. Крылов. — Текст : непосредственный // Критика и семиотика. — 2016. — № 1. — С. 227–235.
218. **Кудинова, Е. Ю.** Русские в Китае / Е. Ю. Кудинова. — Текст : непосредственный // Вестник ДВО РАН. — 1996. — № 5. — С. 130–133.
219. **Куликов, В. С.** Неизвестный Китай / В. С. Куликов. — Москва : Издательство «Евразия +», 2005. — 168 с. — Текст : непосредственный.
220. **Купина, Н. А., Битенская, Г. В.** Сверхтекст и его разновидности // Человек – текст – культура : коллективная монография — Текст : непосредственный / Н. А. Купина, Г. В. Битенская; под редакцией Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. — Екатеринбург, 2004. — С. 214–233.
221. **Куракин, Н.** Жёлтый лист: китайская народная сказка : инсценировка для кукольного театра Н. Куракина / Ленинградский дворец пионеров им. А. А. Жданова, методический кабинет / Н. Куракин. — Ленинград : [б. и.], 1957. — 10 с. — Текст : непосредственный.
222. **Кучинский, Р. Ю.** Пример сильного характера: идейно-эстетическое своеобразие поэмы А. Несмелова «Протопопица» / Записки Гродековского музея. — Вып. 21: К 70-летию Хабаровского края 1938 — 2008 / Р. Ю. Кучинский ; редакция Н. И. Рубан; редактор, составитель Н. П. Гребенюков; редактор А. С. Дудник. — Хабаровск : Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, 2008. — С. 169–172. — Текст : непосредственный.
223. **Ланский, Л. Р.** Уход и смерть Толстого в откликах иностранной печати // Литературное наследство / Институт мировой литературы им.

- А. М. Горького / Л. Р. Ланский. — Т. 75. — № 2. — М., 1965. — С. 361–460. — (Литературное наследство). — Текст : непосредственный.
224. **Лао Шэ.** Сочинения : в 2 томах / Лао Шэ ; перевод с китайского; составитель, вступительная статья и общая редакция Н. Федоренко. — Москва : Гослитиздат, 1957. — Т. 1: Рикша : роман. Рассказы. — Т. 2: Пьесы. Статьи. — Текст : непосредственный.
225. **Левин, А. М.** Жёлтый дракон Цзяо / А. М. Левин. — Москва : Издательская фирма «Котра», [Б. г.], 1991. — 269 с. — Текст : непосредственный.
226. **Левин, А. М.** Жёлтый дракон Цзяо : повесть / А. М. Левин. — Москва : Советская Россия, 1980. — 288 с. — Текст : непосредственный.
227. **Левашко, С. С.** Историко-культурное регионоведение Дальнего Востока: Историко-этнокультурное регионоведение. Историко-архитектурное регионоведение / С. С. Левашко. — Хабаровск : Издательство ХГТУ, 1998. — 107 с. — Текст : непосредственный.
228. **Левашко, С. С.** Русская архитектура в Маньчжурии: конец XIX – первая половина XX в. / С. С. Левашко. — Хабаровск : Хабаровская краевая типография; частная коллекция, 2003. — 174 с. — Текст : непосредственный.
229. [**Леонтьев, А. Л.**] Депей-китаец / А. Л. Леонтьев ; переведена с китайского на русский язык Алексеем Леонтьевым, Коллегии Иностраннных дел секретарём. — Санкт-Петербург : Типография Академия наук, 1771. — 50 с. — Текст : непосредственный.
230. [**Леонтьев, А. Л.**] Сы шу геи, то есть четыре книги с толкованиями. Книга первая филозофа Конфуциуса / А. Л. Леонтьев. Перевёл с китайского и манжурского на русский язык надворный советник Алексей Леонтьев. — Санкт-Петербург : Императорская академия наук, 1780. — 125 с. — Текст : непосредственный.

231. **Ли Иннань.** Миссионерская деятельность РПЦ в Китае / Ли Иннань. — Текст : непосредственный // Вестник культурологии. — 2019. — С. 192–207.
232. **Ли Мэн.** Харбин – продукт колониализма / Ли Мэн. — Текст : непосредственный // Проблемы Дальнего Востока. — 1999. — № 1. — С. 96–103.
233. **Ли Шу Хиао.** Деятельность Харбинской православной епархии / Ли Шу Хиао. — Текст : непосредственный // Дальний Восток России – Северо-восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. Материалы международной научно-практической конференции. — Хабаровск, 1998. — С. 172–174.
234. **Литвинцев, Г. М.** Молодым не ходи в Гуандун. Записки о бедствиях Опиумной войны, составленные Ли Вэньхуа, конфуцианцем. — [Б. м.] / Литвинцев Г.: Издательские решения, 2017. — 51 с. — Текст : непосредственный.
235. Литература русских эмигрантов в Китае / собиратель оригиналов, главный составитель, шеф-редактор Ли Янлен [Ли Янлин]. — Т. 1–10. — Пекин : Изд-во «Китайская молодёжь», 2005. — Текст : непосредственный. [哈尔滨—我的绿洲 / 李延龄编。—北京: 中国青年出版社, 2005 (中国俄罗斯侨民文学丛书 / 李延龄主编)]. Т. 1: Харбин – мой оазис / Составитель тома Ли Янлен [Ли Янлин]. — Пекин : Изд-во «Китайская молодёжь», 2005. [哈尔滨—我的绿洲 / 李延龄编。—北京: 中国青年出版社, 2005 (中国俄罗斯侨民文学丛书 / 李延龄主编)]. — Т. 2: Паровозы гудят у Цицикара / Составитель тома Мяо Хой. — Пекин : Изд-во «Китайская молодёжь», 2005. [齐齐哈尔火车声声 / 苗慧编。—北京: 中国青年出版社, 2005 (中国俄罗斯

侨民文学丛书 / 李延龄主编)]. — Т. 3: Соната над Хинганом / Составитель тома Ли Цяньвэй. — Пекин : Изд-во «Китайская молодёжь», 2005. [兴安岭奏鸣曲 / 李蔷薇编。 — 北京: 中国青年出版社, 2005 (中国俄罗斯侨民文学丛书 / 李延龄主编)]. — Т. 4: Заря над Сунгари / составитель тома Жун Цзе, Чжао Вэй. — Пекин : Изд-во «Китайская молодёжь», 2005. [松花江早霞 / 荣洁, 赵为编。 — 北京: 中国青年出版社, 2005 (中国俄罗斯侨民文学丛书 / 李延龄主编)]. — Т. 5: Волны Хуанпуцзяна Шанхая / Составитель тома Ли Иннань. — Пекин : Изда-во «Китайская молодёжь», 2005. [黄浦江涛声 / 李英男编。 — 北京: 中国青年出版社, 2005 (中国俄罗斯侨民文学丛书 / 李延龄主编)]. — Т. 6: Тройка, мчащаяся в памяти / Составитель тома Чжэн Юнван, Го Лицзе. — Пекин : Изд-во «Китайская молодёжь», 2005. [驰骋记忆中的三套车 / 李延龄主编; 郑永旺, 郭丽洁编。 — 北京: 中国青年出版社, 2005 (中国俄罗斯侨民文学丛书 / 李延龄主编)]. — Т. 7: Волга, текущая в сердце / Составитель тома Чжао Гуйлянь. — Пекин : Изд-во «Китайская молодёжь», 2005. [流淌心中的伏尔加河 / 赵桂莲编。 — 北京: 中国青年出版社, 2005 (中国俄罗斯侨民文学丛书 / 李延龄主编)]. — Т. 8: Я берёза России / Составитель тома Сунь Юйхуа, Ван Хунци. — Пекин : Изд-во «Китайская молодёжь», 2005. [我是俄罗斯白桦 / 孙玉华, 王宏起编。 — 北京: 中国青年出版社, 2005 (中国俄罗斯侨民文学丛书 / 李延龄主编)]. — Т. 9: Вялые лепестки розы. / Составитель тома Лю Хунбо. — Пекин : Изд-во «Китайская молодёжь», 2005. [干枯的玫瑰花瓣儿 / 刘洪波编。 — 北

- 京: 中国青年出版社, 2005 (中国俄罗斯侨民文学丛书 / 李延龄主编)].
- Т. 10: Сладкое или горькое / Составитель тома Тан Ихун, Чжан Цзин. — Пекин : Изд-во «Китайская молодёжь», 2005. [甜蜜的还是痛苦的 / 唐逸红, 张晶编。—北京: 中国青年出版社, 2005 (中国俄罗斯侨民文学丛书 / 李延龄主编)].
236. Литература русского зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае) : Библиография : список книг и публикаций в периодических изданиях / Составитель Дяо Шаохуа. — Харбин : Бейфан Вен-и, 2001. — 221 с. — Текст : непосредственный.
237. Литература Русского зарубежья. 1920–1940 / Российская академия наук. Институт мировой литературы имени А. М. Горького ; составитель и ответственный редактор О. Н. Михайлов. — Вып. 2. — Москва : Наследие; Наука, 1993. — 332 с. — Текст : непосредственный.
238. Литература Русского зарубежья. 1920–1940 : сборник статей. — Москва : Наследие; Наука, 1993. — 332 с. — Текст : непосредственный.
239. Литература русского зарубежья. Восточная ветвь: хрестоматия : в 4 томах / Министерство образования и науки Российской Федерации, Амурский государственный университет ; составитель, общая редакция А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. — Т. 1 — 449 с.; — Благовещенск : АмГУ, 2013. — Текст : непосредственный.
240. Литература русского зарубежья: антология : в 6 томах / авторское вступление статьи и научная редакция кандидата философских наук А. Л. Афанасьев. — Т. 2. — 559 с.— Москва : Книга, 1990. — (Русское зарубежье). — Текст : непосредственный.
241. **Лихачев, Д. С.** Литература – Реальность – Литература : сборник статей / Д. С. Лихачев. — Ленинград : Советский писатель. Ленинградское отделение, 1981. — 215 с. — Текст : непосредственный.

242. **Ло Гуаньчжун.** Троецарствие : исторический роман / Ло Гуаньчжун ; перевод с китайского и комментарии В. А. Панасюка; под редакцией В. С. Колоколова. — Т. 1–2. — Москва : Гослитиздат, 1954. — Т. 1. — 785 с.; — Т. 2. — 790 с. — Москва : Гослитиздат, 1954. — Текст : непосредственный.
243. **Лобикова, Н. М.** Пушкин и Восток : очерки / Н. М. Лобикова. — Москва : Наука, 1974. — 96 с. — Текст : непосредственный.
244. **Лотман, Ю. М.** Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Азбука, 2016. — 444 с. — Текст : непосредственный.
245. **Лотман, Ю. М.** История и типология русской культуры / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство, 2002. — С. 747. — Текст : непосредственный.
246. **Лотман, Ю. М.** О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство Санкт-Петербурга, 1996. — 846 с. — Текст : непосредственный.
247. **Лу Синь.** Собрание сочинений : в 4 томах / Лу Синь ; перевод с китайского; под общей редакцией В. С. Колоколова [и др.]; вступительная статья Н. Т. Федоренко]. — Т. 1. — 462 с. ; — Т. 2. — 424 с. ; — Т. 3. — 318 с. ; — Т. 4. — 263 с. — Москва : Гослитиздат, 1954–1956. — Текст : непосредственный.
248. **Лукин, А. В.** Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII – XXI вв. / А. В. Лукин. — Москва : Восток-Запад; АСТ, 2007. — 598 с. — Текст : непосредственный.
249. **Лукин, А. В.** Образ Китая в российском общественном сознании / А. В. Лукин. — Текст : непосредственный // ПОЛИС, 2004. — № 6. — С. 70–86.
250. **Любарская, А. И.** Как дикая кошка искала себе дом : Китайские сказки: [Для дошкольного возраста] / А. И. Любарская ; перевод Л. Меньшикова; пересказала для детей А. Любарская; рисунки В.

- Курдова. — Ленинград : Детгиз, Ленинградское отделение, 1956. — 12 с. — Текст : непосредственный.
251. Любимый Харбин – город дружбы России и Китая : материалы международной научной-практической конференции, посвящённой 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае (Харбин, 16–18 июня 2018 г.) / ответственный редактор Ли Яньлин; редакционный коллектив А. М. Буяков, С. Ю. Еремин, А. А. Забияко, И. К. Капран, М. Б. Сердюк ; перевод на китайский язык; литературный редактор Чжоу Синьюй и др. — Владивосток : Издательство ВГУЭС, 2019. — 372 с. — Текст : непосредственный.
252. **Мадьяр, Л. И.** [Разумов С. П.?]. Советское движение в Китае / Л. И. Мадьяр [С. П. Разумов]. — Москва ; Ленинград : Огиз — Государственное социально-экономическое издательство : Загорская типография «6-ой октябрь», 1931. — 38 с. — Текст : непосредственный.
253. **Маковицкий, Д. П.** У Толстого: Яснополянские записки. — Книга 2: 1906–1907 / Д. П. Маковицкий. — Москва, 1979. — 688 с. — (Литературное наследство). — Текст : непосредственный.
254. **Маковкин, А. Е.** 1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска. 1898–1906 гг.: Исторический очерк / А. Е. Маковкин. — Санкт-Петербург : Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1907. — 231 с. — Текст : непосредственный.
255. **Малявин, В. В.** Империя учёных / В. В. Малявин. — Москва : Европа, 2007. — 378 с. — (Серия «Империя»). — Текст : непосредственный.
256. **Малявин, В. В.** Китай управляемый: Старый добрый менеджмент / В. В. Малявин. — Москва : Европа, 2005. — 303 с. — (Серия «Формы правления»). — Текст : непосредственный.

257. **Малявин, В. В.** Конфуций / В. В. Малявин. — Москва : Молодая гвардия, 1992. — 335 с. — (Жизнь замечательных людей. Серия биографий). — Текст : непосредственный.
258. **Малявин, В. В.** Конфуций / В. В. Малявин. — Москва : Молодая гвардия, 2001. — 357 с. — Текст : непосредственный.
259. **Малявин, В. В.** Повседневная жизнь в эпоху Мин / В. В. Малявин. — Москва : Молодая гвардия, 2008. — 448 с. (Живая история: Повседневная жизнь человечества). — Текст : непосредственный.
260. **Маракуев, В. Н.** Наши азиатские соседи китайцы (составлено по Р. Дугласу, Симону, Э. Реклю, Леггу и др.) / В. Н. Маракуев. — Одесса, 1896. — 190 с. — Текст : непосредственный.
261. **Марченко, В. А.** Как стать сюнди (Китай) / В. А. Марченко. — Санкт-Петербург : Амфора = Амфора Travel 2013. — 219 с. — Текст : непосредственный.
262. **Маслов, А. А.** Боевая добродетель. Секреты боевых искусств Китая / А. А. Маслов. — Ростов на Дону : Феникс, 2004. — 222 с. — (Мастера боевых искусств). — Текст : непосредственный.
263. **Маслов, А. А.** Китай и китайцы: о чём молчат путеводители / А. А. Маслов. — Москва : РИПОЛ Классик, 2014. — 286 с. — (Что там в голове у этих иностранцев?). — Текст : непосредственный.
264. **Маслов, А. А.** Китай: колокольца в пыли. Странствия мага и интеллектуала / А. А. Маслов. — Москва : Алетейа; типография издательства Самарский Дом печати, 2003. — 374 с. — Текст : непосредственный.
265. **Маслов, А. А.** Китай: укрощение драконов: Духовные поиски и сакральный экстаз / А. А. Маслов. — Москва : Алетейа; типография издательства Самарский Дом печати, 2003. — 474 с. (Сокровенная история цивилизаций). — Текст : непосредственный.
266. **Маслов, А. А.** Мистерия Дао. Мир «Дао дэ цзина» / РАН; Институт Дальнего Востока; Центр изучения духовной цивилизации Восточной

- Азии; Научно-исследовательский центр мистической культуры / А. А. Маслов ; составитель, перевод и примечания А. А. Маслова. — Москва : Изд-во «Сфера» Российского Теософского Общества, 1996. — 512 с. — (Серия «Источники»). — Текст : непосредственный.
267. **Маслов, А. А.** Наблюдая за китайцами: скрытые правила поведения / А. А. Маслов. — Москва : РИПОЛ Классик, 2010. — 282 с. — (Наблюдая за...). — Текст : непосредственный.
268. **Маслов, А. А.** Ушу: Традиции духовного и физического воспитания Китая / А. А. Маслов. — Москва : Молодая Гвардия, 1990. — 76 с. — Текст : непосредственный.
269. **Матвеев, Н. П.** Китайцы на Карийских промыслах / Н. П. Матвеев. — Текст : непосредственный // Русское богатство, 1911. — No 12. — С. 29–43.
270. **Маяковский, В. В.** Полное собрание сочинений : в 12 томах / В. В. Маяковский. — Москва : Государственное издательство «Художественная литература», 1939–1949. — Т. 2: Стихи; Статьи, 1917–1925 / редакция и комментарии В. Тренина. — Москва, 1939. — 684 с. — Текст : непосредственный.
271. **Медведев, А. Н., Медведева, И. Б.** Легенды и притчи Шоу-Дао / А. Н. Медведев, И. Б. Медведева. — Москва : НЦПКЦ Восход-А, 2001. — 303с. — (Серия «Сохранённое сокровенное»). — Текст : непосредственный.
272. **Меднис, Н. Е.** Венеция в русской литературе / Н. Е. Меднис ; ответственный редактор Т. И. Печерская; Российская Академия наук Сибирское отделение, Институт филологии; Министерство образования Российской Федерации Новосибирский государственный педагогический университет. — Новосибирск, 1999. — 391 с. — Текст : непосредственный.
273. **Мелихов, Г. В.** Белый Харбин: середина 20-х / Г. В. Мелихов. — Москва : Русский путь, 2003. — 438 с. — Текст : непосредственный.

274. **Мелихов, Г. В.** Маньчжурия далёкая и близкая / Г. В. Мелихов. — Москва : Наука, 1991. — 319 с. — Текст : непосредственный.
275. **Мелихов, Г. В.** Маньчжурия далёкая и близкая. — 2-е издание, стер. / Г. В. Мелихов. — Москва : Наука, 1994. — 313 с. — Текст : непосредственный.
276. **Мелихов, Г. В.** Российская эмиграция в Китае. 1917–1924 гг. / Г. В. Мелихов. — Москва : Институт российской истории РАН, 1997. — 245 с. — Текст : непосредственный.
277. **Меряшкина, Е. В.** Образ хунхуза в прозе писателей дальневосточного зарубежья / Е. В. Меряшкина. — Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского университета. — 2014. — № 3–4 (60). — С. 175–180.
278. **Левченко, А. А., Забияко, А. А.** Художественная этнография В. Марта: образы китайцев в прозе 1920-х гг. / А. А. Левченко, А. А. Забияко. — Текст : непосредственный // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: этнокультурные процессы в политическом аспекте : сборник материалов Международной научно-практической конференции ; под редакцией А. П. Забияко, А. А. Забияко — Благовещенск : Амурский государственный университет, 2013. — С. 219–236.
279. **Мизин, Н. И.** Голубой шакал: стихи по мотивам китайских народных сказок и басен : [Для детей] / Н. И. Мизин; рисунки П. Островского. — Сталинград : Книжное издательство, 1957. — 48 с. — Текст : непосредственный.
280. **Мильто Петро.** На сопках Маньчжурии : повесть / Петро Мильто. — Минск : [б. и.], 1967. — 54 с. — Текст : непосредственный.
281. **Мин Хэ, Синмэй Ли.** Многоликость Шанхая в русской эмигрантской поэзии / Мин Хэ, Синмэй Ли. — Текст : непосредственный // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. — Москва : Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, 2018. — С. 118–134.

282. **Михальский, В. В.** На сопках Маньчжурии : рассказы / В. В. Михальский. — Москва : Согласие, 2019. — 168 с. — Текст : непосредственный.
283. **Москвина, О. А.** Творчество Альфреда Хейдока / О. А. Москвина. — Текст : непосредственный // Вс. Н. Иванов и культура России (к 105-летию со дня рождения Вс. Н. Иванова) : тезисы всероссийской научной конференции. — Хабаровск : Издательство ХГПИ, 1993. — С. 52–53.
284. **Мотылева, Т. Л.** О мировом значении Л. Н. Толстого / Т. Л. Мотылёва. — Москва : Советский писатель, 1957. — 724 с. — Текст : непосредственный.
285. **Мясников, В. С., Попова, И. Ф.** Вклад о. Иакинфа в мировую синологию / В. С. Мясников, И. Ф. Попова. — Текст : непосредственный // Вестник Российской Академии Наук. — 2002. — Т. 72. — № 12. — С. 1099–1006.
286. **Наволочкин, Н. Д.** Путешествие зайца Антошки: Эта сказка про зайца Антошку, про таёжную речку Морошку, про китайского мальчика Вана и про девочку – просто Светлана: в стихах : [Для детей] / Н. Д. Наволочкин ; иллюстрации В. Васильев. — Южно-Сахалинск : Сахалинское книжное издательство, 1959. — 32 с. — Текст : непосредственный.
287. **Неживая, Е. А.** Проза Н. А. Байкова и ориентальная культурная традиция / Е. А. Неживая. — Текст : непосредственный // Ориентальная тема в литературе метрополии и русского зарубежья дальнего Востока. — Биробиджан, 2010. — 163 с.
288. **Неживая, Е. А.** Художественный мир Н. А. Байкова : автореф. дисс. ... к. филол. н. / Е. А. Неживая. — Комсомольск-на-Амуре, 2000. — 18 с.— Текст : непосредственный.

289. Неизвестные письма Н. С. Гумилева / Публикация Р. Д. Тименчика. — Текст : непосредственный // Известия АН СССР. (Серия литературы и языка). — 1987. — Т. 46. — № 1. — С. 50–78.
290. **Немирович-Данченко, Вас. И.** В Маньчжурии: картинки и сценки из войны с Японией / Вас. И. Немирович-Данченко. — Москва : Издание редакции журналов «Юная Россия» и «Педагогический листок», 1907. — 245 с. — Текст : непосредственный.
291. **Несмелов, А. И.** Без Москвы, без России : Стихотворения. Поэмы. Рассказы / А. И. Несмелов ; составитель и комментарии Е. В. Витковского и А. В. Ревоненко. — Москва : Московский рабочий, 1990. — 402 с. (Московский Парнас). — Текст : непосредственный.
292. **Несмелов, А. И.** Собрание сочинений: в 2 томах. — Т. I: стихотворения и поэмы / А. И. Несмелов. — Владивосток : Изд-во Альманах «Рубеж», 2006. — 560 с. — Текст : непосредственный.
293. **Никишина, М. Ю.** Образ традиционного Китая в романе В. М. Дорошевича «Му-Сян» / М. Ю. Никишина. — Текст : непосредственный // Традиционная культура. — 2011. — № 2. — С. 122–132
294. **Николаев, И. В.** Внешняя политика России в конце 20 – начале 21 века / И. В. Николаев. — Текст: электронный. — URL: http://russian.china.org.cn/international/archive/china-russian/txt/2008-05/23/content_15421980.htm. (дата обращения: 20.08.2019).
295. **Никольская, Т. С.** Третьяков и А. Чачиков о национально-освободительном движении народов Востока / Т. С. Никольская. — Текст : непосредственный // Авангард и идеология: русские примеры / Филологический факультет Белградского университета ; редактор С. Грубачич. — Белград, 2009. — С. 315–321.
296. **Никольская, Т. Л.** (при участии Виноградовой Т. И.). Китайская «заумь» Александра Чачикова / Т. Л. Никольская. — Текст :

- непосредственный // Вестник Восточного института. — 2001. — Т. 7. — № 1 (13). — С. 19–23.
297. **Никулин, Л. В.** Порт-Артур : пьеса в 4 действиях / Л. В. Никулин. — Москва : издательство и стеклогр. издательства «Искусство», 1937. — 132 с. — Текст : непосредственный.
298. **Одоевский, В. Ф.** 4338-й год. Петербургские письма / В. Ф. Одоевский. — Москва, 1926. — (Библиотека «Огонёк». № 169). — 64 с. — Текст : непосредственный.
299. **Орлов, А. Ю.** Харбинский экспресс / А. Ю. Орлов. — Москва : Изд-во АСТ ; Астрель-СПб., ВКТ, 2008. — 444 с. — Текст : непосредственный.
300. **Орлов, А. Ю.** Харбинский экспресс-2: Интервенция / А. Ю. Орлов. — Москва : Изд-во АСТ» ; Астрель-СПб., ВКТ, 2009. — 412 с. — Текст : непосредственный.
301. **Панишева, Н. А.** Художественное пространство Китая в лирике А. Несмелова / Н. А. Панишева. — Текст : непосредственный // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2012. — № 1 (1). — С. 100–105.
302. **Пелевин, В. О.** Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда : избранные произведения / В. О. Пелевин. — Москва : ЭКСМО, 2003. — 384 с. — Текст : непосредственный.
303. **Пелевин, В. О.** Священная книга оборотня / В. О. Пелевин. — Москва : Эксмо, 2005. — 384 с. — Текст : непосредственный.
304. **Пелевин, В. О.** Relics : Раннее и неизданное / В. О. Пелевин. — Москва : Эксмо, 2005; ОАО Можайский полиграфический комбинат. — 351 с. — Текст : непосредственный.
305. **Печерица, В. Ф.** Духовная культура русской эмиграции в Китае / В. Ф. Печерица. — Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 1999. — 274 с. — Текст : непосредственный.

306. **Пильняк, Б. А.** Собрание сочинений : в 6 томах. — Т. 1: Голый год : Роман. Повести. Рассказы / Б. А. Пильняк ; составитель, вступительная статья, комментарии К. Андроникашвили-Пильняк. — Москва : ТЕРРА-Книжный клуб, 2003. — 448 с. — Текст : непосредственный.
307. **Пильняк, Б. А.** Собрание сочинений : в 6 томах. — Т. 3: повести; рассказы; Корни японского солнца : роман / Б. А. Пильняк ; составитель, комментарии К. Андроникашвили-Пильняк; послесловие Б. Андроникашвили-Пильняк. — Москва : ТЕРРА-Книжный клуб, 2003. — 576 с. — Текст : непосредственный.
308. **Плостина, Н. Н.** Н. А. Байков и его герои перед ликом природы / Н. Н. Плостина. — Текст : непосредственный // Вестник Дальневосточной государственной академии экономики и управления. — 2001. — № 1 (17). — С. 114–125.
309. **Плостина, Н. Н.** Н. А. Байков – путешественник и литератор русского зарубежья / Н. Н. Плостина. — Текст : непосредственный // Вестник Дальневосточной государственной академии экономики и управления. — 1998. — № 2 (6). — С. 108–111.
310. **Плостина, Н. Н.** Творчество Н. А. Байкова: проблематика, художественное своеобразие: автореф. дисс. ... к. филол. н. / Н. Н. Плостина. — Владивосток, 2002. — 24 с. — Текст : непосредственный.
311. **Полевой, Е.** По ту сторону китайской границы: Белый Харбин / Е. Полевой. — Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1930. — 88 с. — Текст : непосредственный.
312. **Полян, П.** Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // Россия и её регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / П. Полян ; под редакцией О. Глезер и П. Поляна. — Москва : ОГИ, 2005. — С. 493–519. Текст : электронный. — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/analit01.php>. (дата обращения: 07.07.2019).

313. **Пресс, А. Г.** Цветы Востока : песни, сказки, рассказы, легенды, загадки, поговорки: китайские, японские, персидские и др. / А. Г. Пресс. — Санкт-Петербург : Разум, 1912. — 128 с. — Текст : непосредственный.
314. **Пу Сунлин.** Лисьи чары; Странные истории : рассказы / Пу Сунлин ; перевод с китайского академика В. М. Алексеева; редактор и послесловие доктора филологических наук Н. Т. Федоренко. — Москва : Гослитиздат, 1955. — 296 с. — Текст : непосредственный.
315. **Пу Сунлин.** Монахи-волшебники. Рассказы о людях необычайных / Пу Сунлин ; перевод с китайского и комментарии академика В. М. Алексеева ; редакция и предисловие доктора филологических наук Н. Т. Федоренко]. — Москва : Гослитиздат, 1957. — 563 с. — Текст : непосредственный.
316. **Пу Сунлин.** Странные истории : рассказы / Пу Сунлин ; перевод с китайского оригинала; предисловие и примечания профессора В. М. Алексеева. — Ленинград : Издательство «Мысль»; типография Гидротехнического управления; Управление военно-морских сил РККА, 1928. — 272 с. — Текст : непосредственный.
317. **Пушкин, А. С.** Собрание сочинений : в 10 томах / А. С. Пушкин. — Москва : ГИХЛ, 1959–1962. — Т. 2: Стихотворения 1823–1836. — Москва, 1959. — 799 с. — Текст : непосредственный.
318. Пушкин и Восток : очерки. — Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1974. — 96 с. — Текст : непосредственный.
319. **Пчелинцева, К. Ф.** Китай и китайцы в русской прозе 20-х–30-х годов как символ всеобщего культурного непонимания / К. Ф. Пчелинцева. — Текст : непосредственный // Материалы VIII Молодёжной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество. — Вып. 34. — Санкт-Петербург, 2005. — С. 162–173.

320. **Пчелинцева, К. Ф.** Образы Китая в русской поэзии и философии XX века. В связи с проблемой России – Запад – Восток / К. Ф. Пчелинцева. — Текст : непосредственный // Русский язык за рубежом. — 2003. — № 3. — С. 106–112.
321. **Раскина, Е. Ю.** Образы китайской культуры в творчестве Н. С. Гумилёва / Е. Ю. Раскина. — Текст : непосредственный // Вестник Вятского государственного университета. — 2008. — № 4–2. — С. 93–97.
322. **Рачин, Е. И.** Философские искания Льва Толстого / Е. И. Рачин. — Москва : Изд-во Российского университета дружбы народов, 1993. — 170 с. — Текст : непосредственный.
323. **Рифтин, Б. Л.** Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае: устные и книжные версии «Троецарствия» / Б. Л. Рифтин / АН СССР. Институт Мировой литературы им. А. М. Горького. — Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1970. — 482 с. — (Серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока»). — Текст : непосредственный.
324. **Рифтин, Б. Л.** От мифа к роману. Эволюция изображения персонажа в китайской литературе / Б. Л. Рифтин. — Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1979. — 360 с. — (Серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока»). — Текст : непосредственный.
325. **Рифтин, Б. Л.** Русские переводы китайской литературы в XVIII – первой половине XIX в. / Б. Л. Рифтин. — Текст : непосредственный // Восток в русской литературе XVIII – начала XX века: знакомство, переводы, восприятие. — Москва : ИМЛИ РАН, 2004. — 256 с.
326. **Рифтин, Б. Л.** Сказание о Великой стене и проблема жанра в китайском фольклоре / Б. Л. Рифтин / Академия наук СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. — Москва : Издательство восточной литературы, 1961. — 246 с. — Текст : непосредственный.

327. **Рихтер, З. В.** 7000 километров по воздуху / З. В. Рихтер. — Текст : непосредственный // Китай у русских писателей. — Москва : Алгоритм, 2008. — С. 293–307.
328. **Рихтер, З. В.** 7000 километров по воздуху. Москва – Монголия – Китай / З. В. Рихтер. — Москва : Авиаиздательство, 1926. — 156 с. — Текст : непосредственный.
329. **Роллан, Р.** Собрание сочинений : в 14 томах ; перевод с французского / Р. Роллан; под общей редакцией И. Анисимова. — Т. 14: Вопросы эстетики. Театр. Живопись. Литература / вступительная статья И. Анисимова]. — Москва : Гослитиздат, 1958. — 832 с. — Текст : непосредственный.
330. **Романова, Н. П., Жуков, А. В., Жукова, А. А.** Образы культуры и религии Китая в сознании населения российско-китайского приграничья / Н. П. Романов, А. В. Жуков, А. А. Жукова. — Текст : непосредственный // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2014. — С. 66–76.
331. Россия на Дальнем Востоке. — Санкт-Петербург, 1901. — 79 с.
332. Русская поэзия Китая: антология / составитель В. П. Крейд, О. М. Бакич. — Москва : Время, 2001. — 718 с. — Текст : непосредственный.
333. Русские в Китае. Исторический обзор : сборник; общая редакция, предисловие и послесловие А. А. Хисамутдинов. — Москва : [Б. и.]; Шанхай : Координационный совет соотечественников в Китае, 2010. — 570 с. — Текст : непосредственный.
334. Русский биографический словарь : в 25 томах. — Санкт-Петербург ; Москва, 1896–1918. — Текст : непосредственный.
335. Русский Харбин, запечатлённый в слове : сборник научных работ / Федеральное агентство по образованию, Амурский государственный университет ; под редакцией А. А. Забияко, Е. А. Оглезневой. — Благовещенск : Амурский государственный университет, 2006. — Вып. 4: К 70-летию профессора О. И. Федотова ; под редакцией А. А.

- Забияко, Г. В. Эфендиевой, 2010. — 240 с. — Текст : непосредственный.
336. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта : монография / А. А. Забияко, А. П. Забияко, С. С. Лешошко, А. А. Хисамутдинов; Министерство науки и образования Российской Федерации, Амурский государственный университет. — Благовещенск : Амурский государственный университет, 2015. — 461 с. — Текст : непосредственный.
337. Русское зарубежье: История и современность : сборник статей / РАН ИНИОН. Центр комплексных исследований российской эмиграции; редакционная коллегия: Ю. В. Мухачёв (главный редактор) и др. — Вып. 5. — Москва, 2016. — 241 с. — Текст : непосредственный.
338. **Рыбаков, В. М.** Уголовные установления Тан с разъяснениями = «Тан луй шу и» : в 4 томах / В. М. Рыбаков. — Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 1999–2008. — Т. 1. — Санкт-Петербург, 1999 ; Т. 2. — Санкт-Петербург, 2001; Т. 3. — Санкт-Петербург, 2005; —Т. 4. — Санкт-Петербург, 2008. Танская бюрократия. Ч. 1: Генезис и структура. — Санкт-Петербург, 2009. — 504 с. Танская бюрократия. Ч. 2. Правовое саморегулирование. — Т. 1. — Санкт-Петербург, 2013. — 496 с. Танская бюрократия. — Санкт-Петербург, 2013. — Ч. 2: Правовое саморегулирование. — Т. 2. — Санкт-Петербург, 2015. — 416 с. — Текст : непосредственный.
339. **Савина, Е. И.** Проклятие китайского колдуна / Е. И. Савина. — Москва : Литературная студия «Научная книга», 2013. — Текст : непосредственный.
340. **Савченко, Т. К.** «День русской культуры» в Харбине: по материалам эмигрантской печати / Т. К. Савченко. — Текст : непосредственный // Литература и культура Дальнего Востока, Сибири и Восточного зарубежья. Проблемы межкультурной коммуникации : материалы участников VI Всероссийской научно-практической конференции с

- международным участием, 4 февраля 2016 года. — Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2016. — С. 48–54.
341. **Сакон Такэси.** Сибирь, Харбин и Австралия жизнь и творчество Н. А. Байкова / Сакон Такси. — Текст : непосредственный // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков : тезисы докладов. Кн. 2. — Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 1998. — С. 269–275.
342. **Самойленко, Т. В.** Творчество и деятельность Ли Яньлина в контексте социокультурного взаимодействия межграничных регионов России и Китая / Т. В. Самойленко. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации : материалы X международной научно-практической конференции; научные редакторы Т. Н. Кучинская, В. С. Морозова. — Чита : Забайкальский государственный университет, 2018. — С. 166–171.
343. **Селивановский, А.** Сергей Третьяков – Ли Ян упрям : поэма / А. Селивановский. — ГИЗ. 1927 // Октябрь. — 1928. — № 2. — С. 210–212. — Текст : непосредственный.
344. **Селивановский, И. П.** Как живут и работают китайцы / А. Селивановский. — Москва, 1904. — 80 с. — Текст : непосредственный.
345. **Селиверстова, Ю. А.** Образ и стиль жизни китайской женщины в шанхайской культуре (1920–30-е гг.) : Автореф. дисс. ... к. истор. н. / Ю. А. Селиверстова. — Москва, 2013. — 23 с. — Текст : непосредственный.
346. **Семёнов, В. И.** Новый год в Китае. Очерки дальнего плавания / В. И. Семёнов. — Текст : непосредственный // Русский вестник. — 1893. — No 6. — С. 203–222.
347. **Сенковский, О. И.** Фаньсу, или Плутовка горничная: Китайская комедия знаменитого Джин-Дыхуэя / О. И. Сенковский. — Текст :

- непосредственный // Библиотека для чтения, 1839. — Т. 35. — Отд. II : Иностранная словесность. — С. 53–140.
348. Си ю цзи или Описание путешествия на Запад. — Текст : непосредственный // Труды членов российской духовной миссии в Пекине. — Т. IV. — Санкт-Петербург : типография В. Безобразова и компании, 1866. — С. 259–436.
349. **Сильницкий, Г. Г.** Первый круг. Русский Шанхай / Г. Г. Сильницкий. — Текст : непосредственный // Сильницкий Г. Г. Осмысление прошлого: четыре круга спирали одной жизни. — Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2019. — С. 5–38.
350. Сказки народов Китая ; перевод с китайского; предисловие М. Черкасовой. — Текст : непосредственный. — Москва : Гослитиздат, 1961. — 495 с. — Текст : непосредственный.
351. **Скачков, П. Е.** Библиография Китая / П. Е. Скачков. — Москва : Восточная литература, 1960. — 691 с. — Текст : непосредственный.
352. **Скачков, П. Е.** Библиография Китая. Систематический указатель книг и журнальных статей о Китае на русском языке. 1730–1930 / П. Е. Скачков. — Москва ; Ленинград : Государственное социально-экономическое издательство, 1932. — 843 с. — Текст : непосредственный.
353. **Скачков, П. Е.** Очерки истории русского китаеведения / П. Е. Скачков. — Москва : Наука, 1977. — 505 с. — Текст : непосредственный.
354. **Слободчиков, В. А.** О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай / В. А. Слободчиков. — Москва : Центрполиграф, 2005. — 431 с. — (Серия: Россия забытая и неизвестная. Люди и времена). — Текст : непосредственный.
355. **Сметанин, А. И.** Дорога на Порт-Артур : документальная повесть / А. И. Сметанин. — Москва : Издательство ДОСААФ, 1981. — 206 с. — Текст : непосредственный.

356. **Смирнов, С. В.** Воспоминания русских репатриантов из Китая: прошлая реальность и реальность прошлого / С. В. Смирнов. — Текст : непосредственный // Россия и мир: панорама исторического развития : сборник научных статей, посвящённый 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького. — Екатеринбург : НПМП «Волот», 2008. — С. 371–382.
357. **Смольников, В. П.** Записки шанхайского врача / В. П. Смольников. — Москва : Издательский дом «Стратегия», 2001. — 288 с. — Текст : непосредственный.
358. **Соболева, О. В.** Венецианский текст в современной русской литературе: продолжение и преодоление традиций // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2010. — Вып. 5 (11). — С.184–188. Текст : непосредственный.
359. **Солнцева, Е. Г.** Китайские мотивы в «Фарфоровом павильоне» Н. С. Гумилёва / Е. Г. Солнцева. — Текст : непосредственный // Вестник Российского университета Дружбы народов (Серия «Литературоведение. Журналистика»). — 2013. — № 4. — С. 72–79.
360. **Соловьёв, В. С.** Китай и Европа // Соловьёв В. С. Собрание сочинений / В. С. Соловьёв ; под редакцией и с примечаниями С. М. Соловьёва и Э. Л. Радлова. — Т. 6: 1886–1894. — 2-е издание. — Санкт-Петербург : Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. — С. 93–150. — Текст : непосредственный.
361. **Сорокин, В. Г.** Concreteные / В. Г. Сорокин. — Текст : непосредственный. — С. 71–92 // Пир. — 2-е издание. — М. : Ad Marginen, 2000. — 382 с.
362. **Сорокин, В. Г.** День опричника / В. Г. Сорокин. — Москва : Изд-во «Захаров», 2009. — 222 с. — Текст : непосредственный.
363. **Сорокин, В. Г.** Метель / В. Г. Сорокин. — Москва : АСТ; Астрель, 2010. — 302 с. — Текст : непосредственный.

364. **Сорокина, Г. А.** Идеи буддизма в литературе русского зарубежья. — 2-е издание, дополненное / Г. А. Сорокина. — Москва : Экон-Информ, 2017. — 262 с. — Текст : непосредственный.
365. **Сотова, Т. О.** Сборник стихов «Фарфоровый павильон» Н. С. Гумилёва. Мироззрение китайских поэтов и отношение к ним переводчика / Т. О. Сотова. — Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета (Серия «Русская филология»). — 2014. — № 3. — С. 130–140.
366. Способ приготовления туши. Китайские белила и румяны. — Текст : непосредственный // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. — Т. I. — Санкт-Петербург, 1852. — С. 361–382.
367. **Спургот, М. Ц.** [Пурга]. Жёлтая дама : стихи / М. Ц. Спургот. — Шанхай : Заря, 1931. — 62 с. — Текст : непосредственный.
368. **Старосельская, Н. Д.** Повседневная жизнь «русского» Китая / Н. Д. Старосельская. — Москва : Молодая гвардия, 2006. — 376 с. (Живая история). — Текст : непосредственный.
369. **Степанов, А. Н.** О книге «Порт-Артур» / А. Н. Степанов. — Текст : непосредственный // Новый мир. — 1945. — № 8. — С. 117.
370. **Степанов, А. Н.** Порт-Артур : роман. Кн. 1–2 / А. Н. Степанов. — Краснодар : Краевое книжное изд-во, 1940–1941. — Текст : непосредственный.
371. **Степанов, А. Н.** Порт-Артур : роман в 2 книгах. Кн. 1 / А. Н. Степанов ; примечания Л. И. Полосиной. — Москва : Современник, 1998. — 607 с. Кн. 2 : примечания Л. И. Полосиной. — Москва : Современник, 1980. — 608 с. — (Серия «Библиотека русского романа»). — Текст : непосредственный.
372. **Степанов, А. Н.** Рассказы об обороне Порт-Артура / А. Н. Степанов. — Москва : Военное издательство, 1946. — 119 с. — Текст : непосредственный.

373. **Степанов, А. Н.** Семья Звонарёвых : роман : в 2 книгах / А. Н. Степанов. — Краснодар : Книжное издательство, 1959. — [Кн. 1]. — 1959. — 432 с. — Текст : непосредственный.
374. **Страшный заяц** / составлено по китайским легендам, собрано академиком П. П. Шимкевичем ; под редакцией В. П. Острогорского. — Санкт-Петербург : Товарищество художественной печати, 1901. — 16 с. — (Серия иллюстрированных волшебных китайских сказок; Сказка 1). — Текст : непосредственный.
375. **Сунь-Ят-Сен** [Сун Ятсен]. Записки китайского революционера : Программа национального строительства Китая / Сунь-Ят-Сен. — Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1926. — 143 с. — Текст : непосредственный.
376. **Таскина, Е. К.** Русские в Маньчжурии: страницы жизни : очерки, воспоминания / Е. К. Таскина. — Москва : Изд-во МБА, 2012. — 121 с. — Текст : непосредственный.
377. **Таскина, Е. П.** Дорогами русского зарубежья : мемуары / Е. К. Таскина. — Москва : Издательство МБА, 2007. — 229 с. — Текст : непосредственный.
378. **Таскина, Е. П.** Неизвестный Харбин: русский Харбин на рубеже ХХ в. и в 20-е гг. / Е. К. Таскина. — Москва : Прометей, 1994. — 159 с. — Текст : непосредственный.
379. **Таскина, Е. П.** Русский Харбин / Е. К. Таскина; составитель, предисловие и комментарии Таскиной Е. П. — Текст : непосредственный. — Москва : Изд-во Московского университета «ЧЕРО», 1998. — 272 с.
380. **Титаренко, А. С.** Представления о Китае в русском народном сознании: вторая половина XIX – начало XX в. / А. С. Титаренко. — Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета. — Серия 2: Гуманитарные науки. — 2014. — № 2 (127). — С. 243–251.

381. **Токутоми Рока.** Пять дней в Ясной Поляне. — Текст : непосредственный // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников : в 2 томах. / Токутоми Рока ; редактор С. А. Макашин. — Москва : Художественная литература, 1978. — Т. 2 / составление, подготовка текста и комментарии Н. М. Фортунатова. — С. 320–338. — Текст : непосредственный.
382. **Толкач, М. Я.** На сопках Маньчжурии : роман / М. Я. Толкач. — Самара : Книжное эхо, 2008. — 319 с. — Текст : непосредственный.
383. Толстой и зарубежный мир : в 2 книгах. / АН СССР. — Т. 2. — Москва : Наука, 1965. — 612 с. — (Литературное наследство; Т. 75). — Текст : непосредственный.
384. **Толстой, Л. Н.** Китайская мудрость / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений : в 90 томах. — Т. 25. — (Репринтное воспроизведение издания 1928–1985 гг.). — Москва : «Терра» – «Терра», 1992. — С. 532–535. — Текст : непосредственный.
385. **Толстой, Л. Н.** Китайская царица Силянчи / Л. Н. Толстой // Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 томах. — Т. 10. — Москва : Художественная литература, 1982. — С. 28. — Текст : непосредственный.
386. **Толстой, Л. Н.** Письмо к китайцу / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений : в 90 томах. — Т. 36. — (Репринтное воспроизведение издания 1928–1985 гг.). — Москва : «Терра» – «Терра», 1992. — С. 290–299. — Текст : непосредственный.
387. **Толстой, Л. Н.** Письмо к китайцу (1906) / Л. Н. Толстой. — Текст : электронный. — URL: <http://petrovitskaya.lifeware.ru/node/559>. (дата обращения: 26.09.2016).
388. **Толстой, Л. Н.** Полное собрание сочинений : в 90 томах (Юбилейное издание (1828–1928)) / Л. Н. Толстой. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1928–1958. — Т. 76. Письма 1905 (июль – декабрь). — Москва ; Ленинград :

- Государственное издательство художественной литературы, 1956. — Текст : непосредственный.
389. **Толстой, Л. Н.** Статьи / Л. Н. Толстой. — Москва : Директ-Медиа, 2010. — 340 с. — Текст : непосредственный.
390. **Топоров, В. Н.** Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического : избранное / Л. Н. Толстой. — Москва : Прогресс; Культура, 1995. — 621 с. — Текст : непосредственный.
391. **Трегубова, И.** Китайский цикл Николая Гумилёва / И. Трегубова. — Текст : электронный. — URL: <https://gumilev.ru/about/5>. (дата обращения: 21.05. 2016).
392. **Третьяков, С. М.** Ли Ян упрям / С. М. Третьяков. — Москва ; Ленинград : Гиз, 1927. — 16 с. — Текст : непосредственный.
393. **Третьяков, С.** Дэн Ши-хуа: био-интервью / С. М. Третьяков. — Москва : Молодая гвардия, 1930. — 392 с. — Текст : непосредственный.
394. **Третьяков, С. М.** «Рычи, Китай!» : стихи / С. М. Третьяков. — Москва : Акционерное издательство, общество «Огонек», 1926. — 48 с. (Библиотека «Огонёк»). № 160. — Текст : непосредственный.
395. **Третьяков, С. М.** Чжунго : очерки о Китае. — 2-е, дополненное издание / С. М. Третьяков. — Москва ; Ленинград : Госиздат, 1930. — 349 с. — Текст : непосредственный.
396. **У Цзинцзы.** Неофициальная история конфуцианцев: роман / У Цзинцзы ; перевод с китайского Д. Воскресенского; под редакцией В. Таскина. — Москва : Гослитиздат, 1959. — 631 с. — Текст : непосредственный.
397. **У Чэньэнь.** Путешествие на Запад : роман / У Чэньэнь ; перевод с китайского; вступительная статья и примечания А. Рогачева. — Т. 1–4. — Москва : Гослитиздат, 1959. — Т. 1. — 456 с.; — Т. 2. — 447 с.; — Т. 3. — 487 с.; — Т. 4. — 534 с. — Текст : непосредственный.

398. Удивительные истории нашего времени и древности ; перевод В. А. Вельгуса и И. Э. Циперович. — Москва : Издательство Восточной литературы, 1962. — Т. 2. — 912 с. — Текст : непосредственный.
399. Упорный Юн Су: Китайские народные сказки. [Для младшего школьного возраста] ; рисунки Н. Кочергина. — Москва : Детгиз, 1955. — 16 с. — Текст : непосредственный.
400. **Усов, В. Н.** В гареме Сына Неба : Жёны и наложницы Поднебесной / В. Н. Усов. — Москва : Алгоритм, 2014. — 269 с. — [Гарем]. — Москва : Наталис; Рипол классик, 2006. — 479 с. — Текст : непосредственный.
401. **Усов, В. Н.** Евнухи в Китае / В. Н. Усов. — Москва : Издательский Дом «Муравей», 2000. — 221 с. — (Историческая библиотека). — Текст : непосредственный.
402. **Усов, В. Н.** Китайский Берия Кан Шэн: на службе «великого дела» / В. Н. Усов. — Москва : Олма-Пресс; Красный пролетарий, 2004. — 477 с. — (Серия «Архив»). — Текст : непосредственный.
403. **Усов, В. Н.** Последний император Китая: Пу И (1906–1967): жизнь и судьба / В. Н. Усов. — Москва : Олма-Пресс, 2003. — 413 с. — Текст : непосредственный.
404. **Усов, В. Н.** Советская разведка в Китае: 20–30-е годы XX века / В. Н. Усов. — Москва : Товарищество научного издания КМК, 2007. — 453 с. — Текст : непосредственный.
405. **Фадеев, А. А.** Последний из удэге / А. А. Фадеев // Разгром. — Москва : Эксмо, 2016. — 640 с. — Текст : непосредственный.
406. **Федотов, О.** Китайские стихи Гумилёва. Версификационная поэтика цикла / О. Федотов. — Текст : непосредственный // Литература. — 2003. — № 37. — С. 2–7.
407. **Фольбаум, Н.** Китай и китайцы / Н. Фольбаум. — Москва, 1911. — 52 с. — Текст : непосредственный.

408. **Фраерман, Р. И.** Желанный цветок : по мотивам китайских народных сказок : [Для младшего школьного возраста] / Р. И. Фраерман ; рисунки Н. Кочергина. — Москва ; Ленинград : Детгиз, 1953. — 64 с. — Текст : непосредственный.
409. **Фу Цин.** Боб, который умел петь песни: китайская народная сказка : [Для дошкольного возраста] / Фу Цин ; переработка и обработка А. Клышко; записал Фу Цин; иллюстрации : П. Кирпичев. — М. : Детгиз, 1957. — 16 с. — Текст : непосредственный.
410. Харбин. Ветка русского дерева : проза, стихи / составитель: Д. Г. Селькина, Е. П. Таскина; вступительная статья Е. Таскиной. — Новосибирск : Книжное издательство, 1991. — 397 с. — Текст : непосредственный.
411. Хау-Цю-Джуань, т.е. Беспремерный брак / [Н. Я. Бичурин] // Северные цветы на 1832 год ; издание подготовил Л. Г. Фризман. — Москва : Наука. — 1980. — С. 34–52. — Текст : непосредственный.
412. **Хвостов, А.** Русский Китай. Наша первая колония на Дальнем Востоке / А. Хвостов. — Текст : непосредственный // Вестник Европы. — 1902. — No 10. — С. 653–696; No 11. — С. 181–208.
413. **Хейдок, А. П.** Звёзды Маньчжурии: Рассказы / А. П. Хейдок. — Владивосток : Рубеж, 2011. — 336 с. — Текст : непосредственный.
414. **Хисамутдинов, А. А.** «Издательские дела» русского Тяньцзиня / А. А. Хисамутдинов. — Текст : непосредственный // Издательское дело на Дальнем Востоке: наука и практика : сборник научных трудов. — Вып. 1. — Владивосток : Издательский дом Дальневосточного федерального университета, 2013. — С. 138–171.
415. **Хисамутдинов, А. А.** Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке : Библиографический словарь / А. А. Хисамутдинов. — Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 2000. — 358 с. — Текст : непосредственный.

416. **Хисамутдинов, А. А.** Русские волны на Пасифике: из России через Китай, Корею и Японию в Новый Свет / А. А. Хисамутдинов. — Пекин; Владивосток : Рубеж, 2013. — 639 с. — Текст : непосредственный.
417. **Хисамутдинов, А. А.** Русское слово в стране иероглифов: к истории эмигрантской печати, журналистики, библиотековедения и архивов / А. А. Хисамутдинов. — Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 2006. — 302 с. — (Дальневосточное книжное дело). — Текст : непосредственный.
418. **Хисамутдинов, А. А.** Русское печатное слово в Харбине / А. А. Хисамутдинов. — Текст : непосредственный // Книга. Исследования и материалы = Book. Researches and materials. — Москва : Фонд «Книжная культура», 2015. — Сборник 104–105. — С. 151–166.
419. **Ходза, Н. А.** Китайские сказки / Н. А. Ходза / обработка для детей Н. Ходза. — Хабаровск : Книжное издательство, 1955. — 88 с. — Текст : непосредственный.
420. **Хольм ван Зайчик.** Дело жадного варвара. Дело незалежных дервишей. Дело о полку Игореве / Хольм ван Зайчик. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2005. — 800 с. — Текст : непосредственный.
421. **Хомяков, А. С.** «Семирамида»: мысли по вопросам всеобщей истории. Исследование истины исторических идей. — Текст : непосредственный // Хомяков А. С. Сочинения : в 2 томах. — Т. 1: Работы по историософии / А. С. Хомяков ; вступительная статья, составление и подготовка текста В. А. Кошелева; примечания В. А. Кошелева, Н. В. Серебренникова, А. В. Чернова. — Москва : Московский философский фонд; Издательство «Медиум», 1994. — С. 15–446.
422. **Храповицкий, М. Д.** Материалы для истории уголовного законодательства в Китае / М. Д. Храповицкий. — Текст :

- непосредственный // Сборник сочинений о Китае членов Российской миссии в Пекине на основании китайских источников и на переводах с китайского. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. № 273 (К. А. Скачкова), № 2891, картон № 22, единица хранения № 3, папка № 1–2. Л. 35–169.
423. **Храповицкий, М. Д.** События в Пекине при падении Минской династии (заимствовано из современных событиям документов) / М. Д. Храповицкий. — Текст : непосредственный // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. — Санкт-Петербург : Типография Главного Штаба Его Императорского Величества по военно-учебным заведениям, 1857. — С. 1–102.
424. **Хэ Мин, Ли Синмэй.** Многоликость Шанхая в русской эмигрантской поэзии / Хэ Мин, Ли Синмэй. — Текст : непосредственный // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. — Москва : Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук. — 2018. — С. 118–134.
425. **Цао Сюэмэй, Дефье, О. В.** Образ и мотивы «китайского ума» в произведениях русских писателей XVIII века / Цао Сюэмэй, О. В. Дефье. — Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета. — 2017. — Т. 23. — № 3: Июль–Сентябрь. — С. 111–115.
426. **Цао Сюэмэй.** Евразийская идея в рассказе М. И. Цветаевой «Китаец» / Цао Сюэмэй. — Текст : непосредственный // Русская революция 1917 года в современной гуманитарной парадигме : Материалы XXII Шешуковских чтений ; под редакцией Л. А. Трубиной. — Москва : МПГУ, 2017. — С. 167–173.
427. **Цао Сюэмэй.** Ещё раз о «Китайском анекдоте» в русской литературе / Цао Сюэмэй. — Текст : непосредственный // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. — 2018. — № 1. — С. 45–49.

428. **Цао Сюэмэй.** Китайская маска русской революции в литературе 1920-х годов (И. Бабель «Ходя» и М. Булгаков «Китайская история») / Цао Сюэмэй. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2018. — № 5. Сентябрь. — С. 85–91.
429. **Цао Сюэмэй.** Китайские мотивы в рассказе Б. А. Пильняка «Санкт-Питер-Бурх» / Цао Сюэмэй. — Текст : непосредственный // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. — (Серия «Гуманитарные науки»). — 2018. — № 4: Апрель. — С. 166–169.
430. **Цао Сюэмэй.** Мотив чертовщины в рассказе Михаила Булгакова «Китайская история» / Цао Сюэмэй. — Текст : непосредственный // Русская революция в зеркале литературы и культуры : сборник статей и материалов Межвузовской научной молодёжной конференции (Москва, МПГУ, 11 ноября 2017 г.). — Москва : Древлехранилище. — 2018. — С. 122–128.
431. **Цао Сюэмэй.** Версии мифа о китайцах в рассказах И. Бабея «Ходя» и М. Цветаевой «Китаец» / Цао Сюэмэй. — Текст : непосредственный // Научные труды молодых учёных-филологов. — Вып. XVII. — Москва, 2018. — С. 168–173.
432. **Цао Сюэцинь.** Сон в Красном тереме : роман / Цао Сюэцинь ; перевод с китайского В. А. Панасюка; [вступительная статья Н. Т. Федоренко]. — Т. 1–2. — Москва : Гослитиздат, 1958. — Т. 1. — 1958. — 879 с. — Т. 2. — 863 с. — Текст : непосредственный.
433. **Чаадаев, П. Я.** Полное собрание сочинений и избранные письма. — Т. 1 / П. Я. Чаадаев. — Москва : Наука, 1991. — 800 с. — (Памятники философской мысли). — Текст : непосредственный.
434. **Чекунов, В. В.** Императрица. Тираны. Книга 2: Императрица / В. В. Чекунов. — Москва : Этногенез, 2015. — 266 с. — Текст : непосредственный.

435. **Чекунов, В. В.** Китай / В. В. Чекунов. — Москва : АСТ, 2019. — 270 с. — Текст : непосредственный.
436. **Чекунов, В. В.** Шанхай: любовь подонка : роман / В. В. Чекунов. — Москва : Этногенез [и др.], 2010. — 272 с. — Текст : непосредственный.
437. **Чжан Тяньи.** Линь Большой и Линь Маленький : повесть-сказка : [Для среднего школьного возраста] / Чжан Тяньи ; перевод с китайского А. Гатова; рисунки Н. Антокольская. — Москва : Детгиз, 1958. — 174 с. — Текст : непосредственный.
438. Чудесный мастер : перевод с китайского : в 3 выпусках / редактор-составитель и автор предисловия А. Тишков. — Чита : Книжное издательство, 1954–1959. — Вып. 1. — 102 с.; Вып. 2. — 115 с.; Вып. 3. — 218 с. — Текст : непосредственный.
439. **Чудинова, Е.** Вышел зайчик клеветать / Е. Чудинова. — Текст : электронный. — URL: <https://www.apn.ru/publications/article33987.htm>. (дата обращения: 20.06.2018).
440. **Шарыпина, Т. А.** Фридрих Вольф и Сергей Третьяков: к проблеме влияний и творческих схождений / Т. А. Шарыпина. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Филологические науки. — 2015. — № 6. — С. 185–191.
441. **Ши Гохуа.** Русские в Китае / Ши Гохуа. — Текст : непосредственный // Проблемы Дальнего Востока. — 1990. — № 2. — С. 228–230.
442. **Ши Найань.** Речные заводи : роман : в 2 томах / Ши Найань ; перевод с китайского А. Рогачева. — 2-е издание. — Т. 1–2. — Москва : Гослитиздат, 1959. — 1124 с. — Текст : непосредственный.
443. **Ши Сяолун.** Образ Китая и китайцев в произведениях русских путешественников XIX – начала XX века / Ши Сяолун. — Текст : непосредственный // Филология и культура. — 2016. — № 4 (46). — С. 280–287.

444. **Шифман, А. И.** Лев Толстой и Восток. / А. И. Шифман; АН СССР. Институт востоковедения. — 2-е издание, переработанное и дополненное. — Москва : Наука, 1971. — 552 с. — Текст : непосредственный.
445. **Шкловский, В. Б.** Гамбургский счёт : статьи – воспоминания – эссе (1914–1933) / А. И. Шифман. — Москва : Советский писатель, 1990. — 544 с. — Текст : непосредственный.
446. **Шляхов, А. Л.** Китай и китайцы: Привычки. Загадки. Нюансы (Что должен знать каждый житель Земли о китайцах) / А. Л. Шляхов. — Москва : Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. — 350 с. — Текст : непосредственный.
447. **Шмейссер, М. П., Ревоненко, А. В.** [Письма] // «Будто нет расстоянья и времени нет» : из писем поэтов, бывших эмигрантов к А. В. Ревоненко / М. П. Шмейссер, А. В. Ревоненко. — Хабаровск : Хабаровский краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, 2006. — С. 78–79. — Текст : непосредственный.
448. **Шумара, Е. В.** Хунхузничество в прозе писателей дальневосточного зарубежья / Е. В. Шумара. — Текст : непосредственный. // Русский язык и литература в мультикультурном пространстве : материалы всероссийской научно-практической конференции. — Т. 1, ч. 1. — Комсомольск-на-Амуре : Амурский гуманитарно-педагогический университет, 2017. — С. 102–108.
449. **Эйдлин, Л. З.** О китайской литературе наших дней / Л. З. Эйдлин. — Москва : Советский писатель, 1955. — 299 с. — Текст : непосредственный.
450. **Эрдберг, О. [Разумов, С. П.]**. Китайские новеллы / О. Эрдберг [С. П. Разумов] ; предисловие Г. В. Эренбурга. — Москва : Советский писатель, 1959. — 177 с. Текст: непосредственный.

451. **Эрдберг О.** [Разумов С. П.]. Китайские новеллы / О. Эрдберг [С. П. Разумов]. — Москва : Молодая гвардия, типография «Эмес», 1929. — 166 с. — Текст : непосредственный.
452. **Эрдберг О.** [Разумов С. П.]. Китайские новеллы. — 2-е издание / О. Эрдберг [С. П. Разумов]. — Москва : Молодая гвардия, типография «Пролетарское Слово», 1932. — 224 с. — Текст : непосредственный.
453. **Эрдберг О.** [Разумов, С. П.]. Мы куём мечи: Китайские новеллы / О. Эрдберг [С. П. Разумов]. — Москва : Московский рабочий, [1929]. — (Роман-газета; № 24 (54). 1929 г.). — Текст : непосредственный.
454. **Эрдберг О.** [Разумов, С. П.]. На станции Сян-Яне : рассказ для детей среднего возраста / О. Эрдберг [С. П. Разумов]. — Москва ; Ленинград : Огиз — Молодая гвардия, 1931 (Москва : Центральная типография им. К. Ворошилова). — 12 с. — Текст : непосредственный.
455. **Эрдберг О.** [Разумов, С. П.]. Тай-анская песнь : рассказ / О. Эрдберг [С. П. Разумов]. — Москва : Издательство ЦК МОПР СССР, типография «Гудок», 1930. — 16 с. — Текст : непосредственный.
456. Юй Гун раздвигает горы: тридцать китайских народных сказок ; подготовлено к печати Л. В. Дьяконовым. — Киров : Книжное издательство, 1959. — 133 с. — Текст : непосредственный.
457. **Юренева, В. Л.** Мои записки о китайском театре / В. Л. Юренева. — Москва : Теа-кино-печать, 1928. — 36 с. — Текст : непосредственный.
458. **Юрьев, Д.** Еврабия против Ордуси / Д. Юрьев. — Текст : электронный. — URL: <https://politconservatism.ru/blogs/evrabiya-protiv-ordusi> (дата обращения: 20.06.2018).
459. **Якимова, С. И.** Всеволод Никанорович Иванов: писатель, мыслитель, журналист / С. И. Якимова. — Хабаровск : Издательство Тихоокеанского государственного университета. — 2013. — 216 с. — Текст : непосредственный.

460. **Якобсон, Е. А.** Пересекая границы: Революционная Россия – Китай – Америка / Е. А. Якобсон ; перевод с английского Е. Ю. Дорман. — Москва : Русский путь, 2004. — 244 с. — Текст : непосредственный.
461. **Ян Чжулай [Разумов, С. П.].** Японские империалисты в Шанхае / Институт мирового хозяйства и мировой политики Комакад. Колониальный сектор / Ян Чжулай [С. П. Разумов]. — Москва : Партийное издательство, типография «Образцовая», 1932. — 80 с. — Текст : непосредственный.
462. **Ян Янь.** Русская литература в Китае середины XX столетия в оценке китайских исследователей / Ян Янь. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота. — 2016. — № 9 (63) : в 3 частях. — Ч. 2. — С. 52–55.
463. **Янковский, В. Ю.** Долгое возвращение: Автобиографическая повесть / В. Ю. Янковский. — Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1991. — 160 с. — Текст : непосредственный.
464. **Яо Чэнчэн.** Образы Китая в русской литературе для детей и подростков: дисс. ... маг. филол. н. / Яо Чэнчэн. — Екатеринбург, 2014. — 202 с. — Текст : непосредственный.

Исследования на английском языке:

465. **Goullart, P.** Forgotten Kingdom. — J. Murray, 1957. — 259 p.
466. **Perelešin, V. [Перелешин В.].** Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930-1950 = Поэзия и литературная жизнь в Харбине и Шанхае в 1930–1950 гг.) : the memoirs of Valerij Perelešin / ed. in Russ. a. with an introd. by Jan Paul Hinrichs. — Amsterdam : Rodopi, 1987. — 159 p.
467. **Yakobson, H.** Crossing borders: From Revolutionary Russia to China to America. — Tenaflly (N.J.): Hermitage, 1994. — 211 p.

Исследования на китайском языке:

468. 董晓. 理想主义: 激情与灼伤(苏联文学 70 年) [М]. 上海: 上海人民出版社, 2009: 245. = **Дун, Сяо.** Идеализм: страсть и оскорбление – 70 лет советской литературы / Дун Сяо. — Шанхай : Шанхайское народное изд-во, 2009. — 245 с. — Текст : непосредственный.
469. 贺颖. 他乡亦故乡: 俄罗斯人回忆哈尔滨 [М]. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2010 : 303. = **Хэ, Инь.** Харбин – вторая Родина русских эмигрантов / Хэ Инь. — Харбин, 2010. — 303 с. — Текст : непосредственный.
470. 李萌. 缺失的一环: 在华俄国侨民文学 [М]. 北京: 北京大学出版社, 2007 : 483. = **Ли, Мэн.** Литература русской эмиграции в Китае: забытая страница / Ли Мэн. — Пекин : Изд-во Пекинского ун-та, 2007. — 483 с. — Текст : непосредственный.
471. 李兴耕. 风雨浮萍——俄国侨民在中国 [М]. —北京: 中央编译出版社, 1997 : 432. = **Ли, Синган.** Лотос, плывущий в буре. Русские эмигранты в Китае / Ли Синган. — Пекин, 1997. — 432 с. — Текст : непосредственный.
472. 李延龄. 中国俄罗斯侨民文学丛书 10 卷之第 3 卷 [М]. 北京: 中国青年出版社, 2005 : 602. = **Ли, Яньлин.** Литература русских эмигрантов в Китае : в 10 т. — Т. 3 / Ли Янлин. — Пекин : Китайская молодёжь, 2005. — 602 с. — Текст : непосредственный.
473. 李延龄. 论中国俄罗斯侨民文学(2) [М]. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2005 : 276. = **Ли, Яньлин.** О литературе русской эмиграции в Китае. — Ч. 2 / Ли Янлин. — Харбин : Хэйлунцзянское народное изд-во, 2005. — 276 с. — Текст : непосредственный.
474. 石方. 哈尔滨俄侨史 [М]. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2003 : 609. = **Ши, Фа.** История русской эмиграции в Харбине / Ши Фа. — Харбин :

- Жэньминь чубаньшэ Хэйлунцзян, 2003. — 609 р. — Текст :
непосредственный.
475. 王亚民. 论俄侨作家阿尔弗雷德·黑多克的短篇小说[J]. 兰州大学学报, 2007, 3 : 54-59 = **Ван, Яминь**. О рассказах русского писателя-эмигранта А. П. Хейдока / Ван Яминь. — Текст : непосредственный // Вестник Ланьчжоуского университета. — 2007. — № 3. — С. 54–59.
476. 汪之成. 上海俄侨史[M]. 上海:三联书店上海分店出版社, 1993:832. = История русских эмигрантов в Шанхае / Ван Чжичжэн. — Шанхай, 1993. — 832 с. — Текст : непосредственный.
477. 于嘉. 中国批评视野中的俄苏“红色经典” [D]. 上海:华东师范大学, 2005. = **Юй, Цзя**. Русско-советская «красная классика» в оценке китайских критиков: дисс. ... д. филол. н. / Юй Цзя. — Шанхай, 2005. — 171 с. — Текст : непосредственный.